

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

2023

№ 1 (45)

Выходит 4 раза в год

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

**Москва
2023**

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2023.
№ 1 (45). 124 с.

ISSN (print): 2223–6872

ISSN (online): 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор, Москва),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора, Москва),
Витковски Лех (Слупск, Польша), Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург),
Волковская Татьяна Николаевна (Москва), Вяткин Бронислав Александрович (Пермь),
Дочкал Владимир (Братислава, Словакия), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Иванов Денис Васильевич (Новосибирск), Левченко Ирина Юрьевна (Москва),
Леньков Сергей Леонидович (Тверь), Лидак Людмила Валентиновна (Пятигорск),
Прюс Франц (Грайфсвальд, Германия), Рубцова Надежда Евгеньевна (Тверь),
Ткачева Виктория Валентиновна (Москва), Толстикова Светлана Николаевна (Москва)

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Беларусь),
Абушкин Борис Михайлович (Москва), Аншакова Валентина Васильевна (Астрахань),
Арзуманов Юрий Леонидович (Москва), Бакшутова Екатерина Валерьевна (Самара),
Бершедова Людмила Ивановна (Москва), Георгиева Росица (София, Болгария),
Жданова Светлана Юрьевна (Пермь), Забродин Юрий Михайлович (Москва),
Казак Тамара Владимировна (Минск, Беларусь), Карпова Наталия Львовна (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Лобанов Александр Павлович (Минск, Беларусь), Миронова Татьяна Ивановна (Кострома),
Романова Евгения Сергеевна (Москва), Рычихина Элина Николаевна (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций. Регистрационный номер: ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015
журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Индекс издания в подписном интернет-каталоге «Пресса России» (www.pressa-rf.ru): 80651

Зав. редакцией О. В. Котова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 (495) 612-67-16

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009

www.systempsychology.ru

© ГАОУ ВО МГПУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и метод системной психологии

Рыжов Б. Н. Любовь. Системно-психологическая интерпретация феномена.....	5
--	---

Психологические исследования

Шейнов В. П., Девицын А. С. Факторная структура короткой версии опросника оценки незащищенности от кибербуллинга	18
Кибальченко И. А., Эксакусто Т. В. Интеграция базовых убеждений и познавательной позиции студентов: системный анализ взаимосвязей	31
Полякова О. Б., Бонкало Т. И. Вектор карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период	45
Козлов А. В., Козлова М. А. Возможности использования позной реакции для повышения надежности психодиагностических методик.....	56
Переверзева М. В. Психолого-педагогическая работа с девиантными подростками.....	65
Немов Р. С. Системно-исторический анализ понятий, используемых в психологии мотивации	77

История психологии и психология истории

Круглова Е. А. Системный анализ российской психологической мысли на этапе становления психологии как самостоятельной науки (XVII–XVIII вв.).....	87
Иванов Д. В. Проблема способностей в работах российских просветителей первой половины XVIII в. Феофан Прокопович (системный анализ).....	100

Информация

Ткачева В. В. Научный вклад В. Г. Петровой в развитие специальной психологии и педагогики.....	111
Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2023, № 1 (45).....	114
Требования к оформлению статей.....	119

CONTENTS

Theory and method of Systems Psychology

Ryzhov B. N. Love. System-psychological interpretation of the phenomenon.....	5
--	---

Psychological Researches

Sheinov V. P., Devitsyn A. S. Factor structure of the short version of cyberbullying vulnerability assessment questionnaire	18
Kibalchenko I. A., Ehksakusto T. V. Integration of students basic beliefs and cognitive position: system analysis of relationships	31
Polyakova O. B., Bonkalo T. I. The vector of career orientations of students in the post-covid period.....	45
Kozlov A. V., Kozlova M. A. The possibility of using a postural reaction to increase the reliability of psychodiagnostic techniques.....	56
Pereverzeva M. V. Psychological and pedagogical work with deviant adolescents	65
Nemov R. S. System-historical analysis of concepts used in the motivation psychology.....	77

History of Psychology and Psychology of History

Kruglova E. A. System analysis of Russian psychological thought at the stage of formation of psychology as an independent science (XVII–XVIII centuries)	87
Ivanov D. V. The problem of abilities in the works of Russian enlighteners of the first half of the XVIII century. Feofan. Prokopovich (system analysis).....	100

Information

Tkacheva V. V. V. G. Petrova's scientific contribution to the development of special psychology and pedagogy	111
Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2023, № 1 (45).....	114
Author Guidelines.....	121

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.01

ЛЮБОВЬ. СИСТЕМНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА

Б. Н. Рыжов,
МГПУ, Москва,
RyzhovBN@mgpu.ru

Статья посвящена попытке объяснения феномена любви с позиций системной психологии. В ней рассмотрены социальные ранги различных видов мотивации, образующие основу моральных норм общества. Системная психология выделяет восемь дополняющих друг друга видов мотивации. Четыре из них составляют группу биологической мотивации, которая роднит человека с животным миром. Эти виды мотивации направлены на развитие и сохранение индивида и вида. Другие четыре вида входят в группу социальной мотивации. Они связаны с социальной природой человека и направлены на развитие и сохранение личности и общества.

С единых системно-психологических позиций рассмотрены общие для разных социальных структур различия половой морали и глубинные психологические причины феномена любви. Предложена его системно-психологическая интерпретация, ключевым моментом которой является замыкание различных видов мотивации на предмете влюбленности. Показано, что стартовым механизмом возникновения гетеросексуальной любви в большинстве случаев является первичная фиксация биологической (репродуктивной) мотивации влюбленного на предмете с последующим фиксированием на этом предмете прочих видов мотивации. При возникновении гомосексуальной любви стартовым механизмом является замыкание на предмете одного или нескольких социальных видов мотивации — нравственности (в том ее аспекте, который связан с восприятием красоты и гармонии) или же самореализации, познания и защиты своего Я — и лишь затем механизм запечатления приводит к фиксации на предмете влюбленности репродуктивной мотивации.

В статье также описаны некоторые динамические аспекты развития любовной привязанности, а также системно-психологические эффекты разрушенной любви. Представленная концепция является теоретической основой для разработки системно-психологической технологии семейного консультирования. В сочетании с методами системно-психологической диагностики мотивации и личности она может стать действенным инструментом современной практической психологии.

Ключевые слова: системная психология; любовь; влюбленность; мотивация; репродукция; самореализация; гетеросексуальные отношения; гомосексуальные отношения; семейное консультирование.

Для цитаты: Рыжов Б. Н. Любовь. Системно-психологическая интерпретация феномена // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.01

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: *RyzhovBN@mgpu.ru*

ORCID: 0000-0001-8848-3622

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.01

LOVE. SYSTEM-PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON

B. N. Ryzhov,
MCU, Moscow,
RyzhovBN@mgpu.ru

The article is devoted to an attempt to explain the phenomenon of love from the standpoint of systemic psychology. It examines the social ranks of various types of motivation that form the basis of the moral norms of society. Systems psychology identifies eight complementary types of motivation. Four of them make up a group of biological motivation, which makes us related to the animal world. These types of motivation are aimed at the development and preservation of the individual and the species. The other four types are the social motivation. They come from the social nature of man and are aimed at the development and preservation of the individual and society.

The differences of sexual morality common to different social structures and the deep psychological causes of the phenomenon of love are considered from a unified system-psychological standpoint. Its systemic psychological interpretation, the key point of which is the closure of various types of motivation on the subject of falling in love is proposed.

It is shown that the starting mechanism of the emergence of heterosexual love in most cases is the primary fixation of the biological (reproductive) motivation of the lover on the subject, followed by the fixation of other types of motivation on this subject. When homosexual love arises, the starting mechanism is the closure of one or more social types of motivation on the subject – morality (in the aspect which is associated with the perception of beauty and harmony) or self-realization, cognition and protection of its borders, its integrity, and only after that the imprinting mechanism leads to the fixation on the subject of love of reproductive motivation.

The article also describes some dynamic aspects of the development of love attachment, as well as the systemic psychological effects of destroyed love. The presented concept is a theoretical basis for the development of a system-psychological technology of family counseling. In combination with the methods of systemic psychological diagnostics of motivation and personality, it can become an effective tool of modern practical psychology.

Keywords: systemic psychology; love; infatuation; motivation; reproduction; self-realization; heterosexual relationships; homosexual relationships; family counseling.

For citation: Ryzhov B. N. Love. System-psychological interpretation of the phenomenon // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.01

Ryzhov Boris Nikolayevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-8848-3622

Введение

Сколько сказано об этом чувстве! Какие возвышенные, а иногда и низменные его проявления стали сюжетами величайших творений культуры! Постичь природу феномена любви пытались виднейшие философы и писатели Античности. Они различали чувственное половое влечение — эрос — и филию — разумную

привязанность к другому человеку. Платон описал возвышенную любовь, совсем лишенную чувственного начала (см. об этом: [4]). Мы называем ее платонической. Знаменитый поэт Овидий отправился в ссылку за слишком откровенные советы, которые давал влюбленным в своей книге «Наука любить»¹.

¹ Публий Овидий Назон. Наука любить / пер. прозой В. Алексеев. М.: Вернисаж, 1992. 222 с.

В более близкую к нам эпоху эссе с названием «О любви»² сочинил Стендаль. О любви писали А. Шопенгауэр [9: с. 88–126] и Владимир Соловьев (см. об этом: [2]). Разумеется, эту тему не могли обойти стороной З. Фрейд и его многочисленные последователи (см. об этом: [10]). Однако психоаналитические суждения о любви, по сути, остаются литературно-философским творчеством.

В настоящее время существует множество исследований, посвященных проблеме любви [11; 15; 17]. Так, в работе Е. В. Баранова предложен анализ феномена любви с позиций ее соотношения с формами познания [1]. Через призму эмоциональной зрелости личности предлагает рассматривать проблему любви З. А. Киреева [3]. Вопрос психологии любви и брака раскрывается в работах Л. В. Пятилетовой [5], Э. Бершейда [13], Д. М. Бусса [14], Л. М. Даймонда [16]. Методика диагностики психологических типов любви предложена в работе С. В. Фроловой [8].

В настоящей статье предпринята попытка объяснить феномен любви с позиций системной психологии, рассматривая замыкание различных видов мотивации на предмете влюбленности в качестве ключевого механизма этого явления.

Виды мотивации и их социальный ранг

Системная психология выделяет восемь дополняющих друг друга видов мотивации. Четыре из них составляют группу биологической мотивации, которая роднит человека с животным миром. Эти виды мотивации, направленные на развитие и сохранение индивида и вида, в системной психологии получили название витальности, самосохранения, репродукции и альтруизма. Другие четыре вида относятся к социальной мотивации. Они связаны с социальной природой человека и направлены на развитие и сохранение как личности, так и общества. В системной психологии они получили название познавательной мотивации, мотивации самореализации,

нравственности и защиты своего Я [6: с. 141–147].

В зависимости от того, какое значение для жизни социума имеет тот или иной вид мотивации, общество определяет ему соответствующий социальный ранг: относит к высшим побуждениям или, напротив, считает, что человек может им пренебречь для общественного благополучия и даже обязан это сделать в критической для общества ситуации.

То, как в общественном сознании соотносятся между собой разные виды мотивации человека и вытекающие из них стремления и поступки, составляет неписанный закон, по которому живет общество. Это и есть основа общественной морали. При всех различиях в разных общественных системах нормы морали всегда имеют одно принципиальное сходство. Оно заключается в том, что наивысшим рангом обладают виды мотивации, направленные на развитие и сохранение общества.

Мы знаем два рода героев. Одни — великие люди. Создатели и преобразователи общества, гении и творцы. Другие — люди обыкновенные. Но им выпала судьба в критическую минуту пожертвовать собой ради других, и они эту жертву принесли. На их примерах создается идеал поведения мужчины. Но не меньшее значение для общества имеют репродуктивная мотивация и альтруизм. Какой смысл сохранять общественные ценности, если само общество перестанет существовать? Поэтому материнство и бескорыстная помощь ближнему — всегда одни из высших ценностей человечества.

Вслед за наиболее приоритетными коллективистскими видами мотивации идет мотивация развития личности. Развитая, творческая личность является основой цивилизации. Только она может создавать новые ценности и знания, которые затем становятся частью общественного достояния. Поэтому стремление к познанию всегда внушало уважение. Но истинное знание достается дорогой ценой. Вспомним прародителей человечества, Адама и Еву. Они были изгнаны из рая за то, что вкусили от древа познания. Ту же картину рисует древнегерманская мифология. Бог воинов, мудрый Один, одноглаз. Свой глаз

² Стендаль. О любви / пер. с фр. М. Левберг, П. Губера. СПб.: Азбука, 2011. 286 с.

он добровольно отдал за то, чтобы напиться из источника мудрости.

Тесно связанная с мотивацией развития личности мотивация защиты Я имеет в глазах общества относительно высокий ранг, когда речь идет о тех качествах, которые необходимы сильной личности, — самоуважении и верности своим моральным принципам. Там же, где речь идет о видах психологической защиты, которые служат внутренним прикрытием и оправданием человеческой слабости, общество не видит для себя особой пользы. Мотивация защиты Я, находящая свое проявление в психологической защите, имеет уже значительно более низкий ранг. Человек, который обманывает себя, лишь бы не смотреть правде в лицо, вызывает сожаление.

Еще менее значимы для общества такие виды биологической мотивации, как само-сохранение и обеспечение витальных функций. Они индивидуальны по своей сущности. Роль этих видов мотивации для общества минимальна даже в тех редких случаях, когда речь идет об исторических личностях. Наполеон, хладнокровно отдающий приказы под ядрами русской артиллерии, вызывает куда больше симпатии, чем Керенский, который бежит из Зимнего дворца в платье медсестры в автомобиле американского посла.

Различия половой морали

Неписанные законы общества зависят от множества факторов. Пол, возраст, социальное положение человека — все это определяет, как мы будем себя вести с ним и какого поведения ждем от него. Что считается нормальным для поведения мужчин и женщин, во многом определяется их биологической ролью при воспроизведении потомства и особенностями социальных взаимоотношений в ту или иную историческую эпоху.

Чарльз Дарвин считал половой отбор важнейшим инструментом эволюции, которым пользуется природа для развития вида. Биологическая роль полов различна, различны и ценностные ориентации, и мораль полов. Всецело отвечающая за количественное размножение вида женщина ориентирована на создание

семьи и рождение детей. С этой позиции она заинтересована, чтобы ее брачным партнером был мужчина, который передаст ее детям наиболее выгодные для выживания качества и обеспечит сохранение потомства. Для продолжения рода женщине нужен лишь один мужчина, но зато лучший из всех возможных.

Биологическая роль мужчины заключается в том, чтобы способствовать качественному прогрессу вида, передавая собственную генетическую информацию максимальному числу потомков. Биологически мужчина ориентирован не на моногамную семью, а на полигамный род. Можно сказать, что на уровне биологических побуждений природа заставляет мужчину стремиться занять роль альфа-самца, как это бывает в прайдах львов и сообществах высших приматов.

Разумеется, человек — биосоциальное существо. Общество регулирует все формы его поведения. Но никакое общество не может полностью отменить естественные биологические импульсы. Отсюда берут начало все известные в истории различия морали полов. Традиционная женская мораль всегда была основана на ценностях единобрачия. Но нередко она одновременно оправдывала решительную смену брачного партнера в пользу более сильного продолжателя рода. Перед бескомпромиссным выбором женщины пасует любое общество, а если на ее пути встает непреодолимая преграда, для нас она становится жертвой и вызывает сочувствие. Кто станет осуждать Анну Каренину за то, что она предпочла немолодому, непривлекательному внешне и, главное, нелюбимому мужу обворожительного красавца Вронского!

Однако частая и беспорядочная смена партнеров у женщины вызывает такое же повсеместное осуждение общества. Здесь социум выступает защитником природы и негодует: ведь нельзя одновременно зачать ребенка от двух мужчин. Для такого рода женского поведения в большинстве языков припасены непечатные эпитеты, для которых, что весьма показательно, нет мужских аналогов.

Традиционная мужская мораль представляет полнейший контраст. В большинстве известных нам культур мужская полигамия была общепринятой. Обширные гаремы были

у египетских фараонов. Библия говорит, что царь Соломон имел 700 жен и 300 наложниц. Многоженство было принято в древнем китайском обществе. Его примеры известны в дохристианской Руси. Наконец, возможность для мужчины иметь четырех жен допускает ислам.

Пожалуй, лишь основанная на христианских ценностях традиционная европейская культура тверже всего отстаивала принцип единобрачия как для мужчины, так и для женщины. Но так ли это оставалось на уровне бытового сознания? Целомудрие, к которому прямо призывал Христос в Нагорной проповеди, в массовом сознании оставалось почти исключительно женской добродетелью. Тот, кто умел привлекать женское внимание и имел многих возлюбленных, вызывал восхищение и некоторую зависть у других мужчин. Храбрость в рукопашной схватке и удачливость в любовных приключениях — обязательные атрибуты настоящего удальца. Неважно, будь то легендарный соблазнитель Дон Жуан или любимый французами веселый король Генрих IV.

Не меньше рязнятся требования морали и в тех случаях, когда речь идет не о репродукции, а о защите своих детей и семьи. В любой культуре в этом отношении роль женщины почти полностью ограничена защитой потомства. Женщина освобождена от многих требований, предъявляемых к мужчинам, например защиты своей чести перед лицом явной угрозы. При этом мы считаем, что мать не должна думать о себе, когда защищает своего ребенка. Более того, мать — единственный человек, который даст убежище сыну, даже если это самый отъявленный негодяй и преступник. Она мать, этим сказано все, и ни один неписанный закон ее не осудит.

Правда, все это лишь в том случае, если речь не идет о потомстве, произведенном от чужаков, и тем более врагов. Еще в недавнем прошлом нередко были примеры нетерпимости общества по отношению к женщинам, нарушающим этот запрет. Их можно найти в США еще в первой половине XX в. в тех случаях, когда белая женщина вступала в брак с чернокожим мужчиной. В Германии в 1930-е гг. также преследовали немок,

вступивших в связь с евреями. Немногим лучше в годы Второй мировой войны было и отношение людей на оккупированных территориях к женщинам, родившим детей от немецких солдат.

Мужчине предписана иная роль. Общество требует, чтобы он защищал не только детей, но и жену, и возлюбленную. Если в этом мужчина терпит неудачу, его шансы сохранить уважение и привязанность женщины падают стремительно³. Зато в глазах общества связь своего мужчины с представительницей чужого, и в особенности побежденного, народа, конечно, если это не связано с явным насилием, выглядит как событие закономерное и оправданное. На войне это одновременно и награда воину, и биологическое расширение общества на земле противника. В любом случае — признак молодечества и удальства [6: с. 156–158].

Более того, общество предъявляет мужчине совершенно иные, чем женщине, требования, когда в интересах защиты рода и родины он обязан пренебречь своим потомством. Так поступает гоголевский Тарас Бульба, своей рукой убивающий сына-изменника. Так бывает и в реальности. В 1943 г. Сталин отказался обменять пленного фельдмаршала Паулюса на своего сына Якова, попавшего в немецкий плен. Вскоре старший лейтенант Яков Джугашвили погибнет в концлагере «Заксенхаузен», а слова его отца «Я солдат на маршалов не меняю»⁴ станут нарицательными.

³ Вот реальное воспоминание молодой женщины: «В институте у меня было двое приятелей. Один высокий, со спортивной внешностью, другой — менее заметный. Спортсмен мне нравился, но все изменил случай. Как-то идем втроем по парку, дорогу загораживают пятеро крепких парней. Подходят ближе. В лицо летят похабные слова, угрозы. Спортсмен побледнел, стушевался, а второй пошел вперед. Никогда я таким его не видела. Он молча шел один на пятерых, и от него исходила такая ярость и решительность, что парни враз замолчали и расступились. Мы прошли мимо. Потом не раз еще встречались в компании, но спортсмен для меня перестал существовать».

⁴ Фраза И. В. Сталина, ставшая общеизвестной после того, как прозвучала в киноэпопее о событиях Великой Отечественной войны «Освобождение» (1968–1972).

Социально-психологический феномен любви

Высшие и низшие виды мотивации могут не только конфликтовать друг с другом, но и, соединяясь вместе, порождать уникальные психологические феномены. Ярчайший из них — любовь. Что же можно усмотреть в этом чувстве с позиций системной психологии? В его основе лежит фиксация различных видов мотивации на предмете любви. Это необходимо пояснить. Когда у нас актуализируется какая-либо потребность, наша психика как бы запечатлевает нужный нам предмет. Он фиксируется в нашем сознании. Возможно, рядом есть и другие предметы, которые тоже могли бы удовлетворить нашу потребность, но мы стремимся к тому, на котором произошла фиксация. Это психологическое залипание — необходимое условие для жизнедеятельности. Не будь ее, мы бы всю жизнь проводили в метаниях, не могли бы дочитать ни одной книги, досмотреть ни одного фильма. Фиксация на предмете есть и у животных⁵.

В сущности, та же фиксация происходит у влюбленного. Чтобы она состоялась, необходимо стечение нескольких обстоятельств. Прежде всего, конечно, высокий уровень половых гормонов. Чем выше их концентрация в крови, тем вероятнее происходит фиксация. Неслучайно любовь чаще всего поражает нас в юные годы, когда уровень половых гормонов достигает максимума. Столь же необходимо отсутствие другой, еще не остывшей

влюбленности. Она, как экран, защищает нас от нового чувства.

Весьма важно, как долго мы находимся рядом с понравившимся человеком. Иногда влечение людей друг к другу оказывается так велико, что фиксация образуется почти мгновенно, как у Ромео и Джульетты, героев трагедии У. Шекспира. Тогда говорят о любви с первого взгляда. Однако чаще для нее все же требуется некоторое время. Зато, когда обстоятельства сводят двух молодых и свободных людей, мужчину и женщину, заставляя подолгу находиться вместе, например в экспедиции или командировке, фиксация следует почти неизбежно. С другой стороны, есть и обратное правило, выраженное поговоркой: «С глаз долой — из сердца вон».

Конечно, немаловажное для фиксации значение имеет внешность нашего избранника. Очевидно, что чем ближе она к принятому в обществе идеалу, тем выше вероятность фиксации. Но не менее, а часто и более важен индивидуальный идеал. У каждого он свой. Природа, стремясь к равновесию, заставляет человека бессознательно выбирать брачного партнера, чьи физические данные дополняют и уравнивают его собственные. Поэтому ширококостный, атлетичный мужчина скорее обратит внимание на стройную женщину, а избранница мужчины астеничного сложения скорее будет обладать выраженными женскими формами.

Как бы то ни было, репродуктивная мотивация приводит к фиксации образа избранника. Несмотря на то что вокруг множество людей, которые ничуть не меньше достойны нашего выбора, нас влечет только к одному. Однако это еще не любовь. Это влюбленность — очень сильное, но относительно кратковременное чувство, непосредственно связанное с биологической функцией продолжения рода. Влюбленность ставит только одну главную цель — соединиться с возлюбленным, слиться с ним в одно целое. Интересы и жизненные обстоятельства возлюбленного сами по себе большой роли не играют и приобретают значение лишь в зависимости от того, способствуют они сближению или препятствуют. Острое состояние влюбленности продолжается, как правило, не более

⁵ Известный эксперимент провел австрийский зоопсихолог Конрад Лоренц. Когда гусенок вылупляется из яйца, он видит гусыню-мать. Ее образ запечатлевается в его психике. Гусыня идет к водоему, и гусенок следует за ней. Гусыня отплывает от берега, и никогда не видевший воды гусенок тоже начинает плавать. Но в эксперименте в момент, когда гусята вылуплялись из яйца, гусыню прятали и вместо нее перед гусятами становился сам Конрад Лоренц. Он шел к водоему, и гусята, копируя его походку, шли за ним. Лоренц пускался в плавание, и гусята плыли за ним. Они вырастали и ничем не отличались от своих сородичей за исключением одного обстоятельства. У них не было потомства. Спариваться они желали только с Лоренцем.

нескольких месяцев. При этом в организме человека могут происходить биохимические изменения, приводящие не только к изменению эмоциональной окраски окружающего, но и к искажению восприятия возлюбленного и себя самого.

Влюбленность, встретившая взаимность у возлюбленного, вызывает чувство эйфории, напоминая легкую стадию опьянения. Мир кажется прекрасным, люди вызывают теплое, дружеское отношение. Влюбленный человек щедр и охотно сделает приятелю подарок, на который тот не рассчитывает. Границы собственных возможностей для влюбленного расширяются, у него вырастают крылья, иногда более яркими становятся зрительные и слуховые ощущения⁶.

У животных фиксация на брачном партнере преследует цель рождения потомства и его защиты в самый ранний и уязвимый период. После выполнения этих функций у большинства видов фиксация исчезает. У человека также прошедшая влюбленность нередко сменяется охлаждением. В таком случае попытки возлюбленного возобновить прежние отношения кажутся назойливыми и вызывают раздражение. Однако влюбленность может перейти в еще более сильное чувство — любовь. Оно знакомо только человеку, и в его основе лежит продолжение мотивационной фиксации.

Один и тот же вид мотивации может быть направлен на различные предметы. Например, мотивация самореализации является побудительной силой для художника не только при создании им новой картины, но и при споре в художественном салоне. При этом в первом случае личность художника запечатлевается в произведении искусства, а во втором — во мнении собеседников об обсуждаемом предмете.

⁶ Превосходно иллюстрируют эти изменения слова романа из фильма классика советского кино Михаила Калатозова «Верные друзья», написанного Т. Хренниковым на слова М. Матусовского. Вот строки из второго куплета: «Даже солнце светит по-особому, / С той минуты, как увидел я тебя». И потом: «Все преграды я смогу пройти без робости, / В спор вступлю с невзгодою любой. / Укажи мне только лишь на глобусе / Место скорого свидания с тобой».

В то же время два и более видов мотивации могут замыкаться на одном предмете. Именно это и становится основой любви. Для любящего человека репродуктивная мотивация и мотивация самореализации фиксируются на любимом, образуя сильную и устойчивую связь с ним. Возникает новая система, элементами которой становятся возлюбленные. Она развивается по тем же законам, что и все остальные системы, начиная свою жизнь с фазы интенсивного развития. Связи в ней укрепляются и становятся все более разнообразными, приводя к установлению семейных отношений.

Фиксация на любимом приводит любящего к утрате интереса к другим сексуальным объектам и к определенным личностным изменениям. Резко снижается критика по отношению к любимому. Его проблемы захватывают как свои собственные. Новые формы принимает самореализация. Любовь стремится поверять любимому самые сокровенные тайны, открывать свое прошлое, строить общие планы на будущее. Желание постоянной близости с любимым уводит прежние формы самореализации на второй план. У многих творческих людей на пике счастливой любви снижается творческая активность.

На любимом начинают замыкаться все новые и новые виды мотивации. В их числе мотивация альтруизма. Никакие трагедии не заставят нас потерять самообладание, пока они не касаются любимого. Но стоит ему задержаться чуть дольше, чем обычно, и не отвечать на звонки, тревога с каждой минутой все больше охватывает нас.

Познавательная мотивация также фиксируется на любимом. Нам важно знать о нем абсолютно все. Все, что он думает и чувствует, что было с ним в прежней жизни, до знакомства. Слова любимого человека кажутся нам наполненными смыслом, его шутки, даже плоские, кажутся очень остроумными, очевидные для других недостатки воспринимаются как милое своеобразие. Мы с уважением относимся к его интересам и понемногу проникаемся ими сами, чем иногда удивляем, а то и смеем своих друзей.

Когда-то Чехов не без иронии описал это наше свойство в рассказе «Душечка». Героиня

рассказа — милая молодая женщина, Оленька, выходит замуж за театрального антрепренера. Вскоре все ее внимание оказывается занято закулисной жизнью театра. Но муж умирает, и Оленька вновь выходит замуж, на этот раз за торговца. Теперь она, подобно мужу, степенно рассуждает о премудростях торгового дела. Когда же и этот супруг умирает, судьба сводит ее с военным ветеринаром. Легко догадаться, что новым увлечением уже немолодой героини становятся болезни лошадей. Чехов, конечно, утрировал изображение, но любящий человек всегда немного «душечка».

Женщина хочет видеть в любимом своего защитника, жизненную опору. Здесь не столь важны реальные физические или социальные возможности ее избранника. Даже не очень сильный и отважный в обычной жизни человек способен на самые решительные поступки для защиты любимой. Таким образом, мотивация самосохранения для женщины и нравственная мотивация для мужчины также оказываются связанными с предметами их любви (рис. 1).

Не остается в стороне и мотивация защиты Я: наличие и близость любимого способствуют повышению самооценки и росту самоуважения. В итоге возникает чрезвычайно сильная и разносторонняя система связей двух людей, дающая им ни с чем несравнимое ощущение полноты жизни.

Главной системообразующей связью при этом остается биологическая репродукция. Высшей точкой любви становится зачатие потомства. Это событие и последующее рождение ребенка совпадает с переходом к экстенсивной фазе развития системы семьи. Часть видов мотивации теперь, особенно у женщины, переключается на ее нового члена. У мужчины стремление к самореализации в скором времени оказывается в большей мере связанным с его профессиональной деятельностью.

Компенсируя это перераспределение направленности некоторых видов мотивации, система семьи подчиняет себе оставшиеся «вакантными» виды мотиваций. В основном это касается низших видов — витальной мотивации и мотивации самосохранения. Для мужчины семейный очаг дает ощущение крепкого тыла. Места, где тебя не только ждут и любят, но где ты еще каждый вечер восстанавливаешь силы после напряженного рабочего дня. Для женщины в этот период чрезвычайно важны материальная поддержка и забота любящего супруга.

Феномен гомосексуальной любви

Возможность фиксации различных видов мотивации на одном предмете является предпосылкой для возникновения феномена гомосексуальной любви. В целом ряде

Рис. 1. Замыкание видов мотивации на предмете любви

современных литературных источниках делаются попытки обнаружить «естественное» гомосексуальное влечение у животных [12]. Однако при ближайшем рассмотрении описываемых фактов становится очевидным, что в каждом конкретном случае речь идет не об истинной гомосексуальности, а о различных видах имитации сексуального поведения. К ним относятся, например, сексуальные игры молодняка, имеющие целью овладение техникой спаривания, или распространенная у приматов имитация сексуального поведения по отношению к особи своего пола в целях демонстрации доминирования или подчинения в группе. Однополая сексуальная активность у животных иногда может наблюдаться при их содержании в неволе, т. е. как раз в неестественных условиях существования, или возникать как временное заместительное поведение при утрате партнера противоположного пола. Однако ни в одном из этих случаев имитация сексуальной активности не завершается сексуальным контактом и не препятствует естественной репродуктивной активности животного.

Подобные явления имеют место только в человеческом сообществе. В чем заключается психологический механизм этого феномена? Наличие у человека социальных форм мотивации открывает возможность их фиксации на предмете, подобно тому, как это происходит с биологическими формами мотивации. Таким образом, предмет нравственной мотивации (в том ее аспекте, который связан с восприятием красоты и гармонии), познавательной мотивации или мотивации самореализации запечатлевается, как и предмет репродуктивной мотивации. При этом запечатлеваться может любой социальный объект — материальный или идеальный — вещь, идея, человек или группа людей. В том числе им может быть человек своего пола.

В некоторых культурах половая стратификация общественной жизни создавала преимущественные условия для фиксации социальных видов мотивации на лицах своего пола. Ярким примером таких отношений был античный полис, члены которого значительную часть времени посвящали общению в однополых сообществах. Именно здесь в наибольшей

степени получила развитие мужская дружба, нарицательным понятием которой стали герои греческой мифологии, преданные друзья Орест и Пилад, а также взаимная привязанность учителя и ученика, чьим примером стали отношения Сократа и Платона.

Однако фиксация может продолжаться как цепная реакция, приводя к запечатлению на изначальном объекте все новых и новых видов мотивации. Подобно тому, как объект фиксации репродуктивной мотивации может притягивать к себе все прочие виды мотивации, рождая феномен гетеросексуальной любви, объект фиксации социальной мотивации может превратиться в объект направленности биологических видов мотивации, включая репродуктивную мотивацию. В таком случае возможен феномен гомосексуальной любви.

Распространение и формы этого феномена теснейшим образом связаны с принятыми в том или ином обществе нормами морали. В античной Греции отношение к гомосексуальным связям было вполне терпимым. Сократ находил их более возвышенными, чем связь мужчины и женщины (диалог «Пир») ⁷. В Спарте, Афинах и Фивах гомосексуальный опыт имела значительная часть мужчин, что не мешало им считаться достойными гражданами и нередко составлять элитную часть войска ⁸. Но, главное, это никак не мешало им вступать в брак с женщинами и считаться примерными семьянинами. Бисексуализм там был культурной нормой и сам по себе не провоцировал ни внутриличностных, ни общественных конфликтов.

Совершенно иная ситуация сложилась в европейской цивилизации. Здесь основанная на христианских ценностях обществен-

⁷ Платон. Пир / пер. С. А. Жебелева. URL: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/005-01.pdf> (дата обращения: 05.03.2023).

⁸ О мужестве спартанцев, у которых гомосексуальные связи не были редкостью, ходили легенды. Самым боеспособным подразделением античных Фив был так называемый священный отряд, состоявший из пар любовников, каждый из которых предпочитал погибнуть в бою, но защитить при этом своего возлюбленного. Именно этот отряд в 371 г. до н. э. в знаменитой битве при Левктрах впервые нанес поражение непобедимым до тех пор спартамцам.

ная мораль на протяжении многих столетий резко осуждала однополую любовь, превращая гомосексуалистов в изгоев. При этом, как это часто происходит у гонимых меньшинств, среди них легко распространялись идеи избранности. Рождалось представление о своей исключительности, якобы возвышающей утонченных представителей однополых сообществ над «примитивной» гетеросексуальной массой. Таким образом, однополая любовь не только повсеместно вызвала социальные конфликты, но и провоцировала целую гамму внутриличностных конфликтов, следствием которых становились отказ от гетеросексуальных отношений и невозможность иметь потомство.

Эти представления получают новый импульс в наши дни благодаря разрушению в современной европейской цивилизации многих традиционных моральных ценностей и легализации однополых отношений. Более того, у части гомосексуального сообщества возникают реваншистские настроения, желание «получить компенсацию» за века гонений и унижений. Нередко эти настроения, будучи поддержанными общественными элитами, становятся питательной почвой, на которой, с одной стороны, вырастают попытки ниспровергнуть все культурные проявления половой стратификации общества, а с другой — вызревает протест гетеросексуального общественного большинства.

Трагедия разрушенной любви

Любовь живет как дерево. Иногда становится крепче с каждым годом. Иногда начинает болеть, чахнуть и в конце концов умирает. С течением лет репродуктивная мотивация неизбежно отступает на задний план, зато другие виды мотивации все сильнее замыкаются на избраннике. Любовь превращается в прочную привязанность. Пройдут еще годы, у человека остается меньше связей с обществом, и тем больше для него будет значить его единственный и неповторимый спутник жизни.

Истинной трагедией становится разбитая и преданная любовь. Ведь замкнутые на любимом виды мотивации вдруг оказываются

лишенными своего предмета. Образно говоря, они теперь лежат на земле, как оголенные провода у рухнувшей опоры электропередач. Чем больше видов мотивации было замкнуто на любимом, тем глубже трагедия. Тем яснее ощущается утрата смысла существования, который, как теперь человек ясно видит, был всецело связан с покинувшим его любимым.

С поражением в одном из видов мотивации можно смириться, если в других удастся достичь нужного результата. Но пережить одновременный крах практически всего, что тебя связывало с жизнью, чрезвычайно тяжело. Разбитая любовь — одна из главных причин самоубийств в юности и молодости [7], а ревность и месть сопернику или неверному возлюбленному составляют значимую часть совершаемых тяжких преступлений⁹. Возможные пути развития чувства любви представлены на рисунке 2.

Таким образом, при счастливом развитии событий сильное любовное чувство проходит стадии влюбленности, истинной любви и затем, спустя годы, становится крепкой и нежной привязанностью. При негативном развитии событий, когда измена или смерть отнимают любимого, сильная любовь мгновенно переходит в столь же сильное отчаяние или ненависть. Эти чувства затухают медленно, иногда вспыхивая и по прошествии значительного времени. Но рано или поздно интенсивность переживаний притупляется. Есть люди, у которых почти физическая боль утраты сменилась долгой и неизбывной тоской по любимому. Бывает, вызванная разрушенной любовью депрессия остается с человеком до конца его жизни. Другим удастся справиться, и прошлое напоминает о себе лишь печалью при воспоминании о любимом.

А вот слабое чувство всегда так и остается слабым. Если все, что нас тянуло к человеку, оставалось лишь вождением и сексуальное желание не переросло в более сильное чувство, связь едва ли будет очень продолжительной. Пройдет не столь уж большое время,

⁹ *Титовец А. Э.* Причины и условия преступлений, совершаемых по мотиву ревности // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2 (101). С. 185–194.

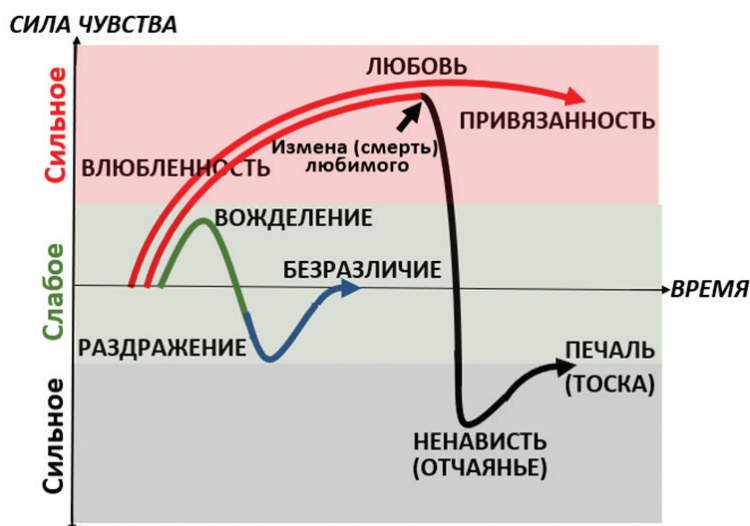

Рис. 2. Возможные пути развития любовного чувства

когда привычки и манеры нашего партнера начнут нас раздражать. Все чаще будут происходить мелкие конфликты по пустяковому поводу. На смену влечению придет отчуждение, и отношения вернутся в исходную точку — к безразличию.

Хорошим тестом на силу связывавших людей чувств может послужить встреча бывших возлюбленных, когда все, казалось бы, осталось в далеком прошлом. Тем, кого связывала любовь, такая встреча дается нелегко и редко приносит удовлетворение: «Что я в нем находила?» — спрашивает себя женщина, всматриваясь в постаревшего бывшего возлюбленного. И ничего не остается в душе, кроме сожаления о впустую потраченном времени.

Но вот встречаются люди, которых связывало лишь непродолжительное влечение. Они искренне рады встрече, охотно знакомятся и дружат с новыми семьями своих бывших. Им приятно поболтать с прежней пассией о том о сем. От прежнего раздражения не осталось и следа, и встреча волнует, как в былые времена. Бывает, что отношения между любовниками вспыхивают вновь. Но только для того, чтобы погаснуть уже на следующий день, — слишком мало общего было между ними и тогда, и еще меньше осталось теперь. Любопытно, но такой мимолетный адюльтер, не будучи обнаружен, иногда действительно укрепляет брак и заставляет

согрешившую сторону не только раскаиваться в опрометчивом поступке, но и еще больше ценить преимущества своего нынешнего положения.

Заключение

Таким образом, были рассмотрены социальные ранги различных видов мотивации, образующие основу моральных норм общества, в том числе общие для разных социальных структур системно-психологические различия половой морали. Проанализированы глубинные психологические причины феномена любви и предложена его системно-психологическая интерпретация, ключевым моментом которой является замыкание различных видов мотивации на предмете влюбленности. При этом были затронуты некоторые аспекты возникновения как гетеросексуальной, так и гомосексуальной любовной привязанности, а также системно-психологические эффекты разрушенной любви.

Представленная концепция является теоретической основой для разработки системно-психологической технологии семейного консультирования. В сочетании с методами системно-психологической диагностики мотивации и личности она может стать действенным инструментом современной практической психологии.

Литература

1. **Баранов Е. В.** Любовь и ее соотношение с рациональными формами познания объекта любви: философский анализ // Вестник БГУ. 2021. № 2. С. 27–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-i-ee-sootnoshenie-s-ratsionalnymi-formami-poznaniya-obekta-lyubvi-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 02.03.2023).
2. **Бужор Е. С.** Смысл любви в философии всеединства Вл. Соловьева // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 43–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smysl-lyubvi-v-filosofii-vseedinstva-vl-solovieva> (дата обращения: 02.03.2023).
3. **Киреева З. А.** Феномен любви в контексте эмоциональной зрелости личности // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина. 2014. № 1 (32). С. 81–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-lyubvi-v-kontekste-emotsionalnoy-zrelosti-lichnosti> (дата обращения: 02.03.2023).
4. **Ковалева С. В.** Идея любви в творчестве Платона и смысл ее реализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 8 (35). С. 14–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-lyubvi-v-tvorchestve-platona-i-smysl-ee-realizatsii> (дата обращения: 02.03.2023).
5. **Пятилетова Л. В.** Психология любви и брака в современную эпоху: опыт любви и измены // Концепт. 2019. № 11. DOI: 10.24411/2304-120X-2019-12043. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-lyubvi-i-braka-v-sovremennuyu-epoxy-opyt-lyubvi-i-izmeny> (дата обращения: 02.03.2023).
6. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
7. **Сотникова А. Ю.** Безответная любовь как причина психологических расстройств у подростков // Концепт. 2013. № 8 (24). С. 46–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezotvetnaya-lyubov-kak-prichina-psihologicheskikh-rasstroystv-u-podrostkov> (дата обращения: 02.03.2023).
8. **Фролова С. В.** Сущностные характеристики и методика диагностики психологических типов любви // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. № 4. С. 439–448. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnostnye-harakteristiki-i-metodika-diagnosticski-psihologicheskikh-tipov-lyubvi> (дата обращения: 02.03.2023).
9. **Шопенгауэр А.** Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.
10. **Юран А.** Психоанализ любви // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 2 (1). С. 128–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psichoanaliz-lyubvi> (дата обращения: 02.03.2023).
11. **Aumer K.** Introduction // Aumer K. The psychology of love and hate in intimate relationships. 2016. P. 1–9. DOI: 10.1007/978-3-319-39277-6_1
12. **Balthazart J.** Biological determinism of sexual orientation in animals // The Biology of Homosexuality. 2011. № 12. P. 48–60. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199838820.003.0022
13. **Berscheid E.** Review of the psychology of romantic love: what love is, why love is born, why it sometimes grows, why it sometimes dies // Contemporary Psychology: A Journal of Reviews. 1981. Vol. 26. № 1. P. 56–56. DOI: 10.1037/019647
14. **Buss D. M.** The evolution of love in humans // The New Psychology of Love. 2018. № 12. P. 42–63. DOI: 10.1017/9781108658225.004
15. **Chin J.** Love cheats: the psychology of love scams // Introduction to cyber forensic psychology: understanding the mind of the cyber deviant perpetrators. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2021. P. 185–203. DOI: 10.1142/9789811232411_0009
16. **Diamond L. M.** Love, desire, and sexual fluidity // The new psychology of love. Cambridge University Press, 2018. P. 138–153. DOI: 10.1017/9781108658225.008
17. **Mikulincer M., Shaver P. R.** Attachment theory as a framework for a positive psychology of love // Positive Psychology of Love. Oxford University Press, 2013. P. 76–90. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199791064.003.0006

References

1. **Baranov E. V.** Lyubov` i ee sootnoshenie s racional`ny`mi formami poznaniya ob`ekta lyubvi: filosofskij analiz [Love and its relationship with rational forms of cognition of the object of love: philosophical analysis] // Vestnik BGU [The Bryansk State University Herald]. 2021. № 2. P. 27–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

lyubov-i-ee-sootnoshenie-s-ratsionalnymi-formami-poznaniya-obekta-lyubvi-filosofskiy-analiz (date of access: 02.03.2023).

2. **Buzhor E. S.** Smy`sl lyubvi v filosofii vseedinstva Vl. Solov`eva [The meaning of love in the philosophy of unity Vl. Solovieva] // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura [Society: Philosophy, History, Culture]. 2017. № 9. P. 43–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smysl-lyubvi-v-filosofii-vseedinstva-vl-solovieva> (date of access: 02.03.2023).

3. **Kireeva Z. A.** Fenomen lyubvi v kontekste e`mocional`noj zrelosti lichnosti [The phenomenon of love in the context of the emotional maturity of the individual] // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Fiziologiya, psixologiya i medicina. [Bulletin of the Kurgan State University. Series: Physiology, Psychology and Medicine]. 2014. № 1 (32). P. 81–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-lyubvi-v-kontekste-emotsionalnoy-zrelosti-lichnosti> (date of access: 02.03.2023).

4. **Kovaleva S. V.** Ideya lyubvi v tvorchestve Platona i smy`sl ee realizacii [The idea of love in the work of Plato and the meaning of its implementation] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2007. № 8 (35). P. 14–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-lyubvi-v-tvorchestve-platona-i-smysl-ee-realizatsii> (date of access: 02.03.2023).

5. **Pyatiletova L. V.** Psixologiya lyubvi i braka v sovremennuyu e`poxu: opy`t lyubvi i izmeny` [Psychology of love and marriage in the modern era: the experience of love and betrayal] // Koncept [Concept]. 2019. № 11. DOI: 10.24411/2304-120X-2019-12043. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psixologiya-lyubvi-i-braka-v-sovremennuyu-epoxu-opyt-lyubvi-i-izmeny> (date of access: 02.03.2023).

6. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. Vtoroe izdanie. M.: T8 Izdatel`skie Tekhnologii, 2017. 356 p.

7. **Sotnikova A. Yu.** Bezotvetnaya lyubov` kak prichina psixologicheskix rasstrojstv u podrostkov [Unrequited love as a cause of psychological disorders in adolescents] // Koncept [Concept]. 2013. № 8 (24). P. 46–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezotvetnaya-lyubov-kak-prichina-psihologicheskix-rasstrojstv-u-podrostkov> (date of access: 02.03.2023).

8. **Frolova S. V.** Cushhnostny`e karakteristiki i metodika diagnostiki psixologicheskix tipov lyubvi [Essential characteristics and methods of diagnosing psychological types of love. Bulletin of the Saratov University] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2020. № 4. P. 439–448. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnostnye-harakteristiki-i-metodika-diagnostiki-psihologicheskix-tipov-lyubvi> (date of access: 02.03.2023).

9. **Shopengaue`r A.** Maloe sobranie sochinenij [Small collected works]. SPb.: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2018. 544 p.

10. **Yuran A.** Psixoanaliz lyubvi [Psychoanalysis of love] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]. 2010. № 2 (1). P. 128–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihoanaliz-lyubvi> (date of access: 02.03.2023).

11. **Aumer K.** Introduction // Aumer K. The psychology of love and hate in intimate relationships. 2016. P. 1–9. DOI: 10.1007/978-3-319-39277-6_1

12. **Balthazart J.** Biological determinism of sexual orientation in animals // The Biology of Homosexuality. 2011. № 12. P. 48–60. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199838820.003.0022

13. **Berscheid E.** Review of the psychology of romantic love: what love is, why love is born, why it sometimes grows, why it sometimes dies // Contemporary Psychology: A Journal of Reviews. 1981. Vol. 26. № 1. P. 56–56. DOI: 10.1037/019647

14. **Buss D. M.** The evolution of love in humans // The New Psychology of Love. 2018. № 12. P. 42–63. DOI: 10.1017/9781108658225.004

15. **Chin J.** Love cheats: the psychology of love scams // Introduction to cyber forensic psychology: understanding the mind of the cyber deviant perpetrators. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2021. P. 185–203. DOI: 10.1142/9789811232411_0009

16. **Diamond L. M.** Love, desire, and sexual fluidity // The new psychology of love. Cambridge University Press, 2018. P. 138–153. DOI: 10.1017/9781108658225.008

17. **Mikulincer M., Shaver P. R.** Attachment theory as a framework for a positive psychology of love // Positive Psychology of Love. Oxford University Press, 2013. P. 76–90. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199791064.003.0006

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.02

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА КОРОТКОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА ОЦЕНКИ НЕЗАЩИЩЕННОСТИ ОТ КИБЕРБУЛЛИНГА

В. П. Шейнов,
РИВШ, Минск,
Республика Беларусь,
sheinov1@mail.ru,

А. С. Девицын,
БГУ, Минск,
Республика Беларусь
a.dziavitsyn@gmail.com

Кибербуллинг — это поведение, которое характеризуется как третирование других лиц через Интернет, прежде всего социальные сети и смартфон, причем угроза подвергнуться травле наиболее реальна для пользователей, страдающих зависимостью от них. Кибербуллинг приводит к виктимизации жертв киберагрессии: кибериздевательства негативно влияют на психическое и физическое здоровье человека, создают серьезные психосоциальные проблемы, вызывают стресс, тревожность, депрессию.

С целью защиты от кибербуллинга разработан опросник НК-22 «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга», позволяющий предупреждать пользователей Интернета о грозящей им опасности стать жертвой кибербуллинга. Результаты тестирования по этому опроснику коррелируют с виктимизацией и зависимостью от социальных сетей и смартфона; с помощью этого опросника получен ряд новых результатов об указанных опасных явлениях. В последние годы в среде российских, белорусских и зарубежных психологов получил развитие тренд на сокращение количества заданий в опросниках, поскольку более короткие опросники облегчают сбор и обработку информации, улучшают ее качество и позволяют получить большее количество результатов. В соответствии с данной тенденцией в статье построены и обоснованы короткая версия опросника — НК-13 — и его трехфакторная модель.

Доказаны надежность и валидность короткого опросника НК-13. Кроме того, выявлено, что он обладает лучшими психометрическими характеристиками, нежели его прообраз — опросник НК-22. Показано, что факторы и переменные построенной трехфакторной модели незащищенности от кибербуллинга наилучшим образом объясняют сущность данного конструкта.

Ключевые слова: незащищенность от кибербуллинга; жертвы незащищенности; короткий опросник; факторная структура; модель; социальные сети; смартфон; интернет; зависимость; психологические проблемы.

Для цитаты: Шейнов В. П., Девицын А. С. Факторная структура короткой версии опросника оценки незащищенности от кибербуллинга // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 18–30. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.02

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор. Профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: *sheinov1@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-2191-646X

© Шейнов В. П., Девицын А. С., 2023

Девцын Антон Сергеевич, старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: a.dziavitsyn@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2804-4107

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872. 2023.45.1.02

FACTOR STRUCTURE OF THE SHORT VERSION OF CYBERBULLYING VULNERABILITY ASSESSMENT QUESTIONNAIRE

V. P. Sheinov,

NIHE, Minsk,
Republic of Belarus,
sheinov1@mail.ru,

A. S. Devitsyn,

BSU, Minsk,
Republic of Belarus,
a.dziavitsyn@gmail.com

Cyberbullying is a behavior that is characterized as bullying others over the Internet. Opportunities for cyberbullying are provided, first of all, by social networks and a smartphone, and the threat of cyberbullying is most real for their users who have become dependent on social networks and on a smartphone. The rapid spread of smartphones and social networks creates even greater opportunities for cyberbullying. The latter leads to victimization of the victims of this cyber-aggression: cyberbullying negatively affects their mental and physical health, creates serious psychosocial problems, causes stress, anxiety, depression.

In order to protect against cyberbullying, the NC-22 cyberbullying vulnerability questionnaire, which allows to warn Internet users about the danger of becoming a victim of cyberbullying has been developed. The results of testing on this questionnaire correlate with victimization and dependence on social networks and on a smartphone, with the help of this questionnaire, a number of new results about these dangerous phenomena were obtained. In recent years, the trend among Russian, Belarusian and foreign psychologists to reduce the number of tasks in questionnaires has been developed, since shorter questionnaires facilitate the collection and processing of information, improve its quality and allow you to get more results. In accordance with this trend, the short questionnaire NK-13 of insecurity from cyberbullying and its three-factor model are constructed and justified in the article.

The reliability and validity of the NK-13 short questionnaire of insecurity from cyberbullying have been proved, besides the NK-13 questionnaire has better psychometric characteristics than its prototype, the NK-22 questionnaire. It is shown that the factors and variables of the constructed three-factor model of insecurity from cyberbullying best explain the essence of this construct.

Keywords: insecurity from cyberbullying; victims of insecurity; short questionnaire; factor structure; model; social networks; smartphone; Internet; addiction; psychological problems.

For citation: Sheinov V. P., Devitsyn A. S. Factor structure of the short version of cyberbullying vulnerability assessment questionnaire // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 18–30. DOI: 10.25688/2223-6872. 2023.45.1.02

Sheinov Viktor Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Professor. Professor at the Department of Psychology and Pedagogical Mastery of the Republican Institute of Higher Education, Minsk, The Republic of Belarus.

E-mail: sheinov1@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2191- 646X

Devitsyn Anton Sergeevich, Senior Lecturer, Department of Web Technologies and Computer Modeling, Belarusian State University, Minsk, The Republic of Belarus.

E-mail: a.dziavitsyn@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2804-4107

Введение

Доступность смартфонов и социальных сетей и их повсеместное использование привели к появлению новых возможностей для онлайн-агрессии, приводящей к негативным последствиям для здоровья их пользователей. В результате значительное число пользователей в разных странах подвергаются кибербуллингу и виктимизации от него. Действительно, гнев, ненависть и издевательства со стороны отдельных пользователей сегодня часто встречаются в Интернете [6].

Кибербуллинг — это поведение, которое характеризуется как третирование других лиц с использованием электронных средств связи. Хотя травля сама по себе и не является новой проблемой, но кибербуллинг — это новый феномен, который имеет сходства и различия с травлей в реальной жизни [14: с. 8].

Вероятность подвергнуться травле высока, прежде всего в социальных сетях, причем эта угроза особенно реальна для зависимых от них пользователей [9; 11]. Действительно, в исследованиях установлены прямые связи кибербуллинга с зависимостью от социальных сетей [8; 18]. Затрагивается также проблема взаимосвязи кибербуллинга и виктимизации [21]. Факторы, сопутствующие возникновению кибербуллинга в подростковой и молодежной среде, освещены в ряде работ последних лет [5; 13; 15; 16].

Системный анализ исследований, посвященных проблеме кибербуллинга, подтверждает наличие связи кибериздевательств с повышенной тревожностью, переживанием стресса и возникновением депрессивных симптомов [17; 19]. «Главными факторами, способствующими кибербуллингу, являются рискованное использование информационно-коммуникационных технологий и традиционные (например, школьные) издевательства»¹.

Одним из носителей информации, активно используемых для кибербуллинга, служит смартфон. Через него человек может подвергнуться негативному психологическому воздействию посредством систематического получения звонков или СМС-сообщений оскорбительного содержания. Подобное воздействие наиболее явно отражается на людях, не привыкших ни на минуту расставаться с гаджетом. Неслучайно в ряде исследований выявлены положительные связи кибербуллинга с зависимостью от смартфона [10; 20; 22; 24].

В связи с негативным влиянием кибербуллинга на психическое и физическое здоровье их жертв и стремительным ростом числа пользователей, зависимых от смартфона и от социальных сетей, обнаруженные связи кибербуллинга с зависимостью от них обнажают серьезную проблему. По этой причине потребовалось найти средства защиты от кибербуллинга. С этой целью разработан опросник, определяющий степень незащищенности от кибербуллинга [1], позволяющий предупреждать пользователей социальных сетей о грозящей им опасности стать его жертвой («Предупрежден — значит вооружен»).

В последние годы в психологической среде получил развитие тренд на сокращение количества заданий в опросниках [3; 4]. Например, по ключевому набору Short version of the questionnaire поисковик научных публикаций Google Scholar показывает тысячи статей последних лет. Указанная тенденция связана с тем, что большие опросники создают проблемы как с набором достаточных для анализа выборок, так и с качеством ответов. Как показывает практика, часть респондентов при большом количестве тестовых заданий отказываются проходить их, а если возможность отказаться отсутствует, то при анонимном тестировании ответы зачастую носят случайный характер, что искажает картину

¹ Шейнов В. П. Манипулирование сознанием и кибербуллинг в кибернетическую эпоху // Вестник

Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2019. № 7. С. 75.

изучаемых феноменов и затрудняет интерпретацию полученных результатов.

Эти практические наблюдения подтверждены в нескольких эмпирических исследованиях. Например, результаты исследования, проведенного А. Р. Херцогом и Дж. Г. Бахманом, показывают, что респонденты с высокой долей вероятности дают одинаковые ответы при заполнении последних частей длинных опросников. В то же время более качественные ответы можно получить, используя короткие версии опросников [12: с. 549]. Обсуждаемые результаты прежде всего касаются традиционного способа тестирования с использованием раздаточного материала и характеризующегося непосредственным контактом с респондентами. Другие работы направлены на оценку результатов тестирования в режиме онлайн. Так, М. Галешич и М. Босняк при изучении интернет-опросов установили, что с увеличением длины опросников уменьшается доля респондентов, полноценно завершивших тестирование. При этом ответы на вопросы, расположенные в опросниках ближе к концу, были более короткими и единообразными, по сравнению с ответами на вопросы, находящимися в начале [7: с. 349].

В современных условиях, когда возрастающая цифровизация общества становится нормой, на смену непосредственному взаимодействию приходит общение в режиме онлайн. В этой связи сбор данных для эмпирических исследований также все чаще осуществляется бесконтактно. Достоинством онлайн-опроса является более удобная форма прохождения тестирования для респондентов, недостатком — отсутствие возможности контролировать процесс заполнения бланков со стороны исследователя. Ввиду невозможности реализации полноценного контроля при выполнении заданий респондентами сокращение в опросниках количества заданий приобретает еще большее значение.

Итак, сократив разумным образом опросники, исследователь может протестировать большее количество испытуемых с лучшим качеством их ответов. Немаловажно, что короткие опросники позволяют включить в процедуру тестирования большее количество различных тестов, что расширяет

возможности получения информации и проверки большего числа гипотез исследования. Тем более что современные компьютерные программы позволяют обрабатывать одновременно результаты многих тестов.

Опыт показывает, что грамотное сокращение количества заданий в опроснике дает возможность улучшить его психометрические характеристики. В этой связи целью настоящего исследования является разработка более короткой, надежной и валидной версии опросника «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга».

Методика исследования

Данные для исследования были собраны посредством онлайн-опроса 723 испытуемых (показатели возраста: $M = 22,4$, $SD = 9,1$) в Беларуси, России и Армении, в их числе 494 женщины ($M = 21,5$, $SD = 8,6$) и 229 мужчин ($M = 24,6$, $SD = 9,6$).

В ходе исследования был использован опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга» (НК-22) [1], включающий 22 вопроса (см. Приложение).

Кроме того, были применены опросник ЗСС-15 «Зависимость от социальных сетей», методика оценки степени виктимизации взрослого индивида [23], короткая версия САС-16 опросника «Зависимость от смартфона».

В исследовании задействованы следующие факторные структуры: 1) склонность к агрессивному, саморазрушающему, зависимому, некритичному и рискованному стилям поведения, а также интегративный показатель виктимизации из опросника «Оценка степени виктимизации взрослых» [23]; 2) трехфакторная модель зависимости от социальных сетей, включающая показатели «психологическое состояние» (пользователя Сети), «коммуникация» (пользователя Сети), «информация» (получение информации); 3) трехфакторная модель зависимости от смартфона — «потеря контроля» (пользователя над собой), «страх» (лишиться возможности пользоваться смартфоном) и «эйфория» (от использования смартфона) [2].

Статистический анализ осуществлялся с использованием пакета SPSS-22 и следующих

инструментов: Jamovi ver. 2.3.21 — открытый аналитический интерфейс для статистической платформы R; Jupyter notebooks (Python), модули для работы с табличными данными и статистические инструменты (дисперсионный тест ANOVA и др.). Принят уровень статистической значимости $p \leq 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Рабочая гипотеза исследования: предположение, что короткую версию опросника «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга» (НК-22) с наилучшими психометрическими характеристиками можно получить, удалив из перечня его заданий те пункты, которые при факторном анализе показывают небольшие веса и потому их нецелесообразно включать в факторную модель.

Исходные данные для создаваемого опросника предоставляет матрица ответов 723 испытуемых на 22 вопроса исходной (полной) версии опросника НК-22, приведенная в Приложении.

Необходимые для исследования данные описательной статистики ($N = 723$) приведены в таблице 1.

Данные, приведенные в таблице 1, дают основание сделать следующие выводы:

1) согласно критерию Шапиро – Уилка все переменные не подчиняются нормальному распределению²;

2) 15 переменных содержат много повторяющихся экстремальных значений (мода равна их минимуму или максимуму), это переменные № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 14, 15, 17, 19, 20, 21, 22;

3) ряд переменных имеют в анализируемой выборке много равных значений (например, переменные № 3 и № 9 содержат крайне много нулевых значений, переменная № 12 содержит крайне много значений, равных двум, и т. д.).

² Пояснение: нулевая гипотеза данного теста состоит в том, что данные имеют нормальное распределение. Поскольку значение p в данном тесте значительно ниже 0,05 для всех переменных, то нулевая гипотеза отвергается, т. е. данные не соответствуют нормальному распределению.

Перечисленные факты показывают, что количество вопросов в данном опроснике может быть сокращено. С этой целью был проведен факторный анализ, реализованный в два этапа. На первом этапе было построено несколько эксплораторных моделей для поиска факторов с применением методов компонентного анализа и различными режимами ограничений (по факторной нагрузке, их корреляциям и по количеству факторов). Каждая модель проверялась общепринятыми статистическими тестами.

С помощью эксплораторного анализа была получена четырехфакторная модель, которая представлена в таблице 2.

В четырехфакторную модель НК в результате отсеивания переменных с факторной нагрузкой меньше 0,35 не вошли следующие переменные: № 3, 6, 12, 15, 16, 17, 22.

Показатели четырехфакторной модели следующие:

- Критерий Бартлетта

Хи-квадрат	df	p
2386	210	< ,001

- Критерий адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина = 0,869

Хи-квадрат	df	p
290	132	< ,001
TLI		,884
RMSEA upper (CI 90 %)		,0470

Факторы 1–3 данной модели с идентичным набором переменных вошли и во все другие полученные и изученные модели.

Вопросы 19 и 18 (фактор 4) содержат множество данных с экстремальными значениями, как было сказано выше, и целесообразность их нахождения в опроснике вызывает сомнения. Эту часть исследования мы провели с помощью корреляционных методов.

Как было показано выше, все изучаемые переменные не отвечают нормальному распределению, поэтому при выявлении связей за основу принимаем корреляции Кендалла, поскольку они определяют и линейные, и нелинейные связи.

Кибербуллинг является следствием зависимости от смартфонов (ЗС) и социальных сетей (ЗСС), поэтому незащищенность от него

Таблица 1

Данные описательной статистики

Переменная	Max	Mode	Shapiro – Wilk		Перцентили		
			W	p	25 %	50 %	75 %
1	2	2	,739	<,001	1	2	2
2	2	1	,792	<,001	1	1	2
3	2	0	,524	<,001	0	0	0
4	2	1	,754	<,001	1	1	2
5	2	0	,713	<,001	0	0	1
6	2	0	,602	<,001	0	0	1
7	2	0	,605	<,001	0	0	1
8	2	0	,714	<,001	0	0	1
9	2	0	,518	<,001	0	0	0
10	2	1	,807	<,001	1	1	2
11	2	1	,765	<,001	0	1	1
12	2	2	,372	<,001	2	2	2
13	2	1	,804	<,001	0	1	1
14	2	0	,713	<,001	0	0	1
15	2	0	,751	<,001	0	0	1
16	2	1	,679	<,001	1	1	2
17	2	0	,549	<,001	0	0	2
18	2	1	,784	<,001	1	1	2
19	2	2	,713	<,001	1	2	2
20	2	0	,682	<,001	0	0	1
21	2	0	,777	<,001	0	1	1
22	4	0	,860	<,001	0	1	2
НК	40	20	,988	<,001	14	18	22

Примечание: у всех переменных Min = 0.

Таблица 2

Четырехфакторная модель сокращенной версии НК-15 опросника НК-22

Переменная	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
9	,689			
8	,602			
21	,508			
7	,498			
1		,611		
2		,457		
10		,445		
4		,423		
11		,374		
5		,371		
14			,845	
13			,621	
20			,375	
19				,670
18				,475

должна положительно коррелировать с ними и их факторами. Обнаруженные корреляции представлены в таблицах 3–5.

его жертв [1], поэтому факторы незащищенности от кибербуллинга должны положительно коррелировать с показателем виктимизации.

Таблица 3

Корреляции Кендалла ЗС и ЗСС с НК, сокращенной НК и факторами четырехфакторной модели НК

		НК	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	НК сокр.
ЗС	Коэффициент	,340**	,213**	,399**	,167**	-,045	,332**
	Значимость	,000	,000	,000	,000	,119	,000
ЗСС	Коэффициент	,394**	,239**	,455**	,194**	,036	,406**
	Значимость	,000	,000	,000	,000	,213	,000

Примечание: обозначения во всех таблицах: ЗС — зависимость от смартфона, ЗСС — зависимость от социальных сетей, НК сокр. — сокращенная версия опросника НК; ** — корреляция (двухсторонняя) значима на уровне 0,01; * — корреляция (двухсторонняя) значима на уровне 0,05.

Таблица 4

Корреляции Кендалла факторов четырехфакторной модели НК с факторами ЗС

	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Незащищенность от кибербуллинга сокращенная
Потеря контроля над собой	,205**	,397**	,172**	-,043	,331**
Страх лишиться смартфона	,185**	,297**	,118**	-,024	,253**
Эйфория от пользования смартфоном	,175**	,306**	,120**	-,013	,261**
Зависимость от смартфона	,213**	,399**	,167**	-,045	,332**

Таблица 5

Корреляции Кендалла факторов четырехфакторной модели НК с факторами ЗСС

	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Незащищенность от кибербуллинга сокращенная
Психологическое состояние	,249**	,442**	,210**	-,014	,394**
Коммуникация	,168**	,300**	,150**	,146**	,305**
Информация	,222**	,405**	,144**	,028	,355**
Зависимость от социальных сетей	,239**	,455**	,194**	,036	,406**

Таблицы 3–5 показывают, что факторы Ф1, Ф2 и Ф3 сокращенной версии опросника НК-22 положительно и статистически высокозначимо коррелируют с зависимостью от смартфона и социальных сетей и всеми их факторами, а фактор Ф4 — нет.

Указанные обстоятельства подтверждают целесообразность использования при разработке итоговой модели опросника незащищенности от кибербуллинга факторов Ф1, Ф2 и Ф3 и одновременно ставят под сомнение целесообразность участия в этой модели фактора Ф4.

Как было показано в более ранних исследованиях, кибербуллинг вызывает виктимизацию

Соответствующие корреляции представлены в таблице 6.

Результаты, представленные в таблице 6, приводят к тем же выводам, к которым мы пришли при анализе данных таблиц 3–5. Все эти факты свидетельствуют в пользу большей оправданности трехфакторной структуры (по сравнению с четырехфакторной) опросника НК, определяющего степень незащищенности от кибербуллинга.

Данные факты служат убедительным основанием к исключению из опросника следующих переменных: № 3, 6, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 22.

С целью проверки оставшихся вопросов был проведен регрессионный анализ между

Корреляции Кендалла факторов четырехфакторной модели НК-15 и НК-22 с факторами виктимизации

	А	С	З	Н	Р	Викт.
НК	,302**	,144**	,204**	,338**	,200**	,361**
Ф1	,257**	,155**	,180**	,279**	,182**	,314**
Ф2	,179**	,064*	,093**	,202**	,038	,176**
Ф3	,217**	,127**	,220**	,280**	,273**	,322**
Ф4	-,073*	,023	-,075*	-,051	-,014	-,072*
НК сокр	,244**	,141**	,175**	,290**	,167**	,300**

Примечание: факторы склонности к агрессивному (А), саморазрушающему (С), зависимому (З), некритичному (Н) и рискованному (Р) стилям поведения, а также интегративный показатель виктимизации (Викт.).

13 переменными (входящими в факторы Ф1, Ф2 и Ф3) и результатами полного опросника как целевого значения. Дисперсионный тест ANOVA показал статистическую значимость переменных и наличие существенных различий в среднеквадратических отклонениях. Полученное значение $R^2 = 0,91$ свидетельствует о том, что при сокращении исходного опросника НК-22 на девять вопросов (40 % от общего числа), мы потеряли только 8,8 % дисперсии, из чего можно сделать вывод, что оставшиеся 13 вопросов описывают дисперсию достаточно хорошо и можно принять подобное сокращение.

Кроме сказанного выше, для удаления переменных имеются и другие основания: большинство из них во всех эксплораторных факторных моделях имели факторные нагрузки, близкие к нулю; все они обладают большим количеством повторяющихся экстремальных и равных значений; имеют низкую дискриминативность (невысокие корреляции с НК).

Проведенный эксплораторный факторный анализ при количестве факторов, не превышающем трех, выявил представленную ниже трехфакторную модель. Факторы в ней названы по общему смыслу входящих в них вопросов опросника НК-22, представленного в Приложении.

Фактор 1. «Нарушение моральных принципов в Сети».

9. Выкладывали ли Вы в Сеть негатив на кого-то?

8. Выкладывали ли Ваши друзья в Сеть негатив на кого-то?

21. Случалось ли подпортить кому-то настроение через Интернет или мобильный телефон?

7. Всегда ли надо соблюдать моральные принципы в Сети?

Фактор 2. «Потребность участвовать в Сети».

1. Участвуете ли Вы в социальных сетях?

2. Сколько у Вас друзей в Сети?

10. Сколько часов в день (в среднем) находитесь в Интернете?

4. Совершаете ли покупки через Интернет?

11. Тяготит ли Вас ситуация, когда нет возможности выйти в Интернет?

5. Участвуете ли в онлайн-форумах?

Фактор 3. «Издевательства».

14. Подвергались ли Вы издевательствам в школе?

13. Наблюдали ли Вы издевательства, учась в школе?

20. Были ли случаи унижения Вас, оскорбления или преследования через Интернет или мобильный телефон?

Полученная трехфакторная модель была проверена и оценена с помощью конфирматорного факторного анализа (см. табл. 7).

Результаты тестирования трехфакторной модели НК-13:

Хи-квадрат	df	p
252	62	< ,001
CFI		,883
TLI		,853
RMSEA upper (CI 90 %)		,0736

Таким образом, на статистически значимых данных реального исследования построен и обоснован короткий опросник НК-13 (см. табл. 8), определяющий степень незащищенности от кибербуллинга, и его трехфакторная модель.

Таблица 7

Трехфакторная модель короткой версии (НК-13) опросника НК-22

Фактор	Переменная	Факторная нагрузка	SE	Z	p
Фактор 1	9	,334	,0177	18,82	< ,001
	8	,409	,0232	17,59	< ,001
	21	,381	,0283	13,46	< ,001
	7	,196	,0255	7,67	< ,001
Фактор 2	1	,395	,0278	14,20	< ,001
	2	,281	,0308	9,13	< ,001
	10	,389	,0316	12,31	< ,001
	4	,230	,0273	8,41	< ,001
	11	,251	,0269	9,36	< ,001
	5	,236	,0272	8,69	< ,001
Фактор 3	14	,451	,0250	18,03	< ,001
	13	,549	,0271	20,22	< ,001
	20	,316	,0239	13,22	< ,001

Таблица 8

Корреляции короткой версии НК-13 с факторами ее модели

	Ф1	Ф2	Ф3	НК	НК-13
Ф1	1,0	0,23	0,3	0,56	0,57
Ф2	0,23	1,0	0,19	0,54	0,63
Ф3	0,3	0,19	1,0	0,51	0,53
НК	0,56	0,54	0,51	1,0	0,83
НК-13	0,57	0,63	0,53	0,83	1,0

Надежность и валидность короткой версии НК-13 подтверждаются следующими фактами.

Задания в НК-13 взяты из опросника НК-22, надежность и валидность которого доказана [1]. Кроме того, надежность проверена 1) на однородность, при этом альфа Кронбаха НК-13 равна 0,802 (в то время как у НК-22 она составляет 0,710); 2) повторное тестирование с интервалом в три недели показало высокую корреляцию между результатами $r = 0,853$, $p = 0,001$; 3) корреляция между результатами НК-22 и НК-13 очень высокая: $r = 0,838$, $p = 0,000$.

Доказательством конструктивной и конвергентной валидности НК-13 являются результаты, представленные в таблицах 3–6. Они показывают, что НК-13 и все ее факторы положительно коррелируют с зависимостью от социальных сетей, зависимостью от смартфона и виктимизацией, а именно с этими переменными позитивно связана незащищенность от кибербуллинга [1].

Заключение

По результатам проведенного исследования построены и обоснованы короткий опросник НК-13, определяющий степень незащищенности от кибербуллинга, и его трехфакторная модель. Доказаны надежность и валидность короткого опросника НК-13, обладающего при этом лучшими психометрическими характеристиками, нежели его прообраз НК-22. Показано, что факторы и переменные построенной трехфакторной модели незащищенности от кибербуллинга наилучшим образом объясняют сущность данного конструкта.

Литература

1. **Шейнов В. П.** Опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга»: разработка и предварительная валидизация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 3. С. 521–541. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541
2. **Шейнов В. П., Девицын А. С.** Факторная структура модели зависимости от смартфона // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 174–197.
3. **Янышева В. А., Сенкевич Л. В.** Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: краткая версия // Системная психология и социология. 2021. № 1 (37). С. 95–108. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.37.1.8
4. **Bieleke M.** The AEQ-S: A short version of the Achievement Emotions Questionnaire / M. Bieleke et al. // Contemporary Educational Psychology. 2021. Vol. 65. P. 101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940
5. **Catone G.** The drawbacks of information and communication technologies: Interplay and psychopathological risk of nomophobia and cyber-bullying, results from the bullying and youth mental health Naples study (BYMHNS) / G. Catone et al. // Computers in Human Behavior. 2020. Vol. 113. P. 106496. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106496
6. **Craig W.** Social media use and cyber-bullying: A cross-national analysis of young people in 42 countries / W. Craig et al. // Journal of Adolescent Health. 2020. Vol. 66 (6). P. 100–108. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2020.03.006
7. **Galesic M., Bosnjak M.** Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey // Public Opinion Quarterly. 2009. Vol. 73. № 2. P. 349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031
8. **Giordano A. L., Prosek E. A., Watson J. C.** Understanding adolescent cyberbullies: exploring social media addiction and psychological factors // Journal of Child and Adolescent Counseling. 2021. Vol. 7. № 1. P. 42–55. DOI: 10.1080/23727810.2020.1835420
9. **Giumetti G. W., Kowalski R.** Cyberbullying via social media and well-being // Current Opinion in Psychology. 2022. Vol. 45. № 8. P. 101314. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101314
10. **Gül H.** Cyberbullying among a clinical adolescent sample in Turkey: effects of problematic smartphone use, psychiatric symptoms, and emotion regulation difficulties / H. Gül et al. // Psychiatry and Clinical Psychopharmacology. 2019. Vol. 29. № 4. P. 547–557. DOI: 10.1080/24750573.2018.1472923
11. **Hazlyna N.** Awareness about cyberbullying on social media among female students in a Malaysian Public University / N. Hazlyna et al. // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. 2021. Vol. 12. № 3. P. 1592–1601. DOI: 10.17762/turcomat.v12i3.972
12. **Herzog A. R., Bachman J. G.** Effects of questionnaire length on response quality // The Public Opinion Quarterly. 1981. Vol. 45. № 4. P. 549–559. URL: <http://www.jstor.org/stable/2748903> (дата обращения: 12.01.2022).
13. **Huang J., Zhong Z., Zhang H., Li L.** Cyberbullying in social media and online games among Chinese college students and its associated factors // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. № 9. P. 4819. DOI: 10.3390/ijerph18094819
14. **Ildirim E., Çalici C., Erdoğan B.** Psychological correlates of cyberbullying and cyber-victimization // International Journal of Human and Behavioral Science. 2017. Vol. 3. № 2. P. 7–21. DOI: 10.19148/ijhbs.365829
15. **Jain S., Agrawal S.** Perceived vulnerability of cyberbullying on social networking sites: effects of security measures, addiction and self-disclosure // Indian Growth and Development Review. 2021. Vol. 14. № 2. P. 149–171. DOI: 10.1108/IGDR-10-2019-0110
16. **Kang K. I., Kang K., Kim Ch.** Risk factors influencing cyberbullying perpetration among middle school students in Korea: Analysis using the zero-inflated negative binomial regression model // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. № 5. P. 2224. DOI: 10.3390/ijerph18052224
17. **Kircaburun K.** Problematic online behaviors among adolescents and emerging adults: associations between cyberbullying perpetration, problematic social media use, and psychosocial factors / K. Kircaburun et al. // International Journal Mental Health Addiction. 2019. Vol. 17. P. 891–908. DOI: 10.1007/s11469-018-9894-8
18. **Kircaburun K., Demetrovics Z., Király O., Griffiths M. D.** Childhood emotional trauma and cyberbullying perpetration among emerging adults: a multiple mediation model of the role of problematic social media use and psychopathology // International Journal Mental Health Addiction. 2020. Vol. 18. P. 548–566. DOI: 10.1007/s11469-018-9941-5

19. **Kircaburun K., Jonason P. K., Griffiths M. D.** The dark tetrad traits and problematic social media use: the mediating role of cyberbullying and cyberstalking // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 135. № 1. P. 264–269. DOI: 10.1016/j.paid.2018.07.034
20. **Lee S., Mun I. B.** How does perceived parental rejection influence cyberbullying by children? A serial mediation model of children's depression and smartphone addiction // *The Social Science Journal*. 2022. P. 1–16. DOI: 10.1080/03623319.2022.2070826
21. **Oksanen A.** Cyberbullying victimization at work: social media identity bubble approach / A. Oksanen et al. // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 109. № 4. P. 106363. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106363
22. **Qudah M.** Smartphone addiction and its relationship with cyberbullying among university students / M. Qudah et al. // *International Journal of Mental Health Addiction*. 2019. № 17. P. 628–643. DOI: 10.1007/s11469-018-0013-7
23. **Sheinov V. P.** Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults // *Russian Psychological Journal*. 2018. T. 15. № 2/1. P. 69–85. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.1.5
24. **Tsimtsiou Z.** Pathological Internet use, cyberbullying and mobile phone use in adolescence: a school-based study in Greece / Z. Tsimtsiou et al. // *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. 2018. Vol. 30. № 6. 20160115. DOI: 10.1515/ijamh-2016-0115

References

1. **Shejnov V. P.** Oprosnik «Ocenka stepeni nezashhishhennosti individov ot kiberbullinga»: razrabotka i predvaritel'naya validizaciya [Questionnaire “Evaluation of the degree of vulnerability of individuals from cyberbullying”: development and preliminary validation] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psixologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. 2020. Vol. 17. № 3. P. 521–541. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541
2. **Shejnov V. P., Devicyn A. S.** Faktornaya struktura modeli zavisimosti ot smartfona [Factor structure of the smartphone addiction model] // *Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i e'konomicheskaya psixologiya* [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]. 2021. Vol. 6. № 3 (23). P. 174–197.
3. **Yany'sheva V. A., Senkevich L. V.** Oprosnik «Perezhivanie e'kzistencial'nogo krizisa»: kratkaya versiya [The questionnaire “The experience of existential crisis”: a short version] // *Sistemnaya psixologiya i sociologiya* [Systems Psychology and Sociology.]. 2021. № 1 (37). P. 95–108. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.37.1.8
4. **Bieleke M.** The AEQ-S: A short version of the Achievement Emotions Questionnaire / M. Bieleke et al. // *Contemporary Educational Psychology*. 2021. Vol. 65. P. 101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940
5. **Catone G.** The drawbacks of information and communication technologies: Interplay and psychopathological risk of nomophobia and cyber-bullying, results from the bullying and youth mental health Naples study (BYMHNS) / G. Catone et al. // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 113. P. 106496. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106496
6. **Craig W.** Social media use and cyber-bullying: A cross-national analysis of young people in 42 countries / W. Craig et al. // *Journal of Adolescent Health*. 2020. Vol. 66 (6). P. 100–108. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2020.03.006
7. **Galesic M., Bosnjak M.** Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey // *Public Opinion Quarterly*. 2009. Vol. 73. № 2. P. 349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031
8. **Giordano A. L., Prosek E. A., Watson J. C.** Understanding adolescent cyberbullies: exploring social media addiction and psychological factors // *Journal of Child and Adolescent Counseling*. 2021. Vol. 7. № 1. P. 42–55. DOI: 10.1080/23727810.2020.1835420
9. **Giumetti G. W., Kowalski R.** Cyberbullying via social media and well-being // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 45. № 8. P. 101314. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101314
10. **Gül H.** Cyberbullying among a clinical adolescent sample in Turkey: effects of problematic smartphone use, psychiatric symptoms, and emotion regulation difficulties / H. Gül et al. // *Psychiatry and Clinical Psychopharmacology*. 2019. Vol. 29. № 4. P. 547–557. DOI: 10.1080/24750573.2018.1472923
11. **Hazlyna N.** Awareness about cyberbullying on social media among female students in a Malaysian Public University / N. Hazlyna et al. // *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*. 2021. Vol. 12. № 3. P. 1592–1601. DOI: 10.17762/turcomat.v12i3.972

12. **Herzog A. R., Bachman J. G.** Effects of questionnaire length on response quality // *The Public Opinion Quarterly*. 1981. Vol. 45. № 4. P. 549–559. URL: <http://www.jstor.org/stable/2748903> (дата обращения: 12.01.2022).
13. **Huang J., Zhong Z., Zhang H., Li L.** Cyberbullying in social media and online games among Chinese college students and its associated factors // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. № 9. P. 4819. DOI: 10.3390/ijerph18094819
14. **Ildirim E., Calici C., Erdoğan B.** Psychological correlates of cyberbullying and cyber-victimization // *International Journal of Human and Behavioral Science*. 2017. Vol. 3. № 2. P. 7–21. DOI: 10.19148/ijhbs.365829
15. **Jain S., Agrawal S.** Perceived vulnerability of cyberbullying on social networking sites: effects of security measures, addiction and self-disclosure // *Indian Growth and Development Review*. 2021. Vol. 14. № 2. P. 149–171. DOI: 10.1108/IGDR-10-2019-0110
16. **Kang K. I., Kang K., Kim Ch.** Risk factors influencing cyberbullying perpetration among middle school students in Korea: Analysis using the zero-inflated negative binomial regression model // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. № 5. P. 2224. DOI: 10.3390/ijerph18052224
17. **Kircaburun K.** Problematic online behaviors among adolescents and emerging adults: associations between cyberbullying perpetration, problematic social media use, and psychosocial factors / K. Kircaburun et al. // *International Journal Mental Health Addiction*. 2019. Vol. 17. P. 891–908. DOI: 10.1007/s11469-018-9894-8
18. **Kircaburun K., Demetrovics Z., Király O., Griffiths M. D.** Childhood emotional trauma and cyberbullying perpetration among emerging adults: a multiple mediation model of the role of problematic social media use and psychopathology // *International Journal Mental Health Addiction*. 2020. Vol. 18. P. 548–566. DOI: 10.1007/s11469-018-9941-5
19. **Kircaburun K., Jonason P. K., Griffiths M. D.** The dark tetrad traits and problematic social media use: the mediating role of cyberbullying and cyberstalking // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 135. № 1. P. 264–269. DOI: 10.1016/j.paid.2018.07.034
20. **Lee S., Mun I. B.** How does perceived parental rejection influence cyberbullying by children? A serial mediation model of children's depression and smartphone addiction // *The Social Science Journal*. 2022. P. 1–16. DOI: 10.1080/03623319.2022.2070826
21. **Oksanen A.** Cyberbullying victimization at work: social media identity bubble approach / A. Oksanen et al. // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 109. № 4. P. 106363. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106363
22. **Qudah M.** Smartphone addiction and its relationship with cyberbullying among university students / M. Qudah et al. // *International Journal of Mental Health Addiction*. 2019. № 17. P. 628–643. DOI: 10.1007/s11469-018-0013-7
23. **Sheinov V. P.** Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults // *Russian Psychological Journal*. 2018. T. 15. № 2/1. P. 69–85. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.1.5
24. **Tsimtsiou Z.** Pathological Internet use, cyberbullying and mobile phone use in adolescence: a school-based study in Greece / Z. Tsimtsiou et al. // *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. 2018. Vol. 30. № 6. 20160115. DOI: 10.1515/ijamh-2016-0115

Тест НК-22

«Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга»

Выберите вариант ответа **а**, **б** или **в**, который больше подходит Вам.

1. Участвуете ли Вы в социальных сетях? *а) Постоянно; б) Иногда; в) Нет.*
2. Сколько у Вас друзей в Сети? *а) Больше 100; б) Между 10 и 100; в) Меньше 10.*
3. Давали ли свои пароли друзьям? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
4. Совершаете ли покупки через Интернет? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
5. Участвуете ли в онлайн-форумах? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
6. Открываете ли сайты, письма или вложения непонятного содержания? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
7. Всегда ли надо соблюдать моральные принципы в Сети? *а) Это не то место; б) Не всегда; в) Всегда.*
8. Выкладывали ли Ваши друзья в Сеть негатив на кого-то? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
9. Выкладывали ли Вы в Сеть негатив на кого-то? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
10. Сколько часов в день (в среднем) находитесь в Интернете? *а) Больше 5 часов; б) От 2,5 до 5 часов; в) Меньше 2,5 часов.*
11. Тяготит ли Вас ситуация, когда нет возможности выйти в Интернет? *а) Сильно; б) Средне; в) Нет.*
12. Контролируют ли родители Ваше пребывание в Сети? *а) Нет; б) Пытаются...; в) Да.*
13. Наблюдали ли Вы издевательства, учась в школе? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
14. Подвергались ли Вы издевательствам в школе? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
15. Ваша оценка отношений с родителями (по 5-балльной системе): *а) 5; б) 4; в) 3 или меньше.*
16. Бывают ли у Вас периоды плохого настроения? *а) Часто; б) Редко; в) Никогда.*
17. Можете ли быть дружелюбными с людьми, которых не переносите? *а) Да; б) Нет.*
18. Вам легко открываться перед людьми? *а) Да; б) Только перед самыми близкими друзьями; в) Нет.*
19. Вы общительный человек? *а) Да; б) Трудно сказать; в) Скорее нет.*
20. Были ли случаи унижения Вас, оскорбления или преследования через Интернет или мобильный телефон? *а) Часто; б) Иногда; в) Никогда.*
21. Случалось ли Вам подпортить кому-то настроение через Интернет или мобильный телефон? *а) Бывало не раз; б) Изредка; в) Нет.*
22. Это сумма ответов на задания № 20 и № 21.

Ключ к опроснику НК-22 — баллы за ответы а, б, в

Ответы	Вопросы																				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
а	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	0	2	0	2	2	2	2
б	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
в	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	=	0	0	0	0

Результат теста НК — простая сумма баллов за ответы.

Пояснение: Короткая версия (НК-13) опросника получается исключением из опросника НК-22 следующих вопросов: № 3, 6, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 22, — как показано, зачеркиванием в последней таблице соответствующих столбцов.

**ИНТЕГРАЦИЯ БАЗОВЫХ УБЕЖДЕНИЙ
И ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

И. А. Кибальченко,
ЮФУ, Таганрог,
kibalirina@sfedu.ru,

Т. В. Эксакусто,
ЮФУ, Таганрог,
exakusto@sfedu.ru

Статья посвящена системному анализу взаимосвязей, возникающих между базовыми убеждениями и разными типами познавательной позиции студентов. В ходе исследования использовались методики, направленные на изучение базовых убеждений и характеристик познавательной позиции индивида. Всего в исследовании приняли участие 180 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, студенты Южного федерального университета, Таганрогского института имени А. П. Чехова, Ростовского государственного экономического университета.

Результаты системного теоретического анализа предпосылок многомерности и специфичности взаимосвязей базовых убеждений и познавательной позиции студентов как особого типа познавательного отношения к миру определили постановку цели исследования. В процессе работы использовались количественные и качественные методы: кластерный анализ, сравнительный анализ, факторный анализ — для получения сравнительно однородных групп, поиска статистических различий между ними и выявления взаимосвязей результатов в группах. Внутренняя однородность четырех групп студентов, определенных в процессе кластеризации, подтверждена значимыми различиями. Разная мера их выраженности в группах обусловила факты инверсии: высокие показатели одних характеристик (например, обоснованности, децентрации) при низких показателях других (объективированности, категориальности).

Обнаружена специфика взаимосвязей в группах. Структура взаимосвязей в группе 1 характеризуется сочетанием показателей неопределенной познавательной позиции с верой в контролируемость событий. Эта структура дополняется амбивалентностью между познавательным потенциалом и ресурсом его реализации. В группе 2 специфика взаимосвязей состоит в интеграции ряда по-разному выраженных характеристик метакогнитивного опыта, обуславливающих, с одной стороны, ценность собственного Я, а с другой — неверие студентов в возможность самоконтроля над событиями. В группе 3 специфика структуры взаимосвязей заключается в выраженной амбивалентности характера связей, обусловленного недостатками сформированности характеристик открытой познавательной позиции и базовых убеждений, отражающих неустойчивость и ограниченность их возможностей. В группе 4 специфика взаимосвязей характеризует относительную гармоничность когнитивно-личностного ресурса. Выявленные различия стали основанием для вывода о неоднородности и нелинейности взаимосвязей базовых убеждений и познавательной позиции как вероятного предиктора специфики интеллектуально-личностного ресурса студентов.

Ключевые слова: базовые убеждения; концептуальные способности; познавательная позиция; студенты; системный анализ; нелинейность взаимосвязей.

Для цитаты: Кибальченко И. А., Эксакусто Т. В. Интеграция базовых убеждений и познавательной позиции студентов: системный анализ взаимосвязей // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 31–44. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.03

Кибальченко Ирина Александровна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Института компьютерных технологий и информационной безопасности Южного федерального университета, Таганрог.

E-mail: kibalirina@sfnu.ru

ORCID: 0000-0001-7730-7172

Эксакусто Татьяна Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Института компьютерных технологий и информационной безопасности Южного федерального университета, Таганрог.

E-mail: exakusto@sfnu.ru

ORCID: 0000-0002-6862-2063

UDC 159.955

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.03

INTEGRATION OF STUDENTS BASIC BELIEFS AND COGNITIVE POSITION: SYSTEM ANALYSIS OF RELATIONSHIPS

I. A. Kibalchenko,

SFedU, Taganrog,

kibal-irina@mail.ru

T. V. Ehksakusto,

SFedU, Taganrog,

etv01@yandex.ru

The article is devoted to a systemic analysis of the relationships that arise between basic beliefs and different types of cognitive position of students. The research used techniques aimed at studying the basic beliefs and characteristics of an individual's cognitive position. A total of 180 respondents aged 18 to 25 years took part in the study. The respondents were students of the Southern Federal University, the A. P. Chekhov Taganrog Institute, and the Rostov State University of Economics.

The results of a systemic theoretical analysis of the prerequisites for the multidimensionality and specificity of the interrelationships of basic beliefs and the cognitive position of students as a special type of cognitive attitude to the world determined the formulation of the research goal. Quantitative and qualitative methods: cluster analysis, comparative analysis, factor analysis in order to obtain relatively homogeneous groups, search for statistical differences between them and identify correlations of results in groups, respectively were used in the study. The intra-group homogeneity of the four groups of students obtained in the clustering process is confirmed by significant differences. The different measure of their severity in the groups caused the facts of inversion: high indicators of some characteristics (for example, validity, decentralization) with low indicators of others (objectification, categoricity).

The specificity of interrelations in groups was found. The structure of relationships in group 1 is characterized by a combination of indicators of an uncertain cognitive position with a belief in the controllability of events. This structure is complemented by ambivalence between the cognitive potential and the resource of its realization. In group 2, the specificity of the relationships consists in the integration of a number of differently expressed characteristics of metacognitive experience, which, on the one hand, determine the value of the "I", and on the other, students' disbelief in the possibility of self-control of events. In group 3, the specificity of the relationship structure lies in the pronounced ambivalence of the nature of the connections, determined by the shortcomings of the characteristics of an open cognitive position and basic beliefs formation, reflecting the instability and limitations of their capabilities.

In group 4, the specificity of the relationships characterizes the relative harmony of the cognitive-personal resource. The revealed differences became basis for the conclusion about the heterogeneity and non-linearity of the interrelations of basic beliefs and cognitive position as a probable predictor of the specifics of the intellectual and personal resource of students.

Keywords: basic beliefs; conceptual abilities; cognitive position; students; system analysis; nonlinearity of relationships.

For citation: Kibalchenko I. A., Ehksakusto T. V. Integration of students basic beliefs and cognitive position: system analysis of relationships // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 31–44. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.03

Kibalchenko Irina Aleksandrovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Psychology and Life Safety at the Institute of Computer Technologies and Information Security of the Southern Federal University, Taganrog, Russia.

E-mail: kibal-irina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7730-7172

Ehksakusto Tatiana Valentinovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Psychology and Life Safety at the Institute of Computer Technologies and Information Security of the Southern Federal University, Taganrog, Russia.

E-mail: etv01@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6862-2063

Введение

Происходящие в современном мире глобальные трансформации оказывают серьезное влияние на мировоззрение людей, их установки и базовые убеждения. Являясь одной из основных переменных для объяснения особенностей восприятия человеком событий окружающего мира, базовые убеждения составляют одну из актуальных проблемных зон современных психологических исследований. От того, каким образом человек интерпретирует происходящие с ним события, — видит ли он в них возможность получения нового опыта, точек опоры для личностного развития или воспринимает их как непреодолимое препятствие, — зависит его поведение в заданных обстоятельствах и в конечном итоге его благополучие, удовлетворенность жизнью, успешность.

Особую актуальность этот аспект исследования приобретает для молодых людей, которые находятся на начальном этапе своего взросления. И прежде всего для тех из них, кто воспринимает мир как максимально несправедливый, отношения с другими — как враждебные, имеет низкую оценку себя и своих возможностей, поскольку именно этот контингент в условиях становления и взросления может испытывать наибольшие трудности во взаимодействии с миром, с собой и другими. В современных условиях помощь молодым людям с неблагоприятными базовыми убеждениями является одним из актуальных направлений психологической работы, поскольку именно

эта группа в наибольшей степени подвержена стрессогенным влияниям и испытывает наибольшие трудности в адаптации к существующей ситуации. Эффективность такой помощи и поддержки обусловлена пониманием механизмов и предикторов формирования базовых убеждений. Представляется, что таким предиктором может выступать когнитивный ресурс, обеспечивающий обработку информационных потоков, а значит, и характер восприятия человеком окружающего мира. Таким образом, целью данного исследования стало изучение взаимосвязей базовых убеждений молодых людей (студентов) и такой важной части когнитивного ресурса, как познавательная позиция.

Теоретический анализ семантического конструкта базовых убеждений показал, что они представляют собой совокупность систематизированных когнитивно-эмоциональных суждений и убеждений, посредством которых человек воспринимает и оценивает события окружающей действительности [15]. Исследования по проблеме базовых убеждений и их влияния на восприятие отдельных жизненных событий и жизни в целом позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, современные исследования подтверждают, что базовые убеждения служат своеобразным буфером против беспокойства, непродуктивного мышления и принятия решений в условиях непредсказуемой угрозы [21]. Они связаны с тяжестью симптомов посттравматического стрессового расстройства — ПТСР (чем более человек убежден

в справедливости и контролируемости мира, ценности собственного Я, тем менее тяжелой является симптоматика) [17; 22] и являются важнейшим фактором, обуславливающим эффективность коррекции негативных переживаний различного генеза [14].

Во-вторых, базовые убеждения способствуют субъективному благополучию человека, обеспечивая его устойчивость (жизнестойкость), успешность в различных сферах жизни, удовлетворенность и благоприятные отношения с окружающими [1]. Однако под воздействием негативных влияний извне (запугивание, моббинг) позитивные базовые убеждения относительно своей оценки (самооценки), оценки других людей (отношений с ними), справедливости мира могут разрушаться, приводя к субъективному неблагополучию и к стрессовым реакциям [3; 9].

В-третьих, сформированность базовых убеждений отражает сбалансированность и гармоничность развития личности [2: с. 16], трансформацию внутреннего смысла [16]. Они взаимосвязаны с социально-психологическими показателями здоровья [7] и выбором конструктивных копинг-стратегий [5; 6].

В результате осознания всей важности базовых убеждений для восприятия человеком мира и различных событий возникает вопрос о том, какие именно предикторы являются важнейшими для формирования веры в справедливый мир, ценности собственного Я, осмысленности и контролируемости мира?

Базовые убеждения как часть интеллектуально-личностного ресурса человека, предположительно, находятся во взаимосвязи с когнитивными способностями [2: с. 134]. В отдельных исследованиях предпринимаются попытки проанализировать интеллектуальные и когнитивные предикторы базовых убеждений. Например, в работе Л. Ши и соавторов показано, что чем выше умственная способность и адаптивность человека, гибкость информационных связей, тем выше его благополучие и вера в справедливый мир (как базовое убеждение) [19]. В ряде исследований отмечается, что респонденты с наиболее высоким уровнем интеллекта в большей степени (в сравнении со студентами с менее выраженным уровнем интеллекта) убеждены

в своей способности управлять событиями, их убеждения в собственной ценности более выражены, они выбирают адаптивные и конструктивные стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях [13].

Немногочисленные исследования в области изучения взаимосвязи интеллектуальных способностей и базовых убеждений дают основание предположить, что предиктором последних могут быть концептуальные способности в целом и открытая познавательная позиция как тип познавательного отношения к миру в частности.

Нужно отметить, что концептуальные способности являются ключевыми среди интеллектуальных способностей, они представляют собой психические качества, обуславливающие возможность порождения некоторого нового содержания, не представленного ни в актуальных обстоятельствах, ни в усвоенных индивидуальных знаниях. В качестве критериев концептуальных способностей выделяют следующие: выявление имплицитных признаков и связей; конструирование новых представлений и идей; конструирование некоторого множества интерпретаций ситуации и т. д.¹ Теоретический анализ показал, что концептуальные способности человека проявляются в категоризации, объяснении, интерпретации, в преобладающем когнитивном стиле и отражают особенности когнитивного оценивания человеком окружающего его мира (событий, ситуаций и т. д.) [4]. Осознание происходящих событий и трансформаций определяется уровнем развития концептуальных способностей и приводит к пониманию взаимосвязей, отношений, которые лежат в основе этих изменений [16].

Факт взаимосвязи концептуальных способностей с базовыми убеждениями как части мировоззрения личности подтверждается отдельными исследованиями, проведенными в контексте психологии интеллекта и интеллектуального ресурса личности [8; 20]. Так,

¹ Холодная М. А., Хазова С. А. Феномен концептуализации как основа продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения // Психологический журнал. Т. 38. № 5. 2017. С. 5–17. DOI: 10.7868/S0205959217050014

в исследовании С. Джевонса и К. Гринвуда² обнаружена связь базовых убеждений и когнитивного оценивания, при этом выявленные факторные структуры оказались неполными и неустойчивыми, что требует дополнительной проверки результатов.

Показано, что благодаря ресурсной роли базовых убеждений в собственной ценности и в справедливости мира, осмысленных на понятийном и рефлексивном уровне, происходит интеграция интеллектуально-личностных характеристик, проявляется особый тип познавательного отношения к миру с учетом разных мнений [10: с. 133; 12].

Таким образом, можно предположить, что большое значение для формирования базовых убеждений будет иметь открытая познавательная позиция как элемент концептуальных способностей. При этом именно открытая познавательная позиция (в отличие от закрытой и неопределенной) является частью концептуальных способностей человека. Познавательная позиция как часть метакогнитивного опыта человека играет значительную роль в развитии интеллектуального потенциала, актуализации когнитивных способностей. Степень открытости позиции, определяющаяся готовностью воспринимать новую информацию и использовать разные способы в достижении эффективного результата деятельности, обуславливает успешное решение проблемных задач [2: с. 121]. Открытая познавательная позиция проявляется и в решимости отстаивать свою точку зрения при активном отношении к деятельности, и в готовности к изменению своего мнения при наличии доказательств, и в принятии новых фактов, нового опыта, новой информации [18].

Результаты теоретического анализа дают, на наш взгляд, основание для эмпирического изучения взаимосвязей базовых убеждений и открытой познавательной позиции, что и определило цель данного исследования.

Объектом исследования выступают базовые убеждения и познавательная позиция

студентов. В качестве предмета исследования выступают взаимосвязи базовых убеждений и познавательной позиции студентов.

Гипотетически взаимосвязи базовых убеждений и познавательной позиции студентов многомерны и специфичны. Специфика (эффекты) взаимосвязей базовых убеждений и познавательной позиции (открытой, закрытой, неопределенной) студентов будет заключаться в их структурности и неоднозначности.

Методика исследования

В исследовании применены количественные и качественные методы обработки и интерпретации результатов: метод типологии или классификации — кластерный анализ для дифференциации студентов (выборки исследования) в сравнительно однородные группы в соответствии с показателями базовых убеждений и особенностей познавательной позиции; сравнительный анализ (метод поперечных срезов) — статистические критерии для поиска различий между группами; факторный анализ — для выявления структурных взаимосвязей результатов в группах.

С целью выявления показателей познавательной позиции и базовых убеждений были использованы следующие методы и методики:

– «Шкала базовых убеждений» (Р. Янов-Бульман, в адаптации О. Кравцовой). Методика использовалась для определения таких переменных, как вера в справедливый мир, его осмысленность и контролируемость, ценность собственного Я;

– «Идеальный компьютер» (М. А. Холодная) — для изучения познавательной позиции человека;

– «Конструирование мира» (Е. Ю. Савин). Методика направлена на изучение характеристик познавательной позиции (децентрация, обоснованность и проработанность) и изменений, которые могут наблюдаться в нестандартных ситуациях, в том числе фантастического характера.

Методы обработки и интерпретации результатов:

– статистический *H*-критерий Крускала – Уоллиса — непараметрическая альтернатива

² *Jeavons S., Greenwood K. M. World assumptions, coping and attributions // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 42. № 7. P. 1427–1437. DOI: 10.1016/j.paid.2006.11.010*

однофакторному тесту ANOVA для сравнения нескольких независимых измерений;

– статистический *U*-критерий Манна – Уитни для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно;

– метод кластеризации и факторный анализ были использованы для определения внутригруппового связывания.

В исследовании принимали участие 180 студентов Южного федерального университета, Таганрогского института имени А. П. Чехова, Ростовского государственного экономического университета (83 юноши и 97 девушек) в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 21,5 лет), с примерно равномерным распределением по полу (46,1 % юношей и 53,9 % — девушек).

выполнения кластерного анализа одного и того же набора данных посредством изменения способа измерения расстояния между ними и дифференциации на группы.

В итоге было выявлено четыре группы респондентов: группа 1 включает 50 человек (27 %); группа 2 — 21 человек (12 %); группа 3 — 39 человек (21 %); группа 4 — 73 человека (40 %). Группы (кластеры) студентов анализировались по ряду показателей: мере открытости познавательной позиции, познавательной децентрации, обоснованности и проработанности идей, базовым убеждениям.

В результате сравнения диагностических показателей в четырех кластерных группах по *H*-критерию Крускала – Уоллиса были получены значимые различия по ряду переменных базовых убеждений и познавательной позиции (см. табл. 1).

Таблица 1

Значимые различия в базовых убеждениях и познавательной позиции в четырех кластерных группах

Переменные	<i>H</i> -критерий Крускала – Уоллиса	<i>p</i>
Базовые убеждения		
Доброта людей	10,919	< 0,01
Ценность собственного Я	9,4551	< 0,02
Степень самоконтроля	9,782	<0,02
Познавательная позиция		
Субъективированность	12,116	<0,05
Категориальность	11,049	<0,01
Фактичность	0,0013	< 0,01
Общее количество вопросов	17,5917	< 0,005
Уровень открытости	9,205	< 0,02
Обоснованность	11,11	< 0,01
Децентрация	11,858	< 0,007

Результаты и их обсуждение

На первом этапе в соответствии с целью и гипотезой исследования диагностические результаты были использованы для проведения иерархического кластерного анализа по ряду переменных, характеризующих познавательную позицию и базовые убеждения участников. В процессе кластеризации были выявлены самостоятельные кластеры — гомогенные (согласованные, однородные) группы. Оценка качества кластеризации проводилась путем

Таким образом, получены значимые различия по 10 из 16 переменных, что составляет большую часть (62,5 %) от их общего числа и подтверждает эффективность процесса кластеризации.

При сравнении групп попарно по *U*-критерию Манна – Уитни были уточнены статистически значимые спецификации в кластерных группах по базовым убеждениям (рис. 1) и познавательной позиции (рис. 2), хотя во всех кластерах наблюдается общая тенденция к доминированию неопределенной познавательной позиции.

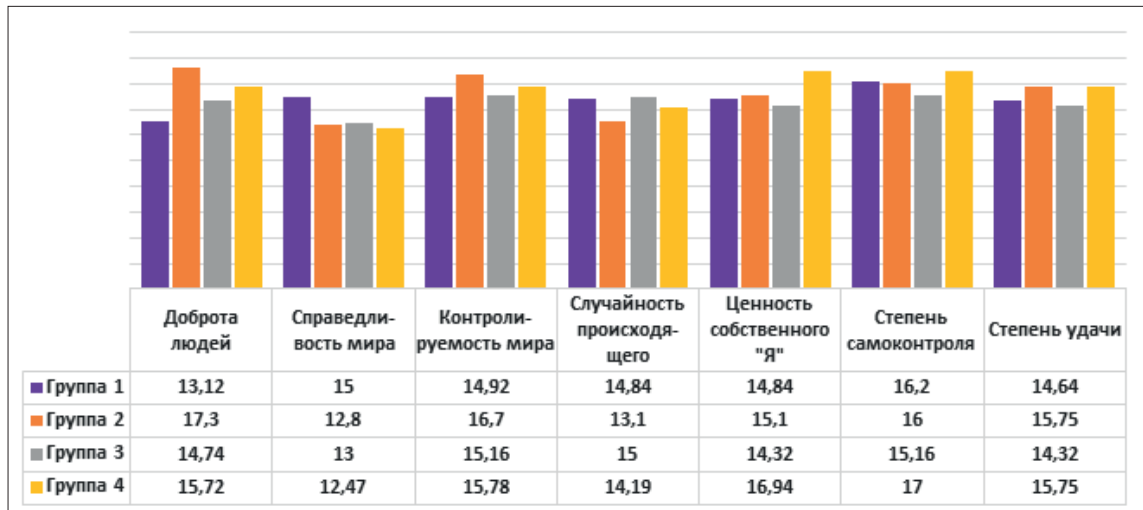

Рис. 1. Средние значения характеристик базовых убеждений в группах

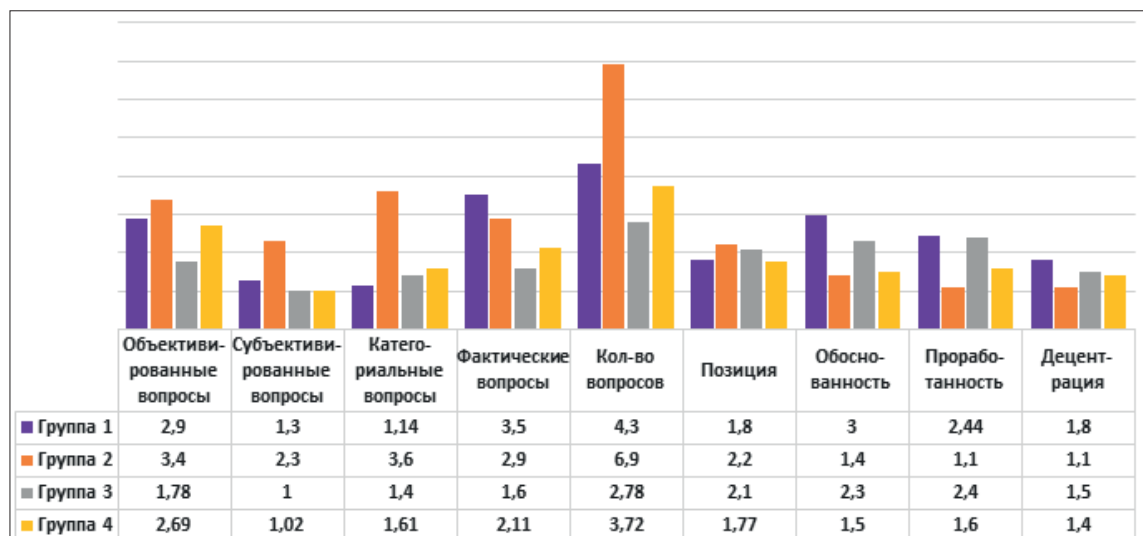

Рис. 2. Средние значения характеристик познавательной позиции в группах

Таким образом, группа 1 с условным названием «Экстренно актуализирующиеся и с верой в справедливость мира» — это студенты с устойчивой неопределенной познавательной позицией: они выделяются меньшим количеством категориальных вопросов в сравнении со второй группой ($U_{\text{крит.}} = 393, U_{\text{эмп.}} = 70,5$ при $p \leq 0,01$) и большим количеством фактических вопросов в сравнении с третьей группой ($U_{\text{крит.}} = 693, U_{\text{эмп.}} = 160, p \leq 0,01$). Им свойственна актуализация познавательного потенциала в нестандартной ситуации, о чем свидетельствуют показатели обоснованности в сравнении с группой 2 ($U_{\text{крит.}} = 393, U_{\text{эмп.}} = 75,5$ при $p \leq 0,01$); группой 3 ($U_{\text{крит.}} = 1111, U_{\text{эмп.}} = 308,$

$p \leq 0,01$) и децентрации в сравнении с группой 2 ($U_{\text{крит.}} = 393, U_{\text{эмп.}} = 64,5$ при $p \leq 0,01$). От второй группы они отличаются и общим количеством вопросов ($U_{\text{крит.}} = 393, U_{\text{эмп.}} = 69,5$ при $p \leq 0,01$), и меньшей верой в добро людей ($U_{\text{крит.}} = 393, U_{\text{эмп.}} = 79$ при $p \leq 0,01$), но в сравнении с группой 4 значимо больше верят в справедливость мира ($U_{\text{крит.}} = 1111, U_{\text{эмп.}} = 343,5, p \leq 0,01$). Наблюдается инверсия результатов в познавательной позиции, так как обнаружены более высокие баллы по шкале «обоснованность» в сравнении с группой 2 ($U_{\text{крит.}} = 393, U_{\text{эмп.}} = 75,5$ при $p \leq 0,01$) в группе, где нет студентов со сформированной открытой познавательной позицией.

Группа 2 с условным названием «Инициативно-импульсивные и верящие в добро», на первый взгляд, как и группа 1, — студенты с неопределенной познавательной позицией, однако с отдельными признаками у них открытой познавательной позиции. Они значительно больше задают категориальных вопросов в сравнении с первой ($U_{\text{крит.}} = 393$, $U_{\text{эмп.}} = 70,5$ при $p \leq 0,01$); третьей ($U_{\text{крит.}} = 302$, $U_{\text{эмп.}} = 44,5$ при $p \leq 0,05$), четвертой ($U_{\text{крит.}} = 476$, $U_{\text{эмп.}} = 115$ при $p \leq 0,01$) группами и вопросов в целом. Они больше верят в добро в отличие от студентов, входящих в первую ($U_{\text{крит.}} = 393$, $U_{\text{эмп.}} = 79$ при $p \leq 0,01$) и третью ($U_{\text{крит.}} = 302$ при $p \leq 0,05$) группы. С одной стороны, получены сведения о стремлении студентов второй группы к познанию, а с другой стороны, — об их импульсивности и меньшей склонности к анализу и обоснованию идей. В нестандартной ситуации они менее эффективны в своих действиях, что также является признаком инверсии результатов по познавательной позиции, но уже по другому основанию.

В группе 3 с условным названием «Малоинициативные в познавательном контексте» устойчиво преобладают студенты с неопределенной познавательной позицией, у них обнаруживается сниженная активность по всем категориям вопросов при наличии познавательного потенциала. В этой группе усиливается тенденция в познавательном отношении к миру посредством таких признаков открытости познавательной позиции, как обоснованность и проработанность. Относительно характеристик базовых убеждений эти студенты не выделяются среди студентов других групп.

В группе 4 с условным названием «Ценящие и контролирующие себя» также преобладает неопределенная познавательная позиция, но для студентов, включенных в нее, характерна некоторая неоднородность познавательных позиций. В данной группе при доминировании студентов с неопределенной познавательной позицией, встречаются респонденты с закрытой и открытой познавательной позицией в большем количестве, чем в других группах. Кластерная группа 4 — студенты с неоднородностью познавательной позиции, мало верящие в справедливость мира, но верящие

в ценность собственного Я и самоконтроль. Данные результаты также свидетельствуют об инверсии в показателях познавательной позиции и базовых убеждений.

Обнаруженные значимые различия в диагностических показателях четырех кластерных групп, их неоднозначная специфика стали основанием для изучения взаимосвязей между характеристиками познавательной позиции и базовых убеждений, выявленных у их участников.

Результаты изучения взаимосвязи понятийных структур и базовых убеждений студентов посредством факторного анализа

На этапе факторного анализа для снижения количества переменных и нахождения взаимосвязей показателей сформированности познавательной позиции и базовых убеждений определены четыре факторные структуры, в которых был сделан акцент на первых трех наиболее весомых факторах (табл. 2).

В процессе факторного анализа (варимакс вращения с нормализацией Кайзера) полученный суммарный процент дисперсий в каждой группе соответственно равен 83,5, 97,6, 87,0 и 79,2. Полученные различия в кластерных группах отражают признаки многомерности и нелинейности взаимосвязей характеристик базовых убеждений и познавательной позиции.

Факторизация результатов студентов первого кластера (группа 1), позволила выделить девять факторов. Структура полная, неустойчивая, преобладающий характер связей прямой. В первый фактор (максимально нагруженный, кристаллизующий) вошли такие напрямую связанные переменные, как «объективированность», «фактичность позиций» и «общее количество вопросов». Таким образом, мы можем отметить, что в группе вместе с ростом количества объективированных вопросов растет и число фактических, а также общее количество вопросов у респондента. Этот факт согласуется с преобладанием в группе студентов с неопределенной познавательной позицией. Второй фактор включает прямонаправленные переменные «обоснованность», «проработанность идей» и «децентрация». Можно

Таблица 2

Триады ведущих факторов в структурах переменных познавательной позиции и базовых убеждений в группах студентов

	Группа 1			Группа 2			Группа 3			Группа 4		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Доброта людей	-,131	-,049	-,126	,018	,323	,060	,313	,115	-,068	,075	-,044	,435
Справедливость мира	-,438	,099	,277	,226	-,171	-,083	,039	,757	-,223	,092	,133	-,061
Контролируемость мира	,063	,193	,662	,369	-,267	-,144	-,129	,927	-,180	-,253	,542	-,420
Случайность происходящего	,201	-,002	,213	-,134	,101	-,394	,075	-,749	,206	,017	-,195	-,236
Ценность собственного Я	-,058	-,061	,094	,049	-,021	,783	-,048	-,124	,037	-,044	,711	,309
Степень самоконтроля	-,165	,158	,871	,398	-,037	-,721	,575	,043	,196	-,524	,587	-,264
Степень удачи	,361	-,290	,724	,103	,521	,353	,025	,818	,142	,283	,595	,114
Объективированность позиции	,866	,293	,097	,919	,094	,166	,559	,339	-,331	,927	,060	,095
Субъективированность позиции	,121	-,081	-,097	-,236	,905	-,102	,164	-,144	,336	,434	-,222	-,202
Категориальность позиции	,418	,184	,156	,858	-,130	,023	,415	,031	-,795	,869	-,063	,003
Фактичность позиции	,905	,227	-,003	,048	,817	,113	,377	,132	,541	,911	-,009	,002
Общее количество вопросов	,922	,235	,049	,795	,562	,113	,643	,152	,042	,988	-,036	,003
Уровень открытости	,195	-,060	,280	,879	-,413	,022	,010	,115	-,863	,545	,054	,184
Обоснованность	,168	,853	,186	,615	-,116	,023	-,954	,025	-,043	,055	,099	,941
Проработанность	,214	,855	,061	,600	-,222	-,048	-,894	,152	,034	,085	-,040	,871
Децентрация	,139	,917	-,026	,648	-,152	,246	-,928	,068	,011	-,026	,063	,919

предположить, что в данной группе у респондентов проявляются признаки готовности к ситуациям неопределенности. Третий фактор содержит в себе такие прямонаправленные переменные, как «уверенность в том, что им сопутствует удача», «мир контролируем», а «успех обусловлен уверенностью в их контроле над происходящими событиями». Ведущие взаимосвязи данной структуры дополняются прямой связью с уровнем познавательной позиции и обратной связью со справедливостью мира. Недостаточная уверенность в доброте людей сочетается с неверием в случай и случайность событий.

В процессе факторизации результатов студентов второго кластера (группа 2) выявлено, что структура полная и состоит из семи факторов. В первом факторе взаимосвязаны такие прямонаправленные переменные, как «объективированность позиции», «категориальность позиции», «общее количество вопросов», «уровень познавательной позиции»,

«обоснованность», «проработанность». В связи с этим обнаружено, что повышение уровня сформированности метакогнитивного опыта согласуется с ростом их децентрации, а значит, и расширением ментального кругозора личности. Во втором факторе напрямую связаны переменные «субъективированность» и «фактичность позиции», что снижает возможности открытой познавательной позиции. В третьем факторе обнаружилась связь ценности собственного Я и обратно взаимосвязанной степени самоконтроля, что может повлечь неоднозначность и снижение оценки студентами степени значимости своего влияния на происходящие события. Эти связи дополняются убежденностью в удаче или везении, верой в случайность, в определенной степени отражающих фатализм этих респондентов. При этом для данных студентов характерна убежденность в доброте людей и в справедливости мира; в то, что хорошим и достойным людям чаще приходят счастье и удача, а плохим — наоборот.

Факторизация результатов студентов третьего кластера (группа 3), показала, что выделено восемь факторов, структура полная, неустойчивая, характер связей разнонаправленный (примерно в равной степени наблюдается количество прямых и обратных связей). В первом факторе взаимосвязаны прямонаправленные («степень самоконтроля», «объективированность позиции», «общее количество вопросов») и обратно направленные переменные («обоснованность», «проработанность» и «децентрация»). Способность к детализации и децентрации развита у респондентов из этой группы недостаточно, что согласуется с преобладанием фактических вопросов над категориальными. Во втором факторе напрямую взаимосвязаны такие переменные, как «справедливость» и «контролируемость мира», и обратно направленная переменная «случайность происходящего». Такая взаимосвязь является закономерной и теоретически обусловленной: чем больше убежденность человека в том, что события контролируемы и он несет ответственность за происходящее с ним, тем меньше вера в случайность и судьбу. В третьем факторе фактичность позиции обратно связана с категориальностью позиции и уровнем открытости познавательной позиции, что закономерно и обусловлено теоретически, так как количество фактических вопросов отрицательно влияет на количество категориальных вопросов и на уровень познавательной позиции в целом. Эти связи дополняются связями с такими переменными, как «доброта людей» и «субъективированность позиции».

Факторизация результатов студентов самого большого четвертого кластера (группа 4) позволила выделить пять факторов. Структура полная, но неустойчивая, преобладающий характер связей прямой. В первом факторе взаимосвязаны такие прямонаправленные переменные, как «объективированность», «категориальность», «фактичность позиции», «общее количество вопросов» и «уровень познавательной позиции». В данной группе преобладает два варианта познавательной позиции: неопределенная — с тенденцией к открытой, и открытая, что согласуется с количеством категориальных вопросов. Во втором факторе обнаружена

взаимосвязь таких базовых убеждений, как «контролируемость мира», «ценность собственного Я», «степень самоконтроля», «степень удачи». В третьем факторе взаимосвязаны прямонаправленные переменные «обоснованность», «проработанность» и «децентрация». Такие результаты обоснованы теоретически и указывают на согласованность характеристик познавательной позиции и готовности к условиям неопределенности. Полученные взаимосвязи дополняются связями с переменными «доброта людей», «справедливость мира».

Выводы

В процессе эмпирического исследования были выделены четыре группы (кластеры), которые в соответствии со значимыми различиями имеют определенную специфику.

В группу 1 вошли студенты с неопределенной познавательной позицией, мало верящие в добро людей, но надеющиеся на справедливость мира. Яркой особенностью данной группы является их способность актуализировать свой познавательный потенциал (в том числе децентрацию) в нестандартной ситуации. Самая малочисленная группа 2 включает в себя студентов с неопределенной познавательной позицией, с отдельными признаками открытой познавательной позиции, что, вероятно, позволяет им верить в добро людей и в значимость самоконтроля. В группе 3 собраны студенты в основном тоже с неопределенной познавательной позицией, что, по-видимому, снижает веру в добро людей, собственную ценность и возможность самоконтроля. Однако в этой группе отчетливо проявляется потенциал открытой познавательной позиции. Самую многочисленную группу 4 составили студенты с неоднородностью познавательной позиции (и открытой, и закрытой, и неопределенной). Они мало верят в справедливость мира, но верят в ценность собственного Я и самоконтроля.

Полученные различия не поддаются линейному закону их изменения в группах. Этот факт стал основанием для факторизации результатов в группах студентов.

Специфика взаимосвязей характеристик базовых убеждений и познавательной позиции в первой группе заключается в том, что неопределенная познавательная позиция сочетается с верой в контролируемость мира и убежденностью в том, что человек имеет полный контроль над происходящими событиями. Возможно, такое сочетание переменных приводит к переоценке степени своего влияния на события и не всегда к оправданной вере в удачу. При этом наблюдается некоторая амбивалентность между потенциалом (развитая обоснованность, проработанность идей, децентрация) и способностью его реализовывать.

Специфика факторной структуры во второй группе заключается в том, что ведущий фактор состоит из взаимосвязи полного (с точки зрения количества исследуемых переменных) ряда характеристик метакогнитивного опыта, отражающего ментальный кругозор респондентов. Такая интегрированность переменных, вероятно, обуславливает ценность собственного Я. Однако «ослабляющий» тандем второй факторной группы приводит к снижению возможности открытой познавательной позиции и неверию в способность контролировать происходящие события.

Взаимосвязи, выявленные в третьей группе, отличаются выраженной амбивалентностью характеристик познавательной позиции, которая ухудшается за счет обратной направленности категориальности и уровня открытости, что отражает недостатки сформированности открытой познавательной позиции у студентов данной группы. Такая метакогнитивная амбивалентность обуславливает, вероятно, амбивалентность базовых убеждений, когда уверенность в контролируемости мира сочетается с верой в удачу и непредсказуемость событий. Можно сказать, что имеющийся потенциал этих молодых людей недостаточно сформирован и неустойчив, ограничивая их возможности в решении сложных и творческих задач.

Специфика выявленных взаимосвязей в четвертой группе заключается в наличии разноуровневых характеристик познавательной позиции в кристаллизующем факторе, что отражает ее многомерность и неоднозначность. Эта взаимосвязь дополняется взаимосвязью характеристик базовых убеждений,

также достаточно неоднозначных: когда вера в контролируемость событий, в возможность самостоятельно управлять ими сочетается с верой в удачу. Однако с учетом всех выявленных факторов можно предположить, что студенты данной группы отличаются наиболее гармоничным когнитивно-личностным потенциалом и готовностью к условиям неопределенности.

Таким образом, выявленные различия в характеристиках базовых убеждений и познавательной позиции четырех кластерных групп обусловили специфику их факторных структур. Полученные структуры характеризуются неоднородностью, нелинейностью взаимосвязей, что можно рассматривать как предиктор особенностей развития интеллектуально-личностного ресурса студентов.

Заключение

Актуальность изучения на современном этапе возможностей и готовности/неготовности сопротивляться жизненным трудностям выстраивается на основе поиска неоднозначных эффектов взаимосвязей базовых убеждений с разными характеристиками когнитивного ресурса молодежи. В частности, сформированность базовых убеждений теоретически взаимосвязана с готовностью видеть различные точки зрения на происходящее, использовать разные способы в деятельности, быть готовым к необычным сведениям и т. п. Как показано в современных исследованиях, открытая познавательная позиция обуславливает процедуру концептуализации [11: с. 99], а значит, и успешное/неуспешное решение разных жизненных задач. Разная степень открытости познавательной позиции (открытая, закрытая, неопределенная), децентрация (или ее несформированность) играют значительную роль в необходимости изучения нелинейности взаимосвязей базовых убеждений и познавательной позиции студентов.

По результатам эмпирического исследования можно заключить, что познавательная позиция и базовые убеждения студентов образуют значимую часть интеллектуально-

личностного ресурса студентов. Согласованность/несогласованность сформированности базовых убеждений и характеристик познавательной позиции обуславливает особенности их взаимосвязей в факторных структурах.

Наличие в диагностических результатах достаточно высоких показателей одних характеристик при низких/средних показателях других нашло свое отражение в различиях и специфике выявленных взаимосвязей.

Таким образом, впервые проведен анализ соотношения характеристик познавательной позиции и базовых убеждений студентов. Это может стать основанием для изучения возможного дефицита развития интеллектуально-личностного ресурса в целом и разработки специальных программ поддержки молодых людей с негативными базовыми убеждениями с опорой на концептуальные способности в частности.

Литература

1. **Беляева Т. Б., Кёппель М. В.** Взаимосвязь психологического благополучия с базисными убеждениями старшеклассников // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы I Международной научно-практической конференции (10–11 октября 2018 г., Санкт-Петербург): в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 158–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42937940> (дата обращения: 14.02.2023).
2. **Кибальченко И. А., Истратова О. Н., Эксакусто Т. В.** Опыт отношений в родительской семье как предиктор интеллектуально-личностного ресурса молодых людей: монография. Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. 226 с.
3. **Лифшиц М. В.** Взаимосвязь базовых убеждений, насыщенности жизни стрессом и психологического благополучия // Человеческий капитал. 2019. № 10 (130). С. 126–132. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41137921> (дата обращения: 14.02.2023).
4. **Проворова А. Н., Коржова Е. Ю.** Связь метакогнитивных убеждений и стратегий с выраженностью депрессивной симптоматики в популяционной выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 2 (116). С. 146–162.
5. **Рябинкина А. Н.** Связь психологического благополучия личности студентов с базовыми убеждениями о мире // Образование и общество. 2020. № 6 (125). С. 84–92.
6. **Секацкая Е. О.** Базисные убеждения личности, представления о себе и их взаимосвязь со стратегиями совладания // Проблемы современного образования. 2020. № 6. С. 23–30. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-6-23-30
7. **Филленко И. А., Богомаз С. А.** Базисные убеждения и социально-психологические компоненты здоровья молодежи: гендерные эффекты // Мир человека в фокусе психологических метапрактик: материалы VIII Сибирского психологического форума (Международной научной конференции). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2022. С. 127–128.
8. **Хазова С. А.** Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 4. С. 47–53.
9. **Халикова Л. Р., Шаяхметова Э. Ш., Хакимов Э. Р.** Роль базовых убеждений в формировании тревожности и депрессии // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 316–319.
10. **Холодная М. А.** Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт, 2019. 334 с.
11. **Холодная М. А., Сиповская Я. И.** Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика. М.: Институт психологии РАН, 2023. 172 с. DOI: 10.38098/mng_23_0458
12. **Чегодаева К. К., Кибальченко И. А.** Базовые убеждения и понятийное мышление студентов как предикторы развития личности безопасного типа // Фундаментальные и прикладные аспекты компьютерных технологий и информационной безопасности: сб. статей V Всероссийской научно-технической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов (Таганрог, 1–7 апреля 2019 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2019. С. 545–547.
13. **Bosniuk V., Svitlychna N., Skliarov S.** Intellectual resource as a basis of rescue worker's coping behavior // Science and Education. 2018. Vol. 27. Issue 5–6. P. 61–73. DOI: 10.24195/2414-4665-2018-5-10
14. **Janoff-Bulman R., Timko C.** Working with victims: Changes in the researcher's assumptive world // Advances in environmental psychology (vol. 5) / edited by Andrew Baum, Jerome E. Singer. London: Routledge, 2020. P. 75–97. DOI: 10.4324/9781003052944-3

15. **Kibal'chenko A. I., Eksakusto T. V.** Cognitive and style predictors of the students' psychological well-being // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*. 2020. Vol. 8 (1). P. 1–13. DOI: 10.5937/IJCRSEE2001001K
16. **McCaslin M. L., Kilrea K. A.** An introduction to transformative inquiry: Understanding compelling and significant relationships for personal and societal transformation // *The Qualitative Report*. 2019. Vol. 24. № 5. P. 980–1000. DOI: 10.46743/2160-3715/2019.2689
17. **Meyerson J., Gelkopf M., Eli I., Uziel N.** Stress coping strategies burnout secondary traumatic stress and compassion satisfaction amongst Israeli dentists: a cross-sectional study // *International Dental Journal*. 2022. Vol. 72 (4). P. 476–483. DOI: 10.1016/j.identj.2021.09.006
18. **Ratu A., Made Rai N. G., Savitri E. D.** Excellent academic achievement: do intellectual humility and emotional intelligence matter? // *Journal Cakrawala Pendidikan*. 2021. Vol. 40 (2). P. 265–278. DOI: 10.21831/cp.v40i2.35588
19. **Shi L.** Brain networks of happiness: Dynamic functional connectivity among the default, cognitive and salience networks relates to subjective well-being / L. Shi et al. // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2018. Vol. 13 (8). P. 851–862. DOI: 10.1093/scan/nsy059
20. **Sipovskaya Ya. I.** Network modeling of the structure of conceptual experience in the context of intellectual competence in older adolescence // *Advances in Intelligent Systems and Computing. Intelligent Systems and Applications: Proceedings of the 2019 Intelligent Systems Conference (IntelliSys)*. 2019. Vol. 1. P. 1252–1262. DOI: 10.1007/978-3-030-29516-5_92
21. **Trzebiński J., Cabański M., Czarnecka J. Z.** Reaction to the COVID-19 pandemic: The influence of meaning in life, life satisfaction, and assumptions on world orderliness and positivity // *Journal of Loss and Trauma*. 2020. Vol. 25 (6–7). P. 544–557.
22. **Ward T., Plagnol A.** Traumatic Experiences: When the home collapses // *Cognitive psychodynamics as an integrative framework in counselling psychology and psychotherapy*. Palgrave Macmillan, Cham. 2019. P. 131–159. DOI: 10.1007/978-3-030-25823-8_7

References

1. **Belyaeva T. B., Kyoppel' M. V.** Vzaimosvyaz' psixologicheskogo blagopoluchiya s bazisny'mi ubezhdeniyami starsheklassnikov [The relationship of psychological well-being with the basic beliefs of high school students] // *Gercenovskie chteniya: psixologicheskie issledovaniya v obrazovanii. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (10–11 oktiabria 2018 g., Sankt-Peterburg): v 2 ch. Ch. 1 [Herzen readings: psychological research in education. Materials of the I International Scientific and Practical Conference (October 10–11, 2018, St. Petersburg): in 2 parts. Part 1]*. SPB.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2018. P. 158–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42937940> (access date: 14.02.2023).
2. **Kibal'chenko I. A., Istratova O. N., E'ksakusto T. V.** Opy't otnoshenij v roditel'skoj sem'e kak prediktor intellektual'no-lichnostnogo resursa molody'x lyudej: monografiya [Experience of relationships in the parental family as a predictor of the intellectual and personal resource of young people: monograph]. Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 226 p.
3. **Lifshicz M. V.** Vzaimosvyaz' bazovy'x ubezhdenij, nasy'shennosti zhizni stressom i psixologicheskogo blagopoluchiya [Relationship between basic beliefs, saturation of life with stress and psychological well-being] // *Chelovecheskij kapital [Human Capital]*. 2019. № 10 (130). P. 126–132. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41137921> (access date: 14.02.2023).
4. **Provorova A. N., Korzhova E. Yu.** Svyaz' metakognitivny'x ubezhdenij i strategij s vy'razhennost'yu depressivnoj simptomatiki v populyacionnoj vy'borke [Connection of metacognitive beliefs and strategies with the severity of depressive symptoms in a population sample] // *Konsul'tativnaya psixologiya i psixoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2022. Vol. 30. № 2 (116). P. 146–162.
5. **Ryabinkina A. N.** Svyaz' psixologicheskogo blagopoluchiya lichnosti studentov s bazovy'mi ubezhdeniyami o mire [Communication of the psychological well-being of the personality of students with basic beliefs about the world] // *Obrazovanie i obshchestvo [Education and Society]*. 2020. № 6 (125). P. 84–92.
6. **Sekaczkaya E. O.** Bazisny'e ubezhdeniya lichnosti, predstavleniya o sebe i ix vzaimosvyaz' so strategiyami sovladaniya [Basic beliefs of the individual, self-image and their relationship with coping strategies] // *Problemy' sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education]*. 2020. № 6. P. 23–30. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-6-23-30
7. **Filenko I. A., Bogomaz S. A.** Bazisny'e ubezhdeniya i social'no-psixologicheskie komponenty' zdorov'ya molodezhi: genderny'e e'ffekty' [Basic beliefs and socio-psychological components of youth health:

gender effects] // *Mir cheloveka v fokuse psixologicheskix metapraktik: Materialy` VIII Sibirskogo psixologicheskogo foruma (Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii)* [Human world in the focus of psychological metapractices: Proceedings of the VIII Siberian Psychological Forum (International Scientific Conference)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2022. P. 127–128.

8. **Xazova S. A.** Mental'ny'e resursy` sub`ekta: priroda, funkcii, dinamika [Mental resources of the subject: nature, functions, dynamics] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. 2014. № 4. P. 47–53.

9. **Xalikova L. R., Shayaxmetova E'. Sh., Xakimov E'. R.** Rol' bazovy`x ubezhdenij v formirovanii trevozhnosti i depressii [The role of basic beliefs in the formation of anxiety and depression] // *Problemy` sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2022. № 74-4. P. 316–319.

10. **Xolodnaya M. A.** Psixologiya intellekta: Paradoksy` issledovaniya. 3-e izd., dopoln. i pererab. [Psychology of intelligence: Research paradoxes. 3rd edition, enlarged and revised]. M.: Yurajt, 2019. 334 p.

11. **Xolodnaya M. A., Sipovskaya Ya. I.** Ponyatiiny`e sposobnosti: teoriya, diagnostika, e`mpirika [Conceptual abilities: theory, diagnostics, empiricism]. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN», 2023. 172 p. DOI: 10.38098/mng_23_0458

12. **Chegodaeva K. K., Kibal'chenko I. A.** Bazovy`e ubezhdeniya i ponyatijnoe my`shlenie studentov kak prediktory` razvitiya lichnosti bezopasnogo tipa [Basic beliefs and conceptual thinking of students as predictors of the development of a safe type of personality] // *Fundamental'ny`e i prikladny`e aspekty` komp'yuterny`x texnologij i informacionnoj bezopasnosti: sbornik statei V Vserossiiskoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov, magistrantov i studentov (Taganrog, 1–7 apreliya 2019 g.)* [Fundamental and applied aspects of computer technology and information security: collection of articles of the V All-Russian Scientific and Technical Conference of Young Scientists, Postgraduates, undergraduates and Students (Taganrog, April 1–7, 2019)]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 2019. P. 545–547.

13. **Bosniuk V., Svitlychna N., Skliarov S.** Intellectual resource as a basis of rescue worker's coping behavior // *Science and Education*. 2018. Vol. 27. Issue 5–6. P. 61–73. DOI: 10.24195/2414-4665-2018-5-10

14. **Janoff-Bulman R., Timko C.** Working with victims: Changes in the researcher's assumptive world // *Advances in environmental psychology (vol. 5)* / edited by Andrew Baum, Jerome E. Singer. London: Routledge, 2020. P. 75–97. DOI: 10.4324/9781003052944-3

15. **Kibal'chenko A. I., Eksakusto T. V.** Cognitive and style predictors of the students' psychological well-being // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*. 2020. Vol. 8 (1). P. 1–13. DOI: 10.5937/IJCRSEE2001001K

16. **McCaslin M. L., Kilrea K. A.** An introduction to transformative inquiry: Understanding compelling and significant relationships for personal and societal transformation // *The Qualitative Report*. 2019. Vol. 24. № 5. P. 980–1000. DOI: 10.46743/2160-3715/2019.2689

17. **Meyerson J., Gelkopf M., Eli I., Uziel N.** Stress coping strategies burnout secondary traumatic stress and compassion satisfaction amongst Israeli dentists: a cross-sectional study // *International Dental Journal*. 2022. Vol. 72 (4). P. 476–483. DOI: 10.1016/j.identj.2021.09.006

18. **Ratu A., Made Rai N. G., Savitri E. D.** Excellent academic achievement: do intellectual humility and emotional intelligence matter? // *Journal Cakrawala Pendidikan*. 2021. Vol. 40 (2). P. 265–278. DOI: 10.21831/cp.v40i2.35588

19. **Shi L.** Brain networks of happiness: Dynamic functional connectivity among the default, cognitive and salience networks relates to subjective well-being / L. Shi et al. // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2018. Vol. 13 (8). P. 851–862. DOI: 10.1093/scan/nsy059

20. **Sipovskaya Ya. I.** Network modeling of the structure of conceptual experience in the context of intellectual competence in older adolescence // *Advances in Intelligent Systems and Computing. Intelligent Systems and Applications: Proceedings of the 2019 Intelligent Systems Conference (IntelliSys)*. 2019. Vol. 1. P. 1252–1262. DOI: 10.1007/978-3-030-29516-5_92

21. **Trzebiński J., Cabański M., Czarnecka J. Z.** Reaction to the COVID-19 pandemic: The influence of meaning in life, life satisfaction, and assumptions on world orderliness and positivity // *Journal of Loss and Trauma*. 2020. Vol. 25 (6–7). P. 544–557.

22. **Ward T., Plagnol A.** Traumatic Experiences: When the home collapses // *Cognitive psychodynamics as an integrative framework in counselling psychology and psychotherapy*. Palgrave Macmillan, Cham. 2019. P. 131–159. DOI: 10.1007/978-3-030-25823-8_7

УДК 159.923

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.04

ВЕКТОР КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОД

О. Б. Полякова,
РГСУ, Москва,
pob-70@mail.ru,

Т. И. Бонкало,
НИИОЗММ ДЗМ, Москва,
bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Обучение в онлайн-режиме и овладение новыми компьютерными программами привели в постковидный период к изменению взглядов студенческой молодежи на профессиональную подготовку, профессионализацию, работу и карьерный рост, а также к установлению дополнительных путей коммуникации и обратной связи. В этой связи настоящая работа посвящена описанию вектора карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период.

В исследовании использовался комплекс методик, направленных на выявление карьерного потенциала личности, а также на оценку профессионального мастерства. В исследовании приняли участие 380 студентов, имеющих полную рабочую занятость, и 380 частично занятых студентов. Все респонденты являлись студентами Московского психолого-социального университета, Открытого университета экономики, управления и права и Российского государственного социального университета. Средний возраст респондентов — 21,7 лет.

По результатам исследования установлены весьма высокая корреляционная связь между интеграцией стилей жизни, стабильностью места жительства и работы; высокая связь между автономией (независимостью), вызовом, интеграцией стилей жизни, общим показателем якорей карьеры, предпринимательством, стабильностью места жительства и работы; заметная связь между автономией (независимостью), ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения, вызовом, интеграцией стилей жизни, менеджментом, общими показателями профессионального мастерства и якорей карьеры, предпринимательством, профессиональной компетентностью, служением, стабильностью места жительства и работы, шансом сделать карьеру; умеренная связь между автономией (независимостью), ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения, вызовом, менеджментом, общими показателями профессионального мастерства и якорей карьеры, предпринимательством, профессиональной компетентностью, служением, шансом сделать карьеру.

Ключевые слова: карьерные ориентации; студенческая молодежь; профессиональная подготовка; постковидный период.

Для цитаты: Полякова О. Б., Бонкало Т. И. Вектор карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 45–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.04

Полякова Ольга Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики факультета политических и социальных наук Российского государственного социального университета, Москва.

E-mail: *pob-70@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-2581-5516

Бонкало Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, доцент, начальник отдела комплексной экспертизы и координации научно-исследовательских проектов и разработок Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва.

E-mail: *bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru*

ORCID: 0000-0003-0887-4995

© Полякова О. Б., Бонкало Т. И., 2023

UDC 159.923

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.04

THE VECTOR OF CAREER ORIENTATIONS OF STUDENTS IN THE POST-COVID PERIOD

O. B. Polyakova,
RSSU, Moscow,
pob-70@mail.ru,

T. I. Bonkalo,
RIHOMMDHCM, Moscow,
bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

In the post-covid period learning online and mastering new computer programs led to a change in the views of students on vocational training, professionalization, work and career growth, as well as to the establishment of additional ways of communication and feedback. In this regard, this work is devoted to the description of the vector of students career orientations in the post-covid period.

The study used a set of techniques aimed at identifying the career potential of an individual, as well as evaluating professional skills. The study involved 380 full-time students and 380 part-time students. All respondents were students of the Moscow Psychological and Social University, the Open University of Economics, Management and Law and the Russian State Social University. The average age of respondents is 21.7 years.

According to the results of the study, there is a very high correlation between the integration of lifestyles, stability of residence and work; a high relationship between autonomy (independence), challenge, integration of lifestyles, a common indicator of career anchors, entrepreneurship, stability of residence and work; a noticeable relationship between autonomy (independence), the leading properties of the psyche, abilities, behavioral tendencies, challenge, integration of lifestyles, management, general indicators of professional skill and career anchors, entrepreneurship, professional competence, service, stability of residence and work, a chance to make a career; moderate relationship between autonomy (independence), leading properties of the psyche, abilities, behavioral tendencies, challenge, management, general indicators professional skills and career anchors, entrepreneurship, professional competence, service, a chance to make a career.

Keywords: career orientations; student youth; professional training; post-covid period.

For citation: Polyakova O. B., Bonkalo T. I. The vector of career orientations of students in the post-covid period // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 45–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.04

Polyakova Olga Borisovna, PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of psychology, conflictology and behavioral studies, Faculty of political and social sciences of the Russian University of State for Social, Moscow, Russia.

E-mail: *pob-70@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-2581-5516

Bonkalo Tatyana Ivanovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Comprehensive Expertise and Coordination of Research Projects and Development of the Research Institute for Health Organization and Medical Management of the Department of Health of the City of Moscow, Moscow, Russia.

E-mail: *bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru*

ORCID: 0000-0003-0887-4995

Введение

Обучение в онлайн-режиме и овладение новыми компьютерными программами в ковидный период [1: с. 86; 4; 11] привели в постковидный период к пересмотру и динамике взглядов студенческой молодежи на профессиональную подготовку, профессионализацию, работу и карьерный рост [2; 9; 16], а также к установлению дополнительных путей коммуникации и обратной связи [6; 13; 18].

Оперативность изменения взглядов на возможности реализации профессиональной подготовки в новых обстоятельствах способствовала не только повышению академической успеваемости, а также оптимизации тайм-менеджмента, но и нивелированию симптомов эмоционального истощения, стабилизации субъективного благополучия [10], упреждению возникновения всех видов стрессовых состояний [15] и повышению стрессоустойчивости студентов в целом [5].

Необходимость повышения уровня профессиональной компетентности студенческой молодежи в качестве социально-психологической основы раскрытия карьерного потенциала личности и становления профессионального мастерства подтверждается исследованиями психологов, педагогов, медиков и социологов, направленными на актуализацию карьерной ориентации [3], интеграцию ценностных и карьерных установок [17], оптимизацию образовательного пространства вуза для формирования карьерных устремлений студентов [7]. В ряде современных исследований затрагивается проблема повышения субъективного благополучия путем формирования карьерных ориентаций студентов [19; 20], актуализации учебно-профессиональной мотивации [21], развития личностного потенциала студентов с учетом особенностей мотивационной сферы [8]. Кроме того, в настоящее время в научной среде активно обсуждаются проблемы совершенствования профессиональной подготовки обучающихся с целью развития технологий, направленных на формирование карьерных ориентаций студенческой молодежи [12; 14].

Предлагаемое исследование направлено на описание вектора карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период.

Методика исследования

В исследовании приняли участие 380 студентов, имеющих полную рабочую занятость, и 380 частично занятых студентов. Все респонденты являлись студентами Московского психолого-социального университета, Открытого университета экономики, управления и права и Российского государственного социального университета. Средний возраст респондентов — 21,7 лет.

Для описания вектора карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период использовались следующие методики:

1) опросник «Есть ли у вас шанс сделать карьеру?» (ЕЛУВШСК) Б. В. Третьякова для определения уровня шанса сделать карьеру¹; автор модификации интерпретации результатов — О. Б. Полякова;

2) опросник «Каков ваш карьерный потенциал?» (КВКП) Б. В. Третьякова для выявления степени карьерного потенциала²; автор модификации интерпретации результатов — О. Б. Полякова;

3) опросник «Профессиональное мастерство» (ПМ) Г. Д. Мартиева³ для установления силы, уравновешенности, подвижности нервных процессов как природной предпосылки для становления профессионального мастерства (СУПНП), ведущих свойств психики, способностей, склонностей поведения как социально-психологической основы совершенствования профессионального мастерства (ВПССП), качеств личности высокопрофессионального специалиста (КЛВПС), общего показателя профессионального мастерства (ОППМ); автор модификации интерпретации результатов — О. Б. Полякова;

¹ Третьяков Б. В. Опросник «Есть ли у вас шанс сделать карьеру?». URL: <https://jungland.ru/test/test-na-karieru.php?ysclid=1faw0xfmuj184858171> (дата обращения: 14.03.2023).

² Третьяков Б. В. Опросник «Каков ваш карьерный потенциал?». URL: <https://www.passion.ru/career/vasha-karera/test-kakov-vash-karernyy-potencial-62228.htm> (дата обращения: 14.03.2023).

³ Мартиев Г. Д. Опросник «Профессиональное мастерство». URL: https://studopedia.ru/10_159178_informatsionnyy-material.html?ysclid=1fawd8bhf7566468317 (дата обращения: 14.03.2023).

4) опросник «Якоря карьеры» (ЯК) Э. Шейна⁴ (авторы адаптации — В. Э. Винокурова и В. А. Чикер) для диагностики ценностных ориентаций в карьере: якоря карьеры профессиональной компетентности (ЯКПК), якоря карьеры менеджмента (ЯКМ), якоря карьеры автономии или независимости (ЯКАиН), якоря карьеры стабильности работы (ЯКСР), якоря карьеры стабильности места жительства (ЯКСМЖ), якоря карьеры служения (ЯКС), якоря карьеры вызова (ЯКВ), якоря карьеры интеграции стилей жизни (ЯКИСЖ), якоря карьеры предпринимательства (ЯКП), общего показателя якорей карьеры (ОПЯК); автор модификации интерпретации результатов — О. Б. Полякова.

В таблице 1 представлены данные шкалирования уровней карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период по используемым в исследовании методикам.

Результаты исследования

Результаты описания вектора карьерных ориентаций (см. табл. 2) показали, что у студенческой молодежи в постковидный период:

1) доминирует высокий уровень таких якорей карьеры, как:

✓ *интеграция стилей жизни* — 9,05 (студенты ассоциируют карьеру с общим жизненным стилем; демонстрируют конформность; ориентированы на поддержание определенного образа жизни; склоняются к межличностным отношениям с опорой на уважение к их учебно-профессиональным, рабочим и семейным проблемам; стараются уравновесить собственные потребности с потребностями профессиональной подготовки, карьеры и семьи; стремятся сохранить баланс между личной и учебно-профессиональной жизнью; считают карьеру составной частью привычного стиля жизни);

✓ *стабильность работы* — 8,92 (студенты заинтересованы в прогнозировании профессиональной подготовки и работы; испытывают потребность в психической, психологической, физической и физиологической безопасности; надеются на надежность и стабильность работы; ориентированы на получение социальных гарантий; отказываются от авантюрных и краткосрочных проектов; рассматривают профессиональную подготовку и работу как ступени карьерной лестницы; стремятся совместить профессиональную подготовку и работу);

✓ *стабильность места жительства* — 8,84 (студенты ориентированы на минимум командировок и переездов; стремятся иметь постоянное место жительства);

Таблица 1

Шкалирование уровней карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период

Опросники	Исследуемые компоненты	Уровни карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период				
		Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
ЕлУВШСК		0–6	7–12	13–18	19–24	25–30
КВКП		0–12	13–24	25–36	37–48	49–60
ПМ	СУПНП	0–2	3–4	5–6	7–8	9–10
	ВСПССП	0–4	5–8	9–12	13–16	17–20
	КЛВПС	0–8	9–16	17–24	25–32	33–40
	ОППМ	0–12	13–24	25–36	37–48	49–60
ЯК	ЯКПК, ЯКМ, ЯКАиН, ЯКСР, ЯКСМЖ, ЯКС, ЯКВ, ЯКИСЖ, ЯКП*	1–2	3–4	5–6	7–8	9–10
	ОПЯК	9–22	23–40	41–58	59–76	77–90

Примечание: * — среднее арифметическое значение.

⁴ Шейн Э. Опросник «Якоря карьеры». URL: <https://psytests.org/work/anchors-run.html?ysclid=lfawainln249574910> (дата обращения: 14.03.2023).

2) выражен выше среднего уровень общего показателя *якорей карьеры* — 66,36; *карьерной ориентации на:*

Таблица 2

Взаимосвязи карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период

Опросники	Компоненты	ЯК										
		ЯКПК	ЯКМ	ЯКАиН	ЯКСР	ЯКСМЖ	ЯКС	ЯКВ	ЯКИСЖ	ЯКП	ОПЯК	
ЕлдуВШСК = 13,05****		0,215	0,229	0,429	0,641	0,629	0,235	0,402	0,625	0,392	0,422	
КВКП = 19,38**		0,114	0,116	0,128	0,148	0,135	0,118	0,122	0,159	0,124	0,129	
ПМ	СУПНП = 3,25**	0,112	0,114	0,124	0,142	0,130	0,116	0,118	0,151	0,119	0,125	
	ВПССП = 9,35****	0,175	0,183	0,425	0,632	0,612	0,198	0,385	0,598	0,389	0,400	
	КЛВПС = 15,31**	0,113	0,115	0,127	0,146	0,133	0,117	0,119	0,154	0,123	0,127	
	ОППМ = 24,66****	0,238	0,241	0,435	0,643	0,638	0,242	0,438	0,637	0,456	0,441	
ЯК	ЯКПК = 5,05****	1	0,152	0,328	0,528	0,532	0,167	0,346	0,526	0,342	0,436	
	ЯКМ = 5,31****	0,139	1	0,362	0,556	0,549	0,132	0,374	0,562	0,355	0,448	
	ЯКАиН = 8,47****	0,328	0,362	1	0,784	0,781	0,391	0,543	0,783	0,582	0,569	
	ЯКСР = 8,92****	0,528	0,556	0,784	1	0,915	0,632	0,725	0,942	0,758	0,730	
	ЯКСМЖ = 8,84****	0,532	0,549	0,781	0,915	1	0,605	0,731	0,959	0,745	0,727	
	ЯКС = 6,26****	0,163	0,177	0,391	0,632	0,605	1	0,332	0,594	0,383	0,475	
	ЯКВ = 7,04****	0,346	0,374	0,543	0,725	0,731	0,332	1	0,728	0,585	0,546	
	ЯКИСЖ = 9,05****	0,526	0,562	0,783	0,942	0,959	0,594	0,728	1	0,755	0,731	
	ЯКП = 7,42****	0,342	0,355	0,582	0,758	0,745	0,383	0,585	0,755	1	0,563	
	ОПЯК = 66,36****	0,436	0,448	0,569	0,730	0,727	0,475	0,546	0,731	0,563	1	

Примечание: уровни карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период: ** — ниже среднего; *** — средний; **** — выше среднего; ***** — высокий.

✓ *автономия/независимость* — 8,47 (студенты желают работать самостоятельно; испытывают трудности, связанные с дисциплиной, установленными правилами и процедурами; переживают необходимость соблюдения установленных правил, процедур; рассматривают карьеру как вариант реализации собственной свободы; согласны делать карьеру собственным путем; сопротивляются многим ограничениям, организационным правилам и предписаниям; стараются сами решать проблемы; стремятся к индивидуальному стилю деятельности; ценят в работе независимость и свободу);

✓ *предпринимательство* — 7,42 (студенты желают открыть собственное дело; ориентированы на создание новых организаций и услуг; рассматривают вершину карьеры как собственный бизнес; стремятся работать на себя);

✓ *вызов* — 7,04 (студенты жаждут новизны, т. е. бросают вызов; желают решать неординарные задачи; настроены на победу; рассматривают карьеру как вызов собственным индивидуально-психологическим особенностям и качествам; стремятся к выполнению трудной работы, конкуренции и соревновательным моментам; считают преодоление препятствий успехом; ценят вызов, новизну и разнообразие; чувствуют себя эффективными при решении трудных задач);

3) установлен средний уровень общего показателя *профессионального мастерства* — 24,66:

✓ *шанса сделать карьеру* — 13,05 (студенты готовы взяться за трудные дела, отдать все время и энергию работе; иногда считают себя недооцененными; пытаются искоренить разбрасываемость по мелочам; стараются быть полезными в команде единомышленников; стремятся проявлять старательность);

✓ *ведущих свойств психики, способностей, склонностей поведения как социально-психологической основы совершенствования профессионального мастерства* — 9,35 (студенты готовы развивать эмпатические свойства; готовы совершенствовать компоненты саморегуляции, в частности планирование; желают повысить свою сообразительность и энергичность; любят придумывать и фантазировать; отмечают у себя ситуативную

рассеянность и избыточную эмоциональность; преодолевают трудности мыслительной деятельности; стараются быть выдержанными и терпеливыми по отношению к окружающим; стремятся к межличностным отношениям; тренируют показатели самоуправления);

✓ *карьерной ориентации на служение* — 6,26 (студенты достаточно открыты и общительны; ориентированы на служение; рассматривают карьеру как возможность эффективно использовать собственные таланты; стараются приносить пользу окружающим; стремятся реализовать в собственном деле важные ценности);

✓ *менеджмента* — 5,31 (студенты готовы, но не испытывают острой потребности управлять окружающими, проектами и процессами; обладают ситуативными возможностями высокого дохода, лидерства и ответственности; ориентированы на интеграцию усилий окружающих и карьерный рост в наемном менеджменте; часто избегают единоличного принятия решений);

✓ *профессиональной компетентности* — 5,05 (студенты адекватно оценивают собственные профессиональные качества, но понимают недостижимость в настоящее время профессионализма; могут, но не желают постоянно управлять окружающими; не привязаны к статусу, соответствующему их мастерству; рассматривают управление как необходимое условие для карьерного роста; счастливы при самореализации в разных сферах жизнедеятельности);

4) выражен ниже среднего уровень:

✓ *карьерного потенциала* — 19,38 (студенты довольно работоспособны; иногда опускают руки, сталкиваясь с трудностями; часто ленятся и упускают ряд возможностей);

✓ *качеств личности высокопрофессионального специалиста* — 15,31 (студенты иногда читают дополнительную литературу по специальности; им не всегда удается выбрать четкий план действий и правильный тон общения; они не обладают широким кругозором, не отличаются самокритичностью, недостаточно эрудированы; понимают необходимость учета интересов окружающих; ситуативно дисциплинированы и ответственны; ситуативно срываются; пытаются убедить окружающих, стараются быть более оптимистичными; стремятся быть внимательными и тактичными по отношению к окружающим;

стремятся к обдуманной и целенаправленной деятельности; часто увлекаются делом);

✓ *силы, уравновешенности, подвижности нервных процессов как природной предпосылки для становления профессионального мастерства* — 3,25 (студенты долго восстанавливают силы после напряженного труда; иногда их утомляет длительное присутствие окружающих; им не всегда удается быстро переключиться на другой вид деятельности; они не отличаются высокой работоспособностью; стараются поддерживать при выполнении работы хорошее настроение; стремятся действовать быстро и решительно; с трудом концентрируют внимание на конкретном объекте).

Критерий корреляции К. Пирсона и описание связей по шкале Чеддока – Снедекора дали возможность установить связи между карьерными ориентациями студенческой молодежи в постковидный период (см. табл. 2).

1) Определена весьма высокая связь между якорями карьеры «стабильность места жительства» — «интеграция стилей жизни» (0,959); «стабильность работы» — «интеграция стилей жизни» (0,942) и «стабильность места жительства» (0,915).

2) Выявлена высокая связь между якорем карьеры «стабильность работы» и карьерной ориентацией на автономию/независимость (0,784), и карьерной ориентацией на предпринимательство (0,758), и общим показателем якорей карьеры (0,730), и карьерной ориентацией на вызов (0,725); якорем карьеры «стабильность места жительства» и карьерной ориентацией на автономию/независимость (0,781), и карьерной ориентацией на предпринимательство (0,745), и карьерной ориентацией на вызов (0,731), и общим показателем якорей карьеры (0,727); якорем карьеры «интеграция стилей жизни» и карьерной ориентацией на автономию/независимость (0,783), и карьерной ориентацией на предпринимательство (0,755), и общим показателем якорей карьеры (0,731), и карьерной ориентацией на вызов (0,728).

3) Установлена заметная связь между якорем карьеры «стабильность работы» и общим показателем профессионального мастерства (0,643), и шансом сделать карьеру (0,641), и ведущими свойствами психики, способностей,

склонностей поведения (0,632), и карьерными ориентациями на служение (0,632), менеджмент (0,556), профессиональную компетентность (0,528); якорем карьеры «стабильность места жительства» и общим показателем профессионального мастерства (0,638), и шансом сделать карьеру (0,629), и ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения (0,612), и карьерными ориентациями на служение (0,605), менеджмент (0,549), профессиональную компетентность (0,532); якорем карьеры «интеграция стилей жизни» и общим показателем профессионального мастерства (0,637), и шансом сделать карьеру (0,625), и ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения (0,598), и карьерными ориентациями на служение (0,594), менеджмент (0,562), профессиональную компетентность (0,526); карьерной ориентацией на автономию/независимость и карьерной ориентацией на предпринимательство (0,582), и общим показателем якорей карьеры (0,569), и карьерной ориентацией на вызов (0,543); карьерной ориентацией на вызов и карьерной ориентацией на предпринимательство (0,585), и общим показателем якорей карьеры (0,546); карьерной ориентацией на предпринимательство и общим показателем якорей карьеры (0,563).

4) Диагностирована умеренная связь между карьерной ориентацией на автономию/независимость и общим показателем профессионального мастерства (0,435), и шансом сделать карьеру (0,429), и ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения (0,425), и карьерными ориентациями на служение (0,391), менеджмент (0,362), профессиональную компетентность (0,328); карьерной ориентацией на вызов и общим показателем профессионального мастерства (0,438), и шансом сделать карьеру (0,402), и ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения (0,385), и карьерными ориентациями на менеджмент (0,374), профессиональную компетентность (0,346), служение (0,332); карьерной ориентацией на предпринимательство и общим показателем профессионального мастерства (0,456), и шансом сделать карьеру (0,392), и ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения (0,389),

и карьерными ориентациями на служение (0,383), менеджмент (0,355), профессиональную компетентность (0,342); общим показателем якорей карьеры и карьерной ориентацией на служение (0,475), и карьерной ориентацией на менеджмент (0,448), и общим показателем профессионального мастерства (0,441), и карьерной ориентацией на профессиональную компетентность (0,436), и шансом сделать карьеру (0,422), и ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения (0,400).

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что вектор карьерных ориентаций студенческой молодежи в постковидный период представлен высоким уровнем интеграции стилей жизни, стабильности места жительства и работы; уровнем выше среднего карьерных ориентаций на автономию/независимость, вызов и предпринимательство, а также общего показателя якорей карьеры; средним уровнем ведущих свойств психики, способностей, склонностей поведения, карьерных ориентаций на менеджмент, профессиональную компетентность и служение, общего показателя профессионального

мастерства и шанса сделать карьеру; уровнем ниже среднего карьерного потенциала, качеств личности высокопрофессионального специалиста, силы, уравновешенности, подвижности нервных процессов.

По результатам проведенного исследования установлены весьма высокая связь между интеграцией стилей жизни, стабильностью места жительства и работы; высокая связь между автономией/независимостью, вызовом, интеграцией стилей жизни, общим показателем якорей карьеры, предпринимательством, стабильностью места жительства и работы; заметная связь между автономией/независимостью, ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения, вызовом, интеграцией стилей жизни, менеджментом, общими показателями профессионального мастерства и якорей карьеры, предпринимательством, профессиональной компетентностью, служением, стабильностью места жительства и работы, шансом сделать карьеру; умеренная связь между автономией/независимостью, ведущими свойствами психики, способностей, склонностей поведения, вызовом, менеджментом, общими показателями профессионального мастерства и якорей карьеры, предпринимательством, профессиональной компетентностью, служением, шансом сделать карьеру.

Литература

1. **Бонкало Т. И., Полякова О. Б.** Проблемы профессиональной подготовки будущих работников в условиях онлайн-обучения: опыт пандемии COVID-19. М.: НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2022. 152 с.
2. **Букова Я. С., Чикер В. А.** Карьерные ориентации студентов российских ВУЗов // Мир педагогики и психологии. 2022. № 12 (77). С. 49–60.
3. **Веретенникова В. Б.** Карьерные ориентации студентов — будущих педагогов дошкольных образовательных организаций // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 1. С. 36–47. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11003
4. **Верещагин К. Н.** Особенности карьерных ориентаций студентов // Интеграция психолого-педагогических наук и актуальных образовательных практик: материалы V Международной студенческой научно-практической очной конференции (21 апреля 2022 г.). Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2022. С. 49–55.
5. **Дейнега Н. В.** Взаимосвязь факторов стресса и карьерных ориентаций студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 3. С. 116–128. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-116-128
6. **Елисева А. П., Головина С. Г., Анжиганова О. Р.** Сравнительный анализ карьерных ориентаций студентов, обучающихся на разных уровнях подготовки // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 9 (211). С. 535–537. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p535-538

7. **Задорожникова Е. Б., Панкратова Е. В.** Образовательное пространство вуза как фактор формирования карьерных ориентаций студентов (на примере ИВГУ) // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2022. № 3 (71). С. 18–26. DOI: 10.6060/snt.20227103.0002
8. **Котова О. В.** Развитие личностного потенциала студентов с учетом особенностей мотивационной сферы // *Психология личностного и профессионального развития человека: материалы Седьмой конференции психологов образования Сибири (Иркутск, 20–21 июня 2022 г.)*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 342–345. 1 CD-ROM.
9. **Лесин А. М.** Взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций студентов гуманитарных направлений подготовки // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 31. № 2. С. 170–178. DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-2-170-178
10. **Маленова А. Ю., Маленов А. А., Трушичкина Ю. А.** Уровень субъективного благополучия и карьерные ориентации неработающих и работающих студентов // *Ананьевские чтения – 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям: материалы Международной научной конференции (18–21 октября 2022 г.)*. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 69–70.
11. **Малютина А. К.** Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе обучения // *Психология и педагогика в Крыму: пути развития*. 2022. № 3. С. 96–113.
12. **Мережников А. П.** Особенности направленности личности, смысложизненных ориентаций и их взаимосвязей у юношей и девушек первого года обучения в вузе // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2017. № 12 (154). С. 341–344.
13. **Морозова А. С., Найденова Е. В.** Исследование изменений карьерных ориентаций у студентов психологического направления // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2022. Т. 20. № 2. С. 15–27. DOI: 10.21702/ncpb.2022.2.2.2
14. **Никитенко Е. В.** Карьерные ориентации в структуре профессиональной подготовки студентов // *Novaum*. 2022. № 37. С. 205–208. URL: <http://novaum.ru/public/p2431> (дата обращения: 22.03.2023).
15. **Полякова О. Б., Бонкало Т. И.** Специфика физиологического стресса населения, находящегося в самоизоляции из-за пандемии COVID-19 // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2021. Т. 65. № 5. С. 432–439. DOI: 10.47470/0044-197X-2021-65-5-432-439
16. **Прохоров П. В.** Карьерные ориентации и мотивация к труду студентов института физической культуры // *Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики*. 2022. Т. 2. № 4. С. 32–37. DOI: 10.15826/spp.2022.4.53
17. **Рахманов Р. П.** Взаимосвязь карьерных и ценностных ориентаций у студентов различных направлений подготовки // *Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева (12–13 мая 2022 г.)*. М.: МГППУ, 2022. С. 368–371.
18. **Тихоньких В. Е.** Взаимосвязь карьерных ориентаций с направленностью личности у студентов // *Инновационные научные исследования в современном мире: материалы VII Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ (15 февраля 2022 г.)*. Уфа: Вестник науки, 2022. С. 35–43.
19. **Яценко Е. Ф., Кожевникова А. А.** Жизненные ценности, карьерные ориентации и субъективное благополучие студентов транспортного вуза // *IV Бетанкуровский международный инженерный форум (30 ноября – 02 декабря 2022 г.)*. СПб.: ФГБОУ ВО ПГУПС, 2022. С. 416–418. 1 CD-ROM.
20. **Polyakova O. B., Petrova E. A., Mironova O. I.** Features of subjective well-being of leaders with professional deformations (burnout) // *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*. 2018. № 12. P. 958–965. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.117
21. **Sokolovskaya I. E.** Educational and professional motivation of students with various religious / I. E. Sokolovskaya et al. // *European Journal of Science and Theology*. 2020. № 16 (4). P. 169–180.

References

1. **Bonkalo T. I., Polyakova O. B.** Problemy` professional`noj podgotovki budushhix rabotnikov v usloviyax onlajn-obucheniya: opy`t pandemii COVID-19 [Problems of professional training of future employees in the context of online learning: the experience of the COVID-19 pandemic]. М.: НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы`. 2022. 152 p.
2. **Bukova Ya. S., Chiker V. A.** Kar`ernyye`e orientacii studentov rossijskix VUZov [Care orientations of students of Russian universities] // *Mir pedagogiki i psixologii [World of Pedagogy and Psychology]*. 2022. № 12 (77). P. 49–60.

3. **Veretennikova V. B.** Kar'erny'e orientacii studentov — budushhix pedagogov doshkol'ny'x obrazovatel'ny'x organizacij [Career orientations of students — future teachers of preschool educational organizations] // Nauchno-metodicheskij e'lektronny'j zhurnal «Koncept» [Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"]. 2023. № 1. P. 36–47. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11003
4. **Vereshhagin K. N.** Osobennosti kar'erny'x orientacij studentov [Features of career orientations of students] // Integraciya psixologo-pedagogicheskix nauk i aktual'ny'x obrazovatel'ny'x praktik: materialy' V Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj očnoj konferencii (21 aprelya 2022 g.) [Integration of psychological and pedagogical sciences and actual educational practices: materials of the V International student scientific and practical full-time conference (April 21, 2022)]. Kirov: Mezhhregional'ny'j centr innovacionny'x texnologij v obrazovanii, 2022. P. 49–55.
5. **Dejnega N. V.** Vzaimosvyaz' faktorov stressa i kar'erny'x orientacij studentov [Relationship between stress factors and career orientations of students] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psixologicheskie nauki [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences]. 2021. № 3. P. 116–128. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-116-128
6. **Eliseeva A. P., Golovina S. G., Anzhiganova O. R.** Sravnitel'ny'j analiz kar'erny'x orientacij studentov, obuchayushhixsya na razny'x urovnjax podgotovki [Comparative analysis of career orientations of students studying at different levels of training] // Ucheny'e zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta [Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta]. 2022. № 9 (211). P. 535–537. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p535-538
7. **Zadorozhnikova E. B., Pankratova E. V.** Obrazovatel'noe prostranstvo VUZa kak faktor formirovaniya kar'erny'x orientacij studentov (na primere IVGU) [Educational space of the university as a factor in the formation of career orientations of students (on the example of IVGU)] // Sovremennyye naukoemkie texnologii. Regional'noe prilozhenie [Modern High Technologies. Regional Application]. 2022. № 3 (71). P. 18–26. DOI: 10.6060/snt.20227103.0002
8. **Kotova O. V.** Razvitie lichnostnogo potenciala studentov s uchedom osobennostej motivacionnoj sfery' [The development of the personal potential of students, taking into account the peculiarities of the motivational sphere] // Psixologiya lichnostnogo i professional'nogo razvitiya cheloveka: materialy' Sed'moj konferencii psixologov obrazovaniya Sibiri. Irkutsk, 20–21 iyunya 2022 g. [Psychology of personal and professional development of a person: materials of the Seventh Conference of Psychologists of Education in Siberia. Irkutsk, June 20–21, 2022]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2022. P. 342–345. 1 CD-ROM.
9. **Lesin A. M.** Vzaimosvyaz' cennostej i kar'erny'x orientacij studentov gumanitarny'x napravlenij podgotovki [The relationship of values and career orientations of students of humanitarian areas of training] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika [Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2021. Vol. 31. № 2. P. 170–178. DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-2-170-178
10. **Malenova A. Yu., Malenov A. A., Trushichkina Yu. A.** Uroven' sub'ektivnogo blagopoluchiya i kar'erny'e orientacii nerabotayushhix i rabotayushhix studentov [The level of subjective well-being and career orientations of non-working and working students] // Anan'evskie chteniya – 2022. 60 let social'noj psixologii v SPbGU: ot istokov — k novy'm dostizheniyam i innovacijam: materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (18–21 oktyabrya 2022 g.) [Ananiev Readings – 2022. 60 years of social psychology at St. Petersburg State University: from the origins to new achievements and innovation: Proceedings of the international scientific conference (October 18–21, 2022)]. SPb.: Skifiya-print, 2022. P. 69–70.
11. **Malyutina A. K.** Osobennosti kar'erny'x orientacij studentov na zavershayushhem e'tape obucheniya [Peculiarities of career orientations of students at the final stage of education] // Psixologiya i pedagogika v Kry'mu: puti razvitiya [Psychology and Pedagogy in Crimea: Ways of Development]. 2022. № 3. P. 96–113.
12. **Merezchnikov A. P.** Osobennosti napravlenosti lichnosti, smy'slozhnennyy'x orientacij i ix vzaimosvyazej u yunoshej i devushek pervogo goda obucheniya v vuze [Peculiarities of personality orientation, life-meaning orientations and their relationships among boys and girls of the first year of study at a university] // Ucheny'e zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta [Uchenye Zapiski Universiteta imeni P. F. Lesgafta]. 2017. № 12 (154). P. 341–344.
13. **Morozova A. S., Najdenova E. V.** Issledovanie izmenenij kar'erny'x orientacij u studentov psixologicheskogo napravleniya [Study of changes in career orientations among students of the psychological direction] // Severo-Kavkazskij psixologicheskij vestnik [North Caucasian Psychological Bulletin]. 2022. Vol. 20. № 2. P. 15–27. DOI: 10.21702/ncpb.2022.2.2.2
14. **Nikitenko E. V.** Kar'erny'e orientacii v strukture professional'noj podgotovki studentov [Career orientations in the structure of professional training of students] // NovaUm.Ru. 2022. № 37. P. 205–208. URL: <http://novaum.ru/public/p2431> (date of access: 22.03.2023).

15. **Polyakova O. B., Bonkalo T. I.** Specifica fiziologicheskogo stressa naseleniya, naxodyashhegosya v samoizolyacii iz-za pandemii COVID-19 [The specifics of the physiological stress of the population in self-isolation due to the COVID-19 pandemic] // *Zdravooxranenie Rossijskoj Federacii* [Healthcare of the Russian Federation]. 2021. Vol. 65. № 5. P. 432–439. DOI: 10.47470/0044-197X-2021-65-5-432-439.
16. **Proxorov P. V.** Kar`erny`e orientacii i motivaciya k trudu studentov instituta fizicheskoj kul`tury` [Career orientations and motivation for work of students of the Institute of Physical Culture] // *Aktual`ny`e voprosy` sportivnoj psixologii i pedagogiki* [Actual issues of sports psychology and pedagogy]. 2022. Vol. 2. № 4. P. 32–37. DOI: 10.15826/spp.2022.4.53.
17. **Raxmanov R. P.** Vzaimosvyaz` kar`erny`x i cennostny`x orientacij u studentov razlichny`x napravlenij podgotovki [The relationship of career and value orientations among students of various areas of training] // *Social`naya psixologiya: voprosy` teorii i praktiki: materialy` VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamyati M.Yu. Kondrat`eva (12–13 maya 2022 g.)* [Social psychology: theory and practice: materials of the VII International scientific and practical conference in memory of M.Yu. Kondratiev (May 12–13, 2022)]. M.: MGPPU, 2022. P. 368–371.
18. **Tixon`kix V. E.** Vzaimosvyaz` kar`erny`x orientacij s napravlennost`yu lichnosti u studentov [The relationship of career orientations with the orientation of personality among students] // *Innovacionny`e nauchny`e issledovaniya v sovremennom mire: materialy` VII Vserossijskogo konkursa nauchno-issledovatel`skix rabot (15 fevralya 2022 g.)* [Innovative scientific research in the modern world: materials of the VII All-Russian competition of research works (February 15, 2022)]. Ufa: Vestnik nauki, 2022. P. 35–43.
19. **Yashhenko E. F., Kozhevnikova A. A.** Zhiznenny`e cennosti, kar`erny`e orientacii i sub`ektivnoe blagopoluchie studentov transportnogo VUZa [Life values, career orientations and subjective well-being of students of a transport university] // *IV Betankurovskij mezhdunarodny`j inzhenerny`j forum (30 noyabrya – 02 dekabrya 2022 g.)* [IV Betancourt International Engineering Forum (November 30 – December 02, 2022)]. SPb.: FGBOU VO PGUPS, 2022. P. 416–418. 1 CD-ROM.
20. **Polyakova O. B., Petrova E. A., Mironova O. I.** Features of subjective well-being of leaders with professional deformations (burnout) // *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*. 2018. № 12. P. 958–965. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.117
21. **Sokolovskaya I. E.** Educational and professional motivation of students with various religious / I. E. Sokolovskaya et al. // *European Journal of Science and Theology*. 2020. № 16 (4). P. 169–180.

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.05

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЗНОЙ РЕАКЦИИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК

А. В. Козлов,
РОСБИОТЕХ, Москва,
19880588@bk.ru,

М. А. Козлова,
РОСБИОТЕХ, Москва,
7012946@bk.ru

В статье рассматриваются результаты внедрения инновационного подхода на основе использования мышечного тестирования в качестве дополнения к традиционным диагностическим методикам. Описаны методические рекомендации для дальнейшего применения мышечного теста в практической работе педагогов-психологов и психологов-диагностов.

В исследовании приняли участие 536 студентов, прошедших диагностику по методике самооценки психических состояний (Г. Айзенка) и опроснику суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой. Из них было отобрано 84 респондента в возрасте от 16 до 20 лет, у которых было выявлено превышение показателей по шкалам негативных психических состояний и обнаружена психоэмоциональная нестабильность. Эти респонденты были поделены на две равные по численности группы. Студенты, вошедшие в экспериментальную группу, дополнительно прошли мышечное тестирование, которое позволило выявить наиболее проблемные в психологическом плане вопросы, что послужило поводом для более тщательной и глубокой проработки данных вопросов на консультационных встречах.

Результаты исследования показали, что после прохождения консультирования в экспериментальной группе, где стандартная диагностика дополнялась мышечным тестированием, была выявлена выраженная положительная динамика показателей психического состояния респондентов, а также снижение суицидального риска, тогда как в контрольной группе положительная динамика этих же показателей была менее выражена. Это дает основание говорить о повышении надежности применяемых психодиагностических методик посредством их дополнения мышечным тестированием. Таким образом, стандартная диагностика, дополненная мышечным тестированием, благотворно влияет на качество психодиагностики с целью оказания квалифицированной психологической помощи и способствует большей результативности психологического консультирования. Очевидно, необходимо продолжать изучение мышечного тестирования как диагностического инструмента для практического внедрения в деятельность специалистов.

Ключевые слова: надежность психодиагностики; позная реакция; мышечный тест; студенты; тревожность; психологическое консультирование; психическое состояние; суицидальный риск.

Для цитаты: Козлов А. В., Козлова М. А. Возможности использования позной реакции для повышения надежности психодиагностических методик // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 56–64. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.05

Козлов Алексей Владимирович, преподаватель, Международный технологический колледж Российского биотехнологического университета, Москва.

E-mail: 19880588@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6347-7007

Козлова Мария Александровна, кандидат педагогических наук, педагог-психолог, Международный технологический колледж Российского биотехнологического университета, Москва.

E-mail: 7012946@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4138-0903

UDC 159.9.072.43

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.05

THE POSSIBILITY OF USING A POSTURAL REACTION TO INCREASE THE RELIABILITY OF PSYCHODIAGNOSTIC TECHNIQUES

A. V. Kozlov,

ROSBIOTECH University, Moscow,
19880588@bk.ru,

M. A. Kozlova,

ROSBIOTECH University, Moscow,
7012946@bk.ru

The article discusses the results of the introduction of an innovative approach based on the use of muscle testing as a supplement to traditional diagnostic techniques. Methodological recommendations for further use of the muscle test in the practical work of teachers-psychologists and psychologists-diagnosticians are described.

The study involved 536 students who were diagnosed using the method of self-assessment of mental states (G. Aizenk) and the questionnaire of suicide risk modified by T. N. Razuvaeva. 84 respondents, aged from 16 to 20 years old, who had an excess of indicators on the scales of negative mental states and psychoemotional instability were selected of these. These respondents were divided into two equal-sized groups. The students who entered the experimental group additionally underwent muscle testing, which made it possible to identify the most problematic issues in psychological terms, which gave rise to a more thorough and in-depth study of these issues at consultation meetings.

The results of the study showed that after undergoing counseling in the experimental group, where the standard diagnosis was supplemented by muscle testing, there was a pronounced positive dynamics of the respondents' mental state indicators, as well as a decrease in suicide risk, whereas in the control group the positive dynamics of the same indicators was less pronounced. This gives reason to speak about increasing the reliability of the psychodiagnostic techniques used by supplementing them with muscle testing. Thus, standard diagnostics, supplemented by muscle testing, has a beneficial effect on the quality of psychodiagnostics in order to provide qualified psychological assistance and contributes to greater effectiveness of psychological counseling. It seems necessary to continue studying muscle testing as a diagnostic tool for practical implementation in the activities of specialists.

Keywords: reliability of psychodiagnostics; postural reaction; muscle test; students; anxiety; psychological counseling; mental state; suicidal risk.

For citation: Kozlov A. V., Kozlova M. A. The possibility of using a postural reaction to increase the reliability of psychodiagnostic techniques // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 56–64. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.05

Kozlov Alexey Vladimirovich, Lecturer, International Technological College of the Russian Biotechnological University, Moscow, Russia.

E-mail: 19880588@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6347-7007

Kozlova Maria Aleksandrovna, PhD in Pedagogical Sciences, Educational Psychologist, International Technological College of the Russian Biotechnological University, Moscow, Russia.

E-mail: 7012946@bk.ru

ORCID: 0000-0003-4138-0903

Введение

В настоящее время ряд авторов поднимает на рассмотрение вопрос присутствия «системного кризиса отечественной психодиагностики» [3: с. 4]. Среди основных проблем выделяется недостаточное количество профессиональных разработчиков психодиагностического инструментария, вызванное практически полным отсутствием психодиагностических школ [2]. При этом диагностика является основой для профилактики негативных психоэмоциональных проявлений в процессе проведения психологического консультирования [9]. Надежность психодиагностических методик во многом определяет успешность психологической помощи, оказываемой клиенту в ходе консультативной практики. Учитывая проблемные стороны современной психодиагностики, следует обратить внимание на возможность внедрения инновационного подхода на основе использования мышечного тестирования в качестве дополнения к традиционным диагностическим методикам.

В литературе достаточно широко освещен вопрос объективной оценки мышечной реакции и использования мышечного тестирования в прикладной кинезиологии [10; 11]. Однако, несмотря на существование ряда исследований, посвященных изучению мышечной и позной реакций [12; 14], проблема проведения психодиагностических исследований с использованием мышечного тестирования мало изучена. При этом проблема надежности и валидности психодиагностического тестирования является одной из наиболее актуальных в современной психометрии [7: с. 68]. С учетом этого цель настоящей работы заключается в исследовании возможного повышения надежности психодиагностических процедур и связанной с этим психокоррекционной работы при помощи оценки позных реакций путем проведения мышечного тестирования.

Рядом исследований подтверждается изменение силы мышечной реакции в зависимости от правдивости ответа на поставленный вопрос. В работе Д. Монти и соавторов показано, что при правдивом ответе респондентов на вопрос мышца остается в среднем

на 17 % сильнее и сохраняет свою силу в течение более длительного времени [13].

Согласно теории З. Фрейда, телесные реакции являются отражением психических процессов, протекающих на уровне подсознания. Фрейд один из первых пытался доказать, что деятельность сознания основана на бессознательном, а в глубинной структуре личности сосуществуют бессознательные биологические импульсы, нормы общественной морали и рациональное Я [8: с. 6]. Бессознательное начало представлено практически во всех психических процессах, свойствах и состояниях человека [4: с. 115]. От того, насколько согласованно происходит взаимодействие всех личностных структур, зависит уровень осознания человеком мотивов своего поведения, что оказывает влияние на его психическое состояние.

Проведение мышечного тестирования в ходе психодиагностического исследования способно дать объективную информацию об уровне эмоциональной значимости того или иного вопроса для респондента независимо от степени осознанности проблематики вопроса, что в дальнейшем может способствовать более качественной работе с клиентом в процессе психологического консультирования.

Методы исследования

В проведенном эксперименте были использованы стандартизированные диагностические методики: тест самооценки психических состояний (Г. Айзенка) [1: с. 211–214] и опросник суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой [5: с. 30–33]. Данные методики хорошо дополняют друг друга и используются в качестве базовых психодиагностических инструментов в образовательных учреждениях. Необходимо отметить существование прямой зависимости между повышенной тревожностью и склонностью к суицидальному поведению. Так, в исследовании А. А. Романенко и соавторов утверждается, что «суицидальная реакция у тревожных подростков ярко не выражена, однако под воздействием какого-либо сильно действующего

раздражителя (депрессия, психологическая травма) могут возникнуть суицидальные мысли» [6: с. 64].

В общей сложности в исследовании приняли участие 536 студентов Международного технологического колледжа Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ). Из них было отобрано 84 респондента в возрасте от 16 до 20 лет, у которых было выявлено превышение показателей по шкалам негативных психических состояний и обнаружена психоэмоциональная нестабильность. Эти респонденты были разделены на две группы — контрольную (42 респондента) и экспериментальную (42 респондента) — и получили необходимую психологическую помощь в формате очных консультаций. Со студентами обеих групп было проведено по две консультационные беседы, длительностью от одного до полутора часов, направленные на снятие симптомов тревожности и нормализацию психического состояния. При этом в экспериментальной группе студенты дополнительно прошли мышечное тестирование, суть которого заключалась в повторном прохождении психодиагностических методик и фиксации мышечной реакции респондентов при положительном либо отрицательном ответе на поставленные вопросы. В дальнейшем результаты мышечного тестирования позволили выявить отличия в позной реакции показателей ответов на вопросы. Любая разница в ответах, особенно увеличение частоты сердечных сокращений (ЧСС) по сравнению с показателем покоя на пять и более единиц, служила поводом для более тщательной и глубокой проработки данных вопросов на консультационной встрече.

Мышечный тест проводился по принципу маятника. Испытуемый получал инструкцию относительно правил проведения психодиагностического исследования и вставал в исходное положение «стоя, руки расслаблены вдоль туловища, спина прямая, ноги на ширине плеч, чуть согнуты в коленях». Над ним наклеивалась стрелка, помогающая определить незначительные отклонения (колебания) тела вперед или назад относительно оси. Необходимо было добиться максимального расслабления испытуемого, убедив его давать правдивые ответы для понимания им собственного

тела и истинной причины негативного психического состояния. Вопросы задавались психологом в устной форме. После того как вопрос был задан, психолог-диагност внимательно смотрел за отклонением тела (покачиванием) вперед-назад. Наклон тела вперед означал утвердительный ответ респондента («да»), наклон тела назад означал отрицательный ответ («нет»).

В процессе исследования были утверждены следующие рекомендации:

1) испытуемого необходимо мягко ввести в состояние резонанса с собственным телом и выводить из него, попросив сделать несколько глубоких дыхательных циклов (вдохов и выдохов);

2) свет должен быть приглушенным или неярким, так как во время диагностики глаза у испытуемого должны быть закрыты. Помещение должно быть изолированным, без посторонних звуков и вибраций;

3) обувь во время диагностики необходимо снять, так как психолог-диагност ориентируется по отрыву от пола пяток при наклоне вперед или отрыву кончиков пальцев ног при наклоне назад;

4) после озвученного вопроса необходимо дать пять–десять секунд для мышечного ответа, обычно он виден быстрее, за одну–три секунды после заданного вопроса;

5) не стоит надолго затягивать паузу после явного мышечного ответа на вопрос, так как испытуемый может слишком наклониться вперед или назад и упасть. Во время полного расслабления чаще всего испытуемые практически не замечают наклона собственного тела;

6) вопросы необходимо сокращать и озвучивать от первого лица, но смысл должен строго сохраняться.

Оценка статистических различий между экспериментальной и контрольной группами проведена с использованием *U*-критерия Манна – Уитни для независимых выборок. Оценка статистических различий между результатами участников в каждой группе до и после прохождения консультирования проведена с использованием *T*-критерия Уилкоксона для связанных выборок.

Результаты исследования

Перед основной фазой исследования был проведен сравнительный анализ психодиагностических результатов по исследуемым показателям, полученным по методике диагностики самооценки психических состояний (Г. Айзенка) и опроснику суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой между контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группами. Достоверных различий по исследуемым показателям не выявлено.

По всем оцениваемым показателям («тревожность», «фрустрация», «агрессивность», «ригидность») полученные в результате эксперимента данные статистически достоверно ниже данных, полученных перед началом эксперимента при уровне значимости $p \leq 0,01$. Наиболее значимые различия получены по шкалам агрессивности и фрустрации (рис. 1). В то же время достоверного изменения этих показателей в контрольной группе не выявлено (рис. 2). Снижение выраженности тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности свидетельствует о нормализации психического состояния студентов экспериментальной группы.

Повышенный уровень личностной тревожности, сопряженный с повышенной фрустрацией может свидетельствовать о риске совершения суицида. Однако по результатам проведения одной методики нельзя сделать достоверных выводов о степени тяжести

негативного эмоционального состояния обследуемых. В ходе исследования также были изучены показатели суицидального риска, полученные по опроснику суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой. Данная методика использовалась с целью выявления предпосылок суицидального поведения среди учащихся, так как негативное психическое состояние может стать причиной попытки суицида. Динамика показателей по критериям суицидального риска в экспериментальной и контрольной группах представлена на рисунках 3 и 4 соответственно.

По всем оцениваемым факторам, кроме антисуицидального фактора, полученные в результате эксперимента данные статистически достоверно ниже данных, полученных перед началом эксперимента при уровне значимости $p \leq 0,01$. При этом наиболее значимые различия получены по шкалам «слом культурных барьеров» и «максимализм» (рис. 3). В то же время достоверного изменения этих показателей в контрольной группе не выявлено (см. рис. 4). Снижение выраженности факторов риска суицида среди студентов экспериментальной группы, сопряженное с ростом антисуицидального фактора, говорит об осознании степени ответственности за собственную жизнь и нормализации психического состояния ввиду проработки проблемной ситуации в процессе консультативной работы. При этом значительное улучшение

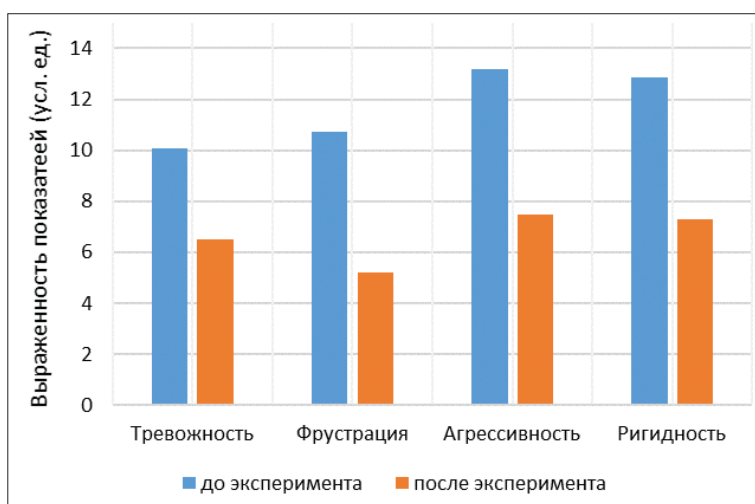

Рис. 1. Динамика показателей экспериментальной группы (ЭГ) по методике диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка

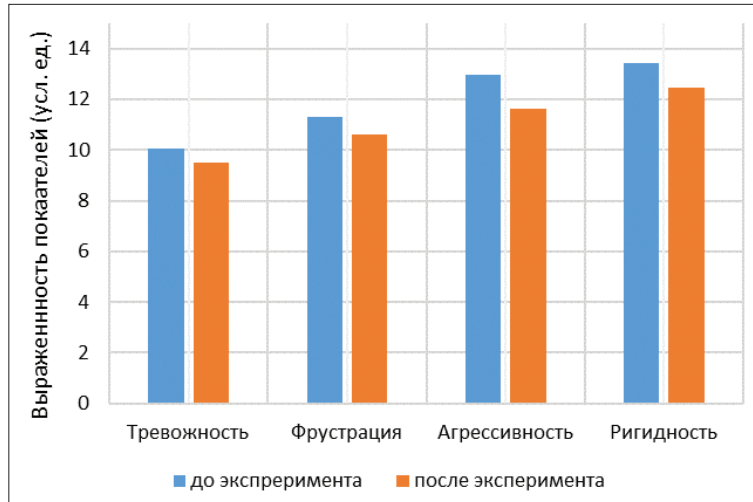

Рис. 2. Динамика показателей контрольной группы (КГ) по методике диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка

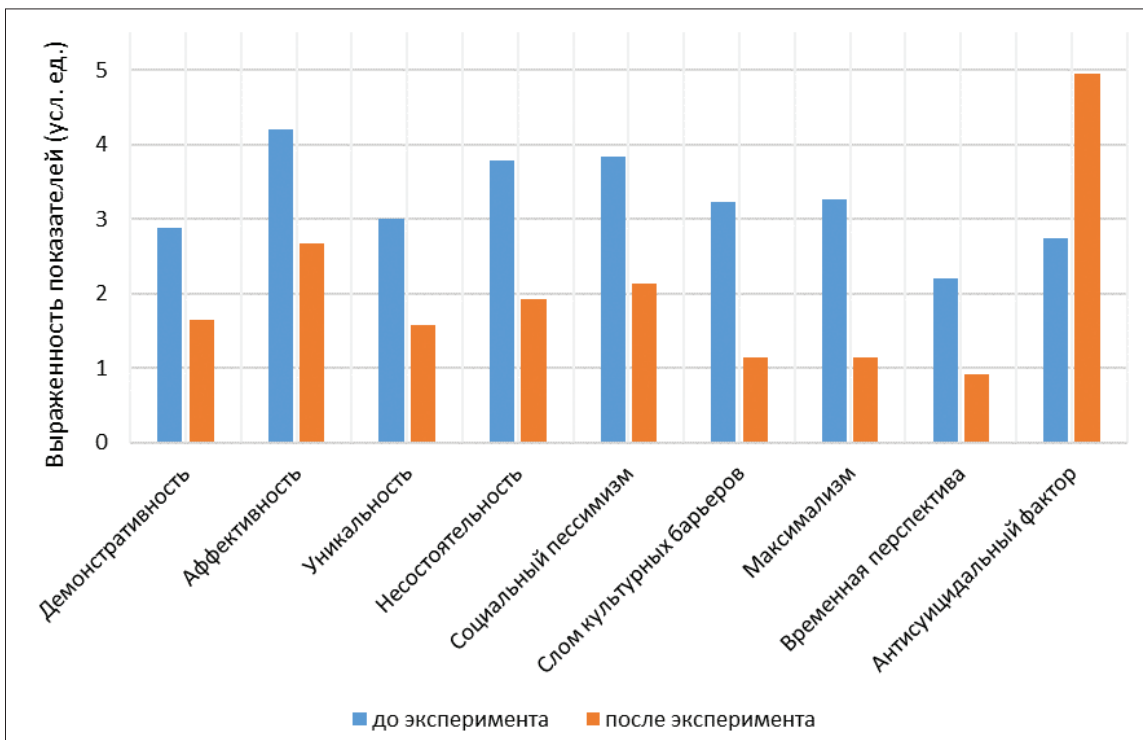

Рис. 3. Динамика показателей экспериментальной группы (ЭГ) по опроснику суицидального риска Т. Н. Разуваевой

показателей в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой свидетельствует в пользу повышения надежности применяемых психодиагностических методик при использовании их совместно с мышечным тестированием, что является фактором

повышения эффективности психокоррекционной работы с учащимися.

Из практических наблюдений проведения психокоррекционной работы можно отметить, что в негативном психическом состоянии молодым людям бывает сложно сформулировать

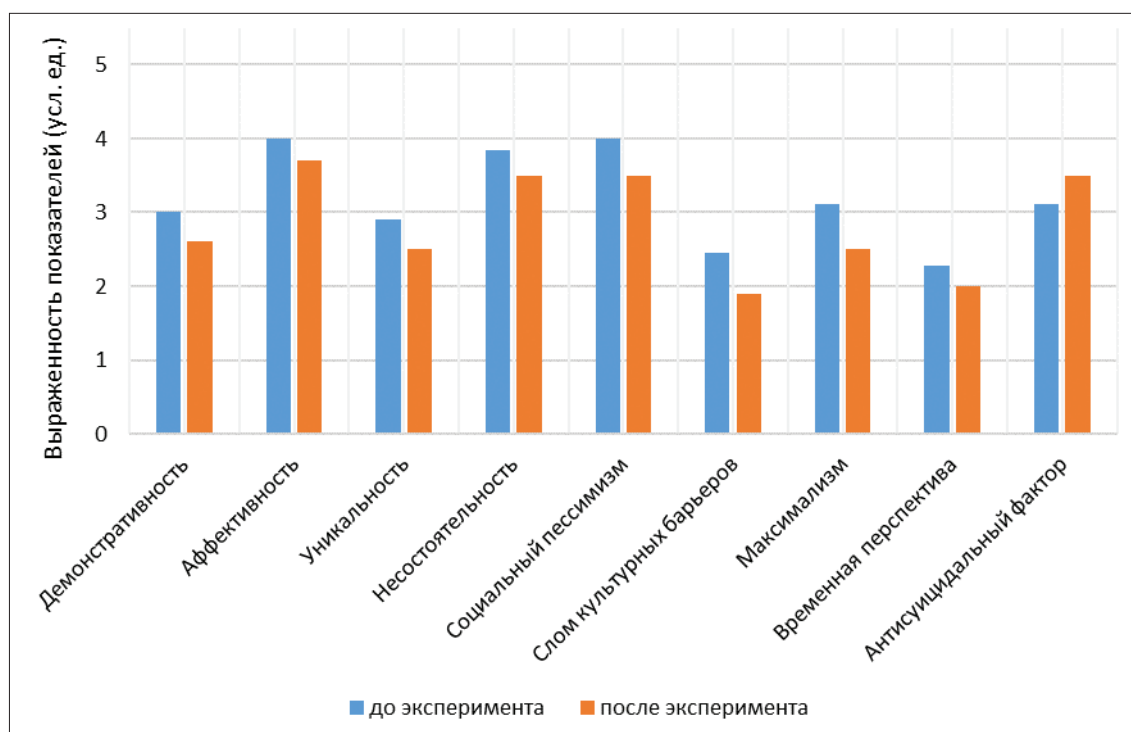

Рис. 4. Динамика показателей контрольной группы (КГ) по опроснику суицидального риска

запрос на консультацию. Самые простые вопросы о режиме сна и питания, предпочтениях в еде и т. д. зачастую порождают нагнетание негативного состояния ввиду невозможности определиться с ответом. Мышечный тест помогает ответить на многие вопросы, изучить себя и свои предпочтения через понимание собственных телесных реакций, их осознание и принятие.

В современных образовательных реалиях быстрое диагностирование проблемы является острой необходимостью, поскольку в зону ответственности одного педагога-психолога может входить большое количество обучающихся. Мышечное тестирование занимает дополнительно около двадцати минут, при этом не только сокращает время беседы без потери качества консультирования, но и заметно увеличивает ее результативность. Таким образом, мышечное тестирование является эффективным диагностическим инструментом в современных рабочих реалиях педагогов-психологов и диагностов.

Заключение

Результаты исследования показали, что после прохождения консультирования в экспериментальной группе, где стандартная диагностика дополнялась мышечным тестированием, была выявлена выраженная положительная динамика показателей психического состояния респондентов, а также снижение суицидального риска, тогда как в контрольной группе положительная динамика этих же показателей была менее выражена.

Исследование показало, что стандартизированная диагностика, дополненная мышечным тестированием, обладает большей надежностью и результативностью и способствует улучшению качества проведения психологической консультации. Более точная диагностика с применением мышечного тестирования при использовании позного ответа способствует улучшению качества проведения психологической консультации, положительно влияет на результаты консультирования, что выражается в нормализации психического состояния студентов. В этой

связи можно заключить, что применение мышечного тестирования увеличивает надежность психодиагностических процедур. В настоящее время целесообразно поставить вопрос об использовании мышечного тестирования с поздним ответом в психолого-педагогической и консультативной практике.

В научно-методической литературе довольно мало исследований, затрагивающих тематику мышечного тестирования с поздней реакцией. Очевидно, необходимо продолжать изучение мышечного тестирования как диагностического инструмента для практического внедрения в деятельность специалистов.

Литература

1. **Барканова О. В.** Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Вып. 2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
2. **Батурич Н. А.** Современная психодиагностика России // Психология. Психофизиология. 2008. № 32 (132). С. 4–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-psihodiagnostika-rossii> (дата обращения: 17.01.2023).
3. **Батурич Н. А.** Современная психодиагностика России: преодоление кризиса и решение новых проблем // Психология. Психофизиология. 2010. № 40 (216). С. 4–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-psihodiagnostika-rossii-preodolenie-krizisa-i-reshenie-novykh-problem> (дата обращения: 17.01.2023).
4. **Немов Р. С.** Психология. Книга 1. Общие основы психологии: учебник. М.: Владос, 2013. 687 с.
5. Профилактика суицидального поведения в учебных заведениях. Методические рекомендации для педагогов и кураторов методические рекомендации / А. Н. Корнетов и др. Томск: Рекламная группа Графика, 2013. 56 с.
6. **Романенко А. А., Саенко Д. М., Разуваева Т. Н.** Тревожность как фактор возникновения суицидального риска у подростков // Коллекция гуманитарных исследований. 2018. № 2 (11). С. 59–64.
7. **Романова Е. С.** Психодиагностика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. 3-е изд., доп. М.: Кнорус, 2011. 336 с.
8. **Рыжов Б. Н.** Я-реальное, Я-идеальное и Я-скрытое // Системная психология и социология. 2020. № 2 (34). С. 5–20. DOI: 10.25688/2223 6872.2020.34.2.01
9. **Юдина Е. В.** Дифференциация подходов к диагностике в психологическом консультировании // Педагогика и психология образования. 2009. № 4. С. 35–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-podhodov-k-diagnostike-v-psihologicheskom-konsultirovanii> (дата обращения: 17.01.2023).
10. **Caruso W., Leisman G.** A Force/displacement analysis of muscle testing // Perceptual and Motor Skills. 2000. Vol. 91 (2). P. 683–692. DOI: 10.2466/PMS.91.6.683-692
11. **Caruso W., Leisman G.** The clinical utility of force/displacement analysis of muscle testing in applied kinesiology // International Journal of Neuroscience. 2001. Vol. 106 (3–4). P. 147–157. DOI: 10.3109/00207450109149745
12. **Hillermann B., Gomes A. N., Korporeal C., Jackson D.** A pilot study comparing the effects of spinal manipulative therapy with those of extra-spinal manipulative therapy on quadriceps muscle strength // Journal of Manipulative and Physiological Therapeutics. 2006. Vol. 29 (2). P. 145–149. DOI: 10.1016/j.jmpt.2005.12.003
13. **Monti D. A.** Muscle test comparisons of congruent and incongruent self-referential statements / D. A. Monti et al. // Perceptual and Motor Skills. 1999. Vol. 88 (3). P. 1019–1028. DOI: 10.2466/pms.1999.88.3.1019
14. **Schmitt W. H., Cuthbert S. C.** Common errors and clinical guidelines for manual muscle testing: “the arm test” and other inaccurate procedures // Chiropractic & Osteopathy. 2008. Vol. 16 (1). P. 16. DOI: 10.1186/1746-1340-16-16

References

1. **Barkanova O. V.** Metodiki diagnostiki e`mocional`noj sfery` : psixologicheskij praktikum [Methods for diagnosing the emotional sphere: a psychological workshop]. Vy`p. 2. Krasnoyarsk: Litera-print, 2009. 237 p.

2. **Baturin N. A.** Sovremennaya psixodiagnostika Rossii [Modern psychodiagnostics of Russia] // Psixologiya. Psixofiziologiya [Psychology. Psychophysiology]. 2008. № 32 (132). P. 4–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-psihodiagnostika-rossii> (date of access: 17.03.2023).
3. **Baturin N. A.** Sovremennaya psixodiagnostika Rossii: preodolenie krizisa i reshenie novy`x problem [Modern psychodiagnostics in Russia: overcoming the crisis and solving new problems] // Psixologiya. Psixofiziologiya [Psychology. Psychophysiology.]. 2010. № 40 (216). P. 4–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-psihodiagnostika-rossii-preodolenie-krizisa-i-reshenie-novyh-problem> (date of access: 17.03.2023).
4. **Nemov R. S.** Psixologiya. Kniga 1. Obshhie osnovy` psixologii: uchebnyy` [Psychology. Book 1. General foundations of psychology: a textbook]. M.: Vldos, 2013. 687 p.
5. Profilaktika suicidal`nogo povedeniya v uchebny`x zavedeniyax. Metodicheskie rekomendacii dlya pedagogov i kuratorov metodicheskie rekomendacii [Prevention of suicidal behavior in educational institutions. Methodical recommendations for teachers and curators methodical recommendations] / A. N. Kornetov et al. Tomsk: Reklamnaya gruppa Grafika, 2013. 56 p.
6. **Romanenko A. A., Saenko D. M., Razuvaeva T. N.** Trevozhnost` kak faktor vozniknoveniya suicidal`nogo riska u podrostkov [Anxiety as a factor in the occurrence of suicidal risk in adolescents] // Kolleksiya gumanitarny`x issledovaniy [Collection of humanitarian research]. 2018. №2 (11). P. 59–64.
7. **Romanova E. S.** Psixodiagnostika: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po napravleniyu i special`nostyam psixologii [Psychodiagnostics: textbook. manual for university students studying in the direction and specialties of psychology]. 3-e izd., dop. M.: Knorus, 2011. 336 p.
8. **Ry`zhov B. N.** Ya-real`noe, Ya-ideal`noe i Ya-skry`toe [Real-self, ideal-self and hidden-self] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2020. № 2 (34). P. 5–20. DOI: 10.25688/2223 6872.2020.34.2.01
9. **Yudina E. V.** Differenciatsiya podkhodov k diagnostike v psixologicheskom konsul`tirovanii [Yudina E. V. Differentiation of approaches to diagnostics in psychological counseling] // Pedagogika i psixologiya obrazovaniya [Pedagogy and Psychology of Education]. 2009. № 4. P. 35–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-podhodov-k-diagnostike-v-psihologicheskom-konsultirovanii> (date of access: 17.03.2023).
10. **Caruso W., Leisman G.** A Force/displacement analysis of muscle testing // Perceptual and Motor Skills. 2000. Vol. 91 (2). P. 683–692. DOI: 10.2466/PMS.91.6.683-692
11. **Caruso W., Leisman G.** The clinical utility of force/displacement analysis of muscle testing in applied kinesiology // International Journal of Neuroscience. 2001. Vol. 106 (3–4). P. 147–157. DOI: 10.3109/00207450109149745
12. **Hillermann B., Gomes A. N., Korporaal C., Jackson D.** A pilot study comparing the effects of spinal manipulative therapy with those of extra-spinal manipulative therapy on quadriceps muscle strength // Journal of Manipulative and Physiological Therapeutics. 2006. Vol. 29 (2). P. 145–149. DOI: 10.1016/j.jmpt.2005.12.003
13. **Monti D. A.** Muscle test comparisons of congruent and incongruent self-referential statements / D. A. Monti et al. // Perceptual and Motor Skills. 1999. Vol. 88 (3). P. 1019–1028. DOI: 10.2466/pms.1999.88.3.1019
14. **Schmitt W. H., Cuthbert S. C.** Common errors and clinical guidelines for manual muscle testing: “the arm test” and other inaccurate procedures // Chiropractic & Osteopathy. 2008. Vol. 16 (1). P. 16. DOI: 10.1186/1746-1340-16-16

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА С ДЕВИАНТНЫМИ ПОДРОСТКАМИ

М. В. Переверзева,
РГСУ, Москва,
melissasea@mail.ru

В современной России значительно возрастает число подростков с девиантным поведением, проявляющимся в асоциальных, конфликтных и агрессивных поступках, в отсутствии каких-либо полезных интересов, в том числе к учебной деятельности. В этой связи целью исследования стало системное изучение содержания и методики социально-педагогической работы с подростками с девиантным поведением. В последние годы социально-педагогическая работа ведется с учетом успешной отечественной и зарубежной практики на основе традиционных и инновационных методов, наиболее эффективные из которых рассматриваются в статье.

Методологической основой настоящей работы послужили исследования специфики, причин и факторов возникновения девиантного поведения, социально- и психолого-педагогических подходов к профилактике отклонений. В качестве методов исследования использованы системный анализ, обобщение научно-методической, социально-психологической и педагогической литературы, моделирование процесса работы с трудными детьми, психолого-педагогическое наблюдение, посещение консультаций и занятий с подростками в социальном центре.

Специалисты выделяют четыре основных направления работы с девиантными подростками: оказание медицинской помощи; лечение и уход; социальная адаптация подростков; психологическая, педагогическая и воспитательная работа. Благодаря параллельной воспитательно-педагогической работе психокоррекция и социальная реабилитация повышают свою эффективность. В последние годы система социальной работы расширяла свой потенциал в направлении альтернативных путей, инновационных методов, междисциплинарных подходов в научном и профессиональном плане. Среди педагогических технологий получили распространение развивающие, проблемные и игровые, которые объединяет принцип решения подростками проблемных задач в определенных ситуационных, ролевых, организационных условиях с целью самопознания, самоанализа и самооценки.

Таким образом, в современной психологии и педагогике наблюдается тенденция возрождения лучших традиций советского периода, включая формы и методы социальной работы. К таковым можно отнести создание и функционирование советов по профилактике системных нарушений норм поведения подростками, включая учебную дисциплину, злоупотребление табаком и алкоголем, раннюю половую жизнь, асоциальные и антисоциальные действия.

Ключевые слова: девиантное поведение; подростки; социально-психологическая работа; педагогические методы; воспитание; профилактика.

Для цитаты: Переверзева М. В. Психолого-педагогическая работа с девиантными подростками // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 65–76. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.06

Переверзева Марина Викторовна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры искусства и народного творчества Российского государственного социального университета, Москва.

E-mail: *melissasea@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-4992-2738

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL WORK
WITH DEVIANT ADOLESCENTS**

M. V. Pereverzeva,
RSSU, Moscow,
melissasea@mail.ru

In modern Russia, the number of adolescents with deviant behavior, manifested in antisocial, conflict and aggressive behavior, and the absence of any useful interests, including educational activities, is significantly increasing. In this regard, the aim of the research paper was a systematic study of the content and methodology of socio-pedagogical work with adolescents with deviant behavior. In recent years, socio-pedagogical work has been carried out taking into account successful domestic and foreign practice on the basis of traditional and innovative methods, the most effective of which are considered in the article.

The methodological basis of this work was the study of the specifics, causes and factors of deviant behavior, socio- and psychological-pedagogical approaches to the prevention of deviations. The following research methods were used: system analysis, generalization of scientific and methodological, socio-psychological and pedagogical literature, process of working with problem children modeling, psychological and pedagogical supervision, consulting adolescents in a social center.

There are four main areas of work with deviant adolescents: medical care, treatment and care, social adaptation of adolescents, psychological, pedagogical and educational work. Thanks to parallel educational and pedagogical work, psycho-correction and social rehabilitation increase their effectiveness. In recent years, the social work system has expanded its potential in the direction of alternative ways, innovative methods, interdisciplinary approaches in scientific and professional terms. Educational, problem and game technologies have become widespread among pedagogical technologies, which are united by the principle of solving problematic tasks by adolescents in certain situational, role-playing, organizational conditions for the purpose of self-knowledge, introspection and self-assessment.

Thus, there is a tendency in modern psychology and pedagogy to revive the best traditions of the Soviet period, including forms and methods of social work. They include the creation and functioning of councils for the prevention of systemic violations of behavior norms by adolescents, including academic discipline, tobacco and alcohol abuse, early sexual life, asocial and antisocial actions.

Keywords: deviant behavior; adolescents; socio-psychological work; pedagogical methods; education; prevention.

For citation: Pereverzeva M. V. Psychological and pedagogical work with deviant adolescents // Systemic psychology and sociology. 2023. № 1 (45). P. 65–76. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.06

Pereverzeva Marina Viktorovna, Doctor of Arts, Associate Professor, Professor of the Department of Art and Folk Art, Russian State Social University, Moscow, Russia.

E-mail: *melissasea@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-4992-2738

Введение

Понятие девиантного поведения всесторонне рассмотрено в научно-психологической и социологической литературе. Девиантное поведение выражается в действиях человека, нарушающего рамки официально принятых правил (например,

совершает преступление) и социальных норм (когда отвергаются устои, традиции и морально-нравственные принципы общества). Девиантное поведение также называют отклоняющимся, поскольку действия личности свидетельствуют о несоответствии приемлемым и допустимым в обществе, приводят к негативным последствиям (ссорам, конфликтам,

нанесению вреда здоровью, нарушению закона и т. д.) [5; 7]. Существует два основных типа девиантного поведения, или девиации:

1) деяния, преступные по своему характеру (действия и преступления, противоречащие естественным, моральным и общественным законам);

2) деяния, являющиеся преступными в силу принятых законов (проступки, не противоречащие естественному праву) [16].

Состояние современного российского общества характеризуется ростом случаев девиантного поведения в подростковой среде. В настоящее время проблеме профилактики и коррекции девиантного поведения посвящено значительное количество исследований. В этой связи целью исследования стало системное изучение содержания и методики социально-педагогической работы с подростками с девиантным поведением. В последние годы социально-педагогическая работа ведется с учетом успешной отечественной и зарубежной практики на основе традиционных и инновационных методов, наиболее эффективные из которых рассматриваются в статье.

Теории девиантного поведения личности

Все виды девиантного поведения делят на позитивные (преодолевающие консерватизм общества, приносящие пользу людям и выступающие средством развития системы) и негативные (проявляющие социальные патологии и наносящие вред членам общества). К позитивным видам относятся геройство, альтруизм, самопожертвование, аскетизм, научное, техническое и художественное творчество. К негативным формам девиантного поведения относятся предательство, ложь, преступность, причинение вреда другим (агрессивные, насильственные и противоправные действия), алкоголизм, наркомания, игромания, неприличное поведение, проституция и самоубийство.

Девиация с точки зрения социологии может иметь формальный и неформальный характер. Первый относит поступки девианта к категории преступлений, классифицируемых

как нарушения законов на государственном уровне; неформальный характер девиация носит при нарушении устоявшихся правил, норм, традиций на социально-бытовом уровне. Нравы общества со временем становятся нормами, имеющими большое значение для развития общества. Неформальное отклонение часто связано с нарушением табу — строгого запрета на совершение какого-либо действия [10].

В социологии получили распространение три теоретические концепции, описывающие девиантное поведение, включая структурный функционализм, символическое взаимодействие и теорию конфликтов [4]. Структурный функционализм рассматривает различные факторы в обществе, которые во взаимодействии формируют основу для девиантного поведения: нарушения общепринятых норм ведут к публичному осуждению и наказанию, поскольку абсолютное большинство придерживается моральных норм и правил, которые, в свою очередь, порождают отклонения, заставляющие совершать преступления. Представитель структурного функционализма Эмиль Дюркгейм считал, что ослабление следованию нормам морали в обществе приводит к развитию духовно-нравственного кризиса и дезорганизации общественных отношений [8: с. 241]. В развитии общества ученый выделял две тенденции — интеграцию и регулирование, — и социальное отклонение, которое по мнению Дюркгейма, является противодействием социальной интеграции и социального регулирования. Исследуя самоубийство в качестве одной из форм социального отклонения, автор полагал, что частота самоубийств обратно пропорциональна «степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид»¹.

Дж. Дуглас дифференцирует несколько видов девиаций по степени близости личности в своей деятельности социальным целям и средствам их достижения: инновационную, конформистскую, ритуальную, отступническую и повстанческую². Первые два вида

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: пер. с фр. М.: Мысль, 1994. С. 156.

² Мельников А. С. Проблемы девиантного поведения и морали в экзистенциальной социологии Джека Дугласа // Вісник Харківського на-

не носят асоциального характера, тогда как ритуальная девиация означает неспособность достичь социальной цели из-за соблюдения правил до такой степени, что люди упускают из виду свои более крупные цели, чтобы чувствовать уважение к себе. Лица, подверженные ритуальной девиации поведения, отвергают цели общества, но принимают средства их достижения, чаще всего выполняют рутинную работу, на которой они не в состоянии достичь социальных идеалов, но очень строго соблюдают нормы и стандарты общества.

Отступничество, по Дугласу, — это отказ как от целей, так и средств их достижения, позволяющий человеку бросить учебу или работу. Отступники отвергают цели общества и законные средства их достижения. Р. К. Мертон рассматривает их как истинных девиантов, так как они отклоняются от норм поведения для достижения целей, не согласующихся с социальными. Восстание схоже с отступничеством, потому что такие личности отвергают как цели, так и средства в пользу контркультуры, которая устанавливает другие социальные нормы и порядки на основе нарушения правил. Повстанцы отвергают цели общества и средства для их достижения и взамен создают новые цели и средства, которые остальное общество сочтет неприемлемым. Наиболее характерной формой отклоняющегося поведения школьника в подростковом возрасте, согласно типологии Р. К. Мертона, является ретритизм, проявляющийся в отказе от соблюдения правил поведения обучающегося [10: с. 301].

В соответствии с теорией символического взаимодействия реальность предстает в разных формах социального сотрудничества. В этой связи можно говорить о существовании трех реальностей: объективной, социальной и индивидуально-личностной. Последняя реальность возникает из социальной как интерпретация форм взаимодействия. Поведение, таким образом, определяется не общественными нравами или инстинктами, а характером восприятия объективной и социальной реальности.

Представителем теории символического взаимодействия был Герберт Блумер³, изложивший основные предпосылки возникновения девиантного поведения. Согласно этой теории, отношение личности к социальному явлению или процессу формируется на основе представлений, складывающихся в ходе взаимодействия человека и общества. Сложившиеся представления меняются в процессе субъективной интерпретации личностью тех явлений, с которыми она сталкивается. В соответствии с теорией конфликтов девиантное поведение связано со стремлением личности к получению максимальной выгоды и формируется, когда взгляды и представления личности не согласуются с установленными порядками в обществе.

Социально-педагогическая работа с девиантными подростками

Девиантное поведение, как правило, ярко проявляется в подростковом возрасте, так как в этот период происходит переход от детства к взрослости. В подростковый период складываются устойчивые формы поведения, черты личности, способы эмоционального реагирования, приобретаются новые социальные роли и позиции. Социальное влияние может играть наибольшую роль в формировании у подростков девиантного поведения, которые порой намеренно действуют против всех правил, выражая тем самым социальный протест и неприятие моральных норм и общественного порядка.

В связи с обострением базовых инстинктов все мысли и переживания подростка концентрируются вокруг его личности

³ Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение (Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. Berkeley, 1971. Vol. 18, n 3. P. 298–306) / пер. с англ. В. Г. Николаевой // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 2008. № 2. С. 118–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-02-022-blumer-g-sotsialnye-problemy-kak-kollektivnoe-povedenie-blumer-h-social-problems-as-collective-behavior-social-problems> (дата обращения: 23.01.2023).

ціонального університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». 2016. Випуск 36. С. 42–46.

и наибольшую ценность приобретают события и процессы, происходящие в его жизни. Отсюда большое внимание к внешности, способностям, интересам и потребностям. Очень неустойчив и изменчив эмоциональный фон подростков, и различные увлечения помогают им стабилизировать эмоции, испытать недостающие чувства и поделиться переполняющими душу переживаниями. В подростковый период человек превращается в эмоциональный маятник: счастливый и спокойный в один момент, он мгновенно может впасть в тревогу и беспокойство, а его уверенность и гордыня — смениться неверием в свои силы и возможности.

С точки зрения психоанализа подростки подавляют бессознательные побуждения, которые приводят к отвержению социальных норм и порядков. С другой стороны, девиантное поведение осваивается подростком в процессе наблюдения за поведением сверстников или членов молодежной субкультуры. В первую очередь это касается наркотических веществ, которые подростки начинают употреблять под влиянием своих сверстников, с которыми он тесно общается. Подросток строит свой взрослый мир, в котором далеко не все так, как ему представляется [6].

Наиболее распространенными формами девиантного поведения подростков являются табакокурение, пьянство и наркомания. Речь идет о регулярном и часто публичном распитии алкоголя и употреблении подростками запрещенных препаратов, свидетельствующих о зависимости, которая считается девиантным поведением. Алкоголизм, наркомания и токсикомания подростков часто сопровождается нежеланием учиться, тунеядством, приводами в полицию и постановкой на учет, воровством, хулиганством, жестокостью и повышенной агрессией, ранней и неразборчивой половой жизнью, нанесением вреда себе и окружающим. В социально-педагогической работе с девиантными подростками учитываются указанные выше возрастные психологические особенности тинейджеров [12].

В последние годы социально-педагогическая работа с девиантными подростками в России ведется на основе традиционных и инновационных методов с учетом успешной

отечественной и зарубежной практики социальной защиты, профилактики, коррекции и реабилитации [1; 2; 14]. Кроме того, создаются новые социальные услуги для детей с девиантным поведением, а также повышается уровень существующих услуг в соответствии с потребностями современного общества, совершенствованием национальных стратегий развития социальных услуг и общим повышением уровня жизни населения.

В целом все методы по форме взаимодействия с субъектами можно разделить на:

- индивидуальные беседы с психологом о сильных и слабых сторонах характера, достоинствах и недостатках, способах реагирования и моделях поведения в различных ситуациях;
- психологические тренинги, представляющие собой активные занятия, обучающие правильным моделям поведения в различных ситуациях;
- групповые занятия с подростками со сходной моделью поведения в форме дискуссии на актуальную для всех тему, в ходе которой психолог обучает социально приемлемым моделям поведения, способам общения и продуктивного взаимодействия с окружающими, приводя примеры из жизни и давая участникам практические задания;
- семейная терапия в форме беседы с подростком в кругу семьи, направленная на улучшение психологической атмосферы и налаживание отношений с близкими;
- арт-терапия в виде психодрамы, библиотерапии, куклотерапии и подобных индивидуальных и групповых видов психотерапии, основанных на проигрывании сложной ситуации и выработке правильной модели поведения и общения с людьми в различных ситуациях;
- культурно-просветительская и досугово-развлекательная деятельность в кружках, клубах, центрах, научных и творческих лабораториях, спортивных секциях.

Помимо психотерапии работа с девиантными подростками включает в себя педагогические подходы и технологии, и благодаря параллельной воспитательной работе психокоррекция и социальная реабилитация повышают свою эффективность. В последние годы система социальной работы расширяла

свой потенциал в направлении альтернативных путей, инновационных методов, междисциплинарных подходов в научном и профессиональном плане. Среди педагогических технологий получили распространение развивающие, проблемные и игровые, которые объединяет принцип решения подростками проблемных задач в определенных ситуационных, ролевых, организационных условиях с целью самопознания, самоанализа и самооценки. Привлекаются также методы психолого-педагогического наблюдения за процессом психокоррекции, социальной реабилитации, обучения и воспитания, психотерапевтического взаимодействия подростка и специалиста, а также оценки результатов комплексной работы. Анализ различных психологических механизмов профилактики девиантного поведения показывает, что основной упор профилактической работы в образовательных учреждениях необходимо делать на активизацию личностных ресурсов и субъектной ответственности подростков [13: с. 670].

Особую роль играет внешкольная воспитательная работа, когда подростки вовлекаются в учебно-творческую, арт-терапевтическую, социально-культурную, досугово-развлекательную и общественно-полезную деятельность в рамках работы центров социальной защиты, кружков, студий, секций, лабораторий, клубов и центров физической культуры, научного и художественного творчества, позволяющая устранить такие причины девиантного поведения, как недостаточность развития способностей подростка, изъяны семейного и школьного воспитания, невнимание к чертам личности и особенностям психики ребенка, благодаря личностно-ориентированному подходу и проблемно-творческим методам обучения и воспитания. Как отмечается в исследовании А. Р. Хасанова и А. Р. Габдрахманова, работа классного руководителя по предупреждению девиантного поведения школьников должна выстраиваться «по трем направлениям: информационно-просветительская, диагностическая, коррекционная работа с семьей» [9: с. 256]. В ряде образовательных учреждений применяются специальные обучающие программы, направленные

на развитие коммуникативных навыков и формирование социальной компетентности подростков [13: с. 668].

Специально для школьников с девиантным поведением и низким уровнем социальной адаптации открываются клубы и центры. Один из них — подростковый клуб «На волне», открытый в 2019 году при семейном центре «Диалог»⁴. Дети и подростки с девиантным поведением проходят в центре психолого-педагогическую коррекцию, арт-терапевтическую и социальную реабилитацию, участвуют в мастер-классах и специальных мероприятиях, получают информационную и консультационную поддержку, а также ознакомительные материалы (книги, справочники и т. д.). Клуб был учрежден при семейном центре специально для подростков 12–17 лет, чтобы они могли общаться друг с другом, находить единомышленников и родственные души, вместе играть, заниматься спортом и искусством, делиться своими радостями и новостями, поддерживать, советовать, помогать, и, главное, получить поддержку, понимание и помощь в преодолении разного рода проблем от наставников, юристов, психологов, педагогов, специалистов по социальной работе, общественных деятелей и личностей, служащих примером для подражания (известных спортсменов, актеров, режиссеров, писателей, политиков), которые дарят подросткам уверенность в завтрашнем дне. Клуб подростки могут посещать по своему желанию и бесплатно. Деятельность клуба и результаты работы находят отражение на официальном сайте и в социальных сетях.

Клуб также предлагает различные кружки по интересам, студии и занятия спортом, творчеством, декоративно-прикладным искусством. Например, в кружке «Азбука современного искусства» подростки осваивают восточную каллиграфию и современные стили письма, а кружок «Атом» во главе с профессиональным театральным актером учит

⁴ Харламова А. Здесь ты можешь дружить, играть, общаться: подростковый клуб «На Волне» // Официальный сайт Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/5881> (дата обращения: 19.01.2023).

преодолевать неуверенность, застенчивость и сценический страх. В студии «Стартин-руна» проходят тренировки и спортивные игры со знаменитыми баскетболистами. Уникальным кружком клуба можно считать «Фотокросс», поскольку здесь реализуется синтез элементов фотографического конкурса и спортивного состязания. Однако главной целью клуба остается знакомство, общение и дружба подростков с целью решения личностно-психологических проблем, особенно проблемы самооценки и социальной адаптации.

Основной формой деятельности специалистов по социальной работе являются тематические встречи-беседы подростков, которые под руководством наставников, психологов и педагогов делятся друг с другом счастливыми моментами, секретами, эмоциями, достижениями, историями, событиями. Беседы помогают подросткам не только раскрыться, преодолеть психологические барьеры, развить навык межличностной коммуникации, адаптироваться в разных социальных условиях, скорректировать свои взгляды, расширить представления о мире и людях, определить свои жизненные приоритеты и цели, а наставники помогают им уверенно двигаться к ним.

Ведущими социально-педагогическими подходами в работе с девиантными подростками являются *интегративный* (вовлечение в воспитание ребенка всего окружения — родителей, сверстников, педагогов школы и включение самого подростка в социально-культурную жизнь общества); *средовой* (создание здоровой среды для совершенствования личности подростка благодаря положительным примерам и специальным организационно-педагогическим и социальным условиям обеспечения всесторонней самореализации и адаптации ребенка в обществе) и *индивидуально-личностный* (подбор и применение методов социальной работы с учетом индивидуально-личностных качеств, особенностей, способностей и возможностей подростка).

Наибольший интерес вызывают регулярные встречи с профессионалами разных областей деятельности, которые не только раскрывают секреты своей профессии, но и ориентируют подростков в сфере их интересов, потребностей,

увлечений, выбора жизненного пути, морально-нравственных ценностях, социально-значимых качествах и способностях, возможностях самореализации. Так, в 2021 г. прошли встречи под названиями «Я буду спасателем», «Как ты относишься к своей безопасности в городе?», «Все профессии важны», «Кто такой актер дубляжа», «Ветеринар: секреты мастерства» и др. Вслед за встречами проходили экскурсии в отделения пожарной службы, на станцию скорой помощи, на шоколадную фабрику, на звукозаписывающую студию, в типографию и т. д.

Большое значение среди методов и форм работы с подростками имеет проектный метод, когда подростки клуба «На волне» самостоятельно разрабатывают и реализуют проект при поддержке наставников. Одним из них стал проект «ПроГероев», в процессе работы над которым подростки сначала обсудили значение слова «герой», приводили примеры, а затем выбирали своего героя из разных областей жизнедеятельности (спорта, искусства, профессии), а также разных ситуаций, когда надо было спасти людей, оказать помощь, поддержать нуждающихся, проявить смелость и отвагу. Ребята готовили небольшие ролики о героях и их поступках, используя фото- и видеоматериалы, статьи и интервью, новостные теле- и радиорепортажи, архивы и другие источники, свидетельствовавшие о произошедших событиях, изменивших судьбы людей. Героями видеороликов подростков становились дети и взрослые, спасшие людей из огня, проруби, ухаживающие за стариками, волонтеры, врачи и спасатели, военные и моряки, ученые и деятели искусства, отличившиеся поступками, благодаря которым они сохранили жизнь других.

Музыкальная студия «Гитары тонкая струна» дает подросткам возможность научиться играть на акустической и электрогитаре, а «Караоке» — петь эстрадный репертуар. «Головоломка» — это научная лаборатория для увлеченных различными науками — от математики и физики до психологии и социологии. В рамках лаборатории проходят тематические лекции и беседы, мастер-классы и семинары, тренинги. Уделяется внимание также проектной деятельности подростков. Городской проект «Лето моей карьеры» имел

профориентационную направленность. Ребята были приглашены на семинары и мастер-классы специалистов из различных областей деятельности, включая медицину, бизнес, торговлю, педагогику, социально-культурную деятельность и т. д. Представители разных профессий рассказывали ребятам о специфике своей работы, о перспективах карьеры, о средней заработной плате, учебных заведениях, в которых можно получить диплом по выбранной специальности. Профориентационная деятельность клуба проводится и независимо от городских проектов. Так, специалисты по социальной работе и педагоги семейного центра на регулярной основе организуют встречи с профессионалами, а также приглашают известных людей, успешно работающих в СМИ, сфере IT-технологий, бизнесе, социально-культурной сфере.

Причины девиантного поведения многих подростков просты: низкая самооценка, комплексы, испытание негативного опыта в семье или школе (буллинг, ссоры в семье, тяжелая финансовая или психологическая ситуация, одиночество, насилие и т. д.) и, как следствие, выражение протеста в модели поведения хулигана и разрушителя социальных норм и принципов, выражение собственной независимости от общества, которое, по мнению ребенка, его не принимает таким, какой он есть. В этой связи тренинг «Я такой же, как все» нацелен на решение подобного рода проблем.

Эффективны также обучающие курсы клуба подростков. Так, курс «Школа юного медиатора» не только объединил более 700 подростков, но и позволил им приобрести компетенции в области альтернативных форм регулирования межличностных споров и конфликтов с привлечением нейтральной стороны.

Выводы

Психологическая поддержка, социальная коррекция и адаптация, а также воспитательная деятельность социального учреждения способствуют стабилизации психики и нормализации поведения подростка, формированию

его социальной устойчивости, воспитанию его морально-нравственной системы и гражданско-правовой культуры. Эффективность социально-педагогической работы с девиантными подростками обусловлена комплексным подходом:

- информированием подопечных о последствиях их асоциальных и антисоциальных действий;
- организацией благоприятной социально-культурной среды для разносторонней жизнедеятельности и развития подростка, его саморазвития и самореализации путем создания ситуации успеха;
- проведением воспитательных мероприятий просветительского и культуротворческого характера;
- тесным взаимодействием с девиантными подростками на основе индивидуального подхода и стимулирования личностных изменений;
- формированием у них социально-значимых навыков, гражданско-правовой культуры и системы ценностей цивилизованного общества;
- мотивацией на продуктивную и плодотворную жизнедеятельность;
- формирование позитивного отношения к миру и окружающим;
- освоением подростками социально-культурных, поведенческих норм и традиционных ценностей в процессе социально-культурной деятельности.

Программа социальной работы клуба достаточно разнообразна по содержанию, целям и задачам, методически основательна, научно обоснована, логически продумана. Однако деятельность семейного центра в целом и подросткового клуба в частности при всех положительных результатах требует модернизации в плане методики работы, наполнения современным содержанием, использования потенциала социально-культурной деятельности. В ходе исследования практических аспектов социальной работы с девиантными подростками было сформулировано несколько рекомендаций частного характера, способных повысить уровень профессиональной деятельности семейного центра.

1. В программе подросткового клуба «На волне» очевиден недостаток мероприятий

по профилактике девиантного поведения и правонарушений подростков с уклоном в гражданско-правовое и консультационное поле с участием представителей правоохранительных органов, инспекторов и медицинских работников. Подростки часто бывают скрытны, а склонность к девиантному поведению неявной. Проявления же девиации возникают, когда уже поздно перевоспитывать ребенка, именно поэтому профилактические мероприятия необходимо организовывать и проводить в среде современных подростков. Например, можно организовать просмотр и обсуждение фильмов о вреде наркотиков и табака, о малолетних преступниках и законах, карающих противоправные действия.

2. В программе клуба следует расширить виды деятельности подростков, направленных на формирование у обучающихся позитивного отношения к себе и окружающим благодаря ситуативному проектированию и созданию социально-психологических условий для совершенствования личностных качеств у подростка, его саморазвития и самореализации. Тренинги клуба показывают достаточно высокий результат, о чем свидетельствует психологическое и педагогическое наблюдение за членами клуба, их учебной деятельностью, успеваемостью и поведением, а также искренним желанием принимать участие в данных мероприятиях. Однако в течение 2022 г. в клубе было проведено всего четыре тренинга. Были бы эффективны психологические тренинги или курсы повышения навыков межличностной коммуникации. Недостаточно используется также потенциал арт-терапии, в частности библиотерапии, музыкотерапии, драмотерапии и т. д.

3. Для решения проблем девиантного поведения тинейджеров необходим поиск особых методов и приемов работы с трудными подростками с вредными привычками. Примером может служить междисциплинарный подход к работе с детьми с отклоняющимся поведением на основе тесного сотрудничества с институтами судебной и исполнительной власти, инспекторами социальных служб, медицинскими работниками и сотрудниками правоохранительных органов, а также молодежью, страдавшей зависимостями и выбравшей здоровый и нравственный жизненный путь.

Встречи и беседы с бывшими алкоголиками и наркоманами, достигшими успеха в жизни после победы над плохими привычками, станут сильнейшей мотивацией для подростков. Приглашение известных людей, включая популярных артистов и блогеров, также увлечет членов подросткового клуба, заставит задуматься о своей жизни, скорректировать приоритеты и самооценку, поможет взглянуть на себя со стороны и подарит надежду на будущее.

4. Требуется расширение воспитательной деятельности центра в таких ее формах, как передача и сохранение национальных традиций, усвоение социальных морально-нравственных и этических норм, применение педагогического потенциала общественных институтов и мероприятий. Девиантным подросткам не помешает практика ухода за больными, пожилыми, одинокими людьми, а также за животными. Такую практику можно организовать в интернатах для престарелых, центрах социальной защиты, центрах по защите животных. Имеет смысл организовать подработку подростков в подобных заведениях с учетом проведения практики под руководством и наблюдением наставников. Это позволит интегрировать их в систему социально-значимых взаимоотношений и ролей. Такая интеграция должна строиться на принципах равноправного партнерства и сотрудничества, добровольности, взаимной ответственности и обязательности выполнения партнерами договоренностей.

5. Целесообразно более активное вовлечение семьи и социума в перевоспитание трудных подростков, причем это перевоспитание может иметь опосредованный характер в форме социально-культурных мероприятий [11]. Так, не теряет своей актуальности участие подростков вместе с их родителями в лекциях и семинарах, беседах и дискуссиях, психологических тренингах, встречах и мастер-классах, акциях и массовых мероприятиях (праздниках, спортивных состязаниях, творческих конкурсах, проектах и квестах).

6. Одной из актуальных проблем современных подростков представляется проблема зависимости от виртуального мира и Интернета [3; 15]. Большую часть дня дети проводят

перед экраном компьютеров, ноутбуков, планшетов, смартфонов. Тенденции развития социальной работы с детьми с отклоняющимся поведением в значительной степени зависят от современных информационных и коммуникационных технологий. Чрезмерное использование современных информационных и коммуникационных технологий косвенно влияет на их социальное и интеллектуальное развитие. Существует зависимость от IT-технологий, без которых дети замкнуты, молчат, страдают от дефицита внимания, имеют существенные пробелы в своем письменном и речевом развитии. Все это требует внимания социальных работников клуба, которым следует в большей мере вовлекать детей в общественную, социально-культурную и досуговую деятельность, которая могла бы сформировать благоприятную для саморазвития и самореализации ребенка среду.

Заключение

Проблемы девиантного поведения вызывают живой интерес у социологов, психологов, врачей, педагогов, правоохранительных органов и философов. Масштабные социальные изменения, происходящие в современном обществе, культуре и образовании, и кризисное состояние экономики значительно влияют на молодое поколение и общество в целом, что приводит к увеличению трудностей и рисков, с которыми сталкивается подросток. Произошли значимые изменения в иерархии нравственных ценностей: гуманизм, гражданственность, патриотизм утратили свою значимость для молодого поколения, что впоследствии повлияло на дальнейшее развитие и культуру современных подростков.

Нашей стране необходим системный подход к решению перечисленных социальных проблем, в первую очередь за счет преобразования социальной и культурной деятельности учреждений, пересмотра социальной политики государства и совершенствования

программ центров социально-педагогической работы с девиантными подростками.

В современной психологии и педагогике наблюдается тенденция возрождения лучших традиций советского периода, включая формы и методы социальной работы. К таковым можно отнести создание и функционирование советов по профилактике системных нарушений подростками норм поведения, включая игнорирование учебной дисциплины, злоупотребление табаком и алкоголем, раннюю половую жизнь, асоциальные и антисоциальные действия. Совет состоит из профессионалов (специалисты по социальной работе, психологи, педагоги, наставники, инспекторы и представители правоохранительных органов), родителей девиантных подростков и представителей общественности. Этот социальный орган выполняет множество функций:

- рассматривает случаи нарушений подростками дисциплины, закона, морально-нравственных норм, снижения посещаемости и успеваемости;

- выясняет причины и факторы девиации, содействует их устранению;

- принимает решение о формах социальной работы, способах помощи и поддержки, методах перевоспитания трудных подростков;

- проводит беседы со всеми участниками ситуации, причастными к работе с девиантными подростками;

- решает проблему занятости современной молодежи в свободное время, которое та асто проводит либо в Сети и за компьютерными играми, либо в торгово-развлекательных центрах;

- осуществляет психолого-педагогическое наблюдение и контроль за ребенком, а также проводит профилактическую работу.

Совет способен если не заменить собой комиссию по делам несовершеннолетних, то предотвратить попадание подростка на учет и совершение им непоправимых действий.

Литература

1. **Бакланова Н. К., Потапов Д. А., Бакланов К. В.** Девиантное поведение подростков: основы профилактики // Наука и школа. 2018. № 4. С. 82–86.
2. **Бубнова И. С., Рерке В. И.** Социально-педагогическое сопровождение как средство профилактики девиантного поведения у подростков из многодетных семей // Педагогический ИМИДЖ. 2019. Т. 13. № 2 (43). С. 52–62. DOI: 10.32343/2409-5052-201913-2-52-62
3. **Егоров А. Ю., Гречаный С. В.** Современные подходы к терапии и коррекции интернет-аддикции // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2019. Т. 119. № 6. С. 152–159. DOI: 10.17116/jnevro2019119061152
4. **Змановская Е. В.** Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (1). С. 12–23. DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23
5. **Калетинская М. И., Онуфриева В. В.** Взаимосвязь акцентуаций характера с отклоняющимся поведением подростков // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 37. С. 11–16.
6. **Муротмусаев К. Б., Турапов Х. М.** Психология девиантного поведения школьников // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). 2022. Special Issue 2. С. 117–119.
7. **Новикова Д. С.** Девиантное поведение // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2019. № 1 (85). С. 20–21.
8. **Таланова К. С.** Модель морального кризиса по Э. Дюркгейму // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 238–255. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-moralnogo-krizisa-po-e-dyurkgeymu> (дата обращения: 07.04.2023).
9. **Хасанова А. Р., Габдрахманова А. Р.** Направления работы классного руководителя с семьей по предупреждению девиантного поведения школьников // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-2. С. 253–257.
10. **Челнокова Т. А.** Развитие проблемы отклоняющегося поведения подростков в трудах отечественных и зарубежных авторов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 3. С. 299–302. DOI: 10.17816/snvt2021103318
11. **Bogdanova T. M., Kobzeva E. V., Blinova V. V., Semenova V. A.** The role of the family in preventing deviant adolescent behavior // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. DOI: 10.15405/epsbs.2022.01.20
12. **Gridneva S. V.** Specific Features of Social Groups of Teenagers with Deviant Orientation / S. V. Gridneva et al. // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. Vol. 12. № 5b. P. 741–752. DOI:10.12973/ejac.2017.00207a
13. **Kalinina N. V.** Psychological prevention mechanisms of minors' deviant behavior / N. V. Kalinina et al. // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. Vol. 12. № 5. P. 663–672. DOI: 10.12973/ejac.2017.00200a
14. **Musina A.** Age dynamics of deviant behavior of teenagers / A. Musina et al. // Georgian Medical News. 2020. Vol. 303. P. 148–155. Russian. PMID: 32841197.
15. **Sharma M. K.** Constructing the understanding of teenagers deviant use of cyberspace / M. K. Sharma et al. // International Journal of Social Psychiatry. 2021. Vol. 67. № 8. P. 1068–1071. DOI: 10.1177/0020764020975791
16. **Ward T.** Prediction and agency: The role of protective factors in correctional rehabilitation and desistance // Aggression and Violent Behavior. 2017. Vol. 32. P. 19–28. DOI: 10.1016/j.avb.2016.11.012

References

1. **Baklanova N. K., Potapov D. A., Baklanov K. V.** Deviantnoe povedenie podrostkov: osnovy` profilaktiki [Deviant behavior of adolescents: the basics of prevention] // Nauka i shkola [Science and School]. 2018. № 4. P. 82–86.
2. **Bubnova I. S., Rerke V. I.** Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie kak sredstvo profilaktiki deviantnogo povedeniya u podrostkov iz mnogodetny`x semej [Social and pedagogical support as a means of preventing deviant behavior in adolescents from large families] // Pedagogicheskij IMIDZh [Pedagogical IMAGE]. 2019. Vol. 13. № 2 (43). P. 52–62. DOI: 10.32343/2409-5052-201913-2-52-62

3. **Egorov A. Yu., Grechany`j S. V.** Sovremennyy`e podxody` k terapii i korrekcii internet-addikcii [Modern approaches to therapy and correction of Internet addiction] // Zhurnal nevrologii i psixiatrii im. S. S. Korsakova [The Korsakov's Journal of Neurology and Psychiatry]. 2019. Vol. 119. № 6. P. 152–159. DOI: 10.17116/jnevro2019119061152
4. **Zmanovskaya E. V.** Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: istoriya, metodologiya, social`ny`e vy`zovy` i aktual`ny`e tendencii [Modern Russian deviantology: history, methodology, social challenges and current trends] // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal [Russian Journal of Deviant Behavior]. 2021. № 1 (1). P. 12–23. DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23
5. **Kaletinskaya M. I., Onufrieva V. V.** Vzaimosvyaz` akcentuacij xaraktera s otklonyayushhimsya povedeniem podrostkov [The relationship of character accentuations with deviant behavior of adolescents] // Psixologiya i pedagogika: metodika i problemy` prakticheskogo primeneniya [Psychology and Pedagogy: Methods and Problems of Practical Application]. 2014. № 37. P. 11–16.
6. **Murotmusaev K. B., Turapov X. M.** Psixologiya deviantnogo povedeniya shkol`nikov [Psychology of deviant behavior of schoolchildren] // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). 2022. Special Issue 2. P. 117–119.
7. **Novikova D. S.** Deviantnoe povedenie [Deviant behavior] // Vestnik Ul`yanovskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta [Bulletin of the Ulyanovsk State Pedagogical University]. 2019. № 1 (85). P. 20–21.
8. **Talanova K. S.** Model` moral`nogo krizisa po E`. Dyurkgejmu [Model of the moral crisis according to E. Durkheim] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2014. № 1. P. 238–255. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-moralnogo-krizisa-po-e-dyurkgejmu> (accessed: 07.04.2023).
9. **Xasanova A. R., Gabdraxmanova A. R.** Napravleniya raboty` klassnogo rukovoditelya s sem`ej po preduprezhdeniyu deviantnogo povedeniya shkol`nikov [Directions of work of the class teacher with the family to prevent deviant behavior of schoolchildren] // Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of Modern Pedagogical Education]. 2020. № 67-2. P. 253–257.
10. **Chelnokova T. A.** Razvitie problemy` otklonyayushhegosya povedeniya podrostkov v trudax otechestvenny`x i zarubezhny`x avtorov [Development of the problem of deviant behavior of adolescents in the works of domestic and foreign authors] // Samarskij nauchny`j vestnik [Samara Journal of Science]. 2021. Vol. 10. № 3. P. 299–302. DOI: 10.17816/snv2021103318
11. **Bogdanova T. M., Kobzeva E. V., Blinova V. V., Semenova V. A.** The role of the family in preventing deviant adolescent behavior // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. DOI: 10.15405/epsbs.2022.01.20
12. **Gridneva S. V.** Specific Features of Social Groups of Teenagers with Deviant Orientation / S. V. Gridneva et al. // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. Vol. 12. № 5b. P. 741–752. DOI:10.12973/ejac.2017.00207a
13. **Kalinina N. V.** Psychological prevention mechanisms of minors' deviant behavior / N. V. Kalinina et al. // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. Vol. 12. № 5. P. 663–672. DOI: 10.12973/ejac.2017.00200a
14. **Musina A.** Age dynamics of deviant behavior of teenagers / A. Musina et al. // Georgian Medical News. 2020. Vol. 303. P. 148–155. Russian. PMID: 32841197.
15. **Sharma M. K.** Constructing the understanding of teenagers deviant use of cyberspace / M. K. Sharma et al. // International Journal of Social Psychiatry. 2021. Vol. 67. № 8. P. 1068–1071. DOI: 10.1177/0020764020975791
16. **Ward T.** Prediction and agency: The role of protective factors in correctional rehabilitation and desistance // Aggression and Violent Behavior. 2017. Vol. 32. P. 19–28. DOI: 10.1016/j.avb.2016.11.012

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.07

СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПСИХОЛОГИИ МОТИВАЦИИ

Р. С. Немов,
МГПУ, Москва,
NemovRS@mgpu.ru

В XX в. психология, будучи самостоятельной экспериментальной наукой, вновь вернулась к объяснению поведения людей, т. е. к решению той задачи, которая изначально была поставлена перед ней с момента зарождения системы научных знаний в середине первого тысячелетия до н. э. Эта тенденция, в частности, проявилась в выходе на первый план психологической проблематики личности. Во второй половине XX столетия на одном из первых мест в проблематике психологии личности оказалась мотивация поведения человека. За последние несколько десятков лет было опубликовано большое количество научных трудов по проблеме мотивации. В них сложилась своя терминология, частично заимствованная из разговорного и литературного языка, используемого при объяснении причин человеческого поведения, частично разработанная учеными-психологами. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью проведения системно-исторического анализа имеющейся терминологии, с целью придания строго научного статуса современным знаниям.

В статье представлены основные понятия, используемые в научных психологических исследованиях мотивации. В их число входят такие часто встречающиеся в отечественной и зарубежной научной литературе термины, как потребность, мотив, драйв, инстинкт, цель, стимул, интерес, желание, побуждение, влечение, а также некоторые понятия, употребляемые преимущественно в зарубежной, прежде всего английской, психологической литературе. Предлагаются и сравниваются их различные определения, обсуждается происхождение соответствующих терминов.

Ключевые слова: мотивация; потребность; мотив; инстинкт; цель; стимул; интерес; желание; побуждение; влечение; системно-исторический анализ.

Для цитаты: Немов Р. С. Системно-исторический анализ понятий, используемых в психологии мотивации // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 77–86. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.07

Немов Роберт Семенович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва.

E-mail: *NemovRS@mgpu.ru*

ORCID: 0000-0002-8193-9719

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.07

SYSTEM-HISTORICAL ANALYSIS OF CONCEPTS USED IN THE MOTIVATION PSYCHOLOGY

R. S. Nemov,
MCU, Moscow,
NemovRS@mgpu.ru

In the twentieth century, psychology, being an independent experimental science, returned to explaining people's behavior, that is, to solving the task that was originally set before it from the moment of the system of scientific knowledge birth in the middle of the first millennium BC. This trend, in particular, manifested itself in the coming to the fore of the psychological problem of an individual.

© Немов Р. С., 2023

In the second half of the twentieth century, one of the first places in personality psychology there was taken by the problem of human behavior motivation. Over the past few decades, a large number of scientific papers on the problem of motivation have been published. They have developed their own terminology, partly borrowed from the spoken and literary language used to explain the causes of human behavior, partly developed by psychological scientists. The relevance of this research is determined by the need for a systemic historical analysis of the available terminology, in order to give a strictly scientific status to modern knowledge. The article presents the basic concepts used in scientific psychological research of motivation. They include such terms, often found in domestic and foreign scientific literature, as need, motive, drive, instinct, goal, incentive, interest, desire, motivation, attraction, as well as some concepts mainly used in foreign, primarily English psychological literature. Their various definitions are proposed and compared, and the origin of the corresponding terms is discussed.

Keywords: motivation; need; motive; instinct; goal; incentive; interest; desire; motivation; attraction; system-historical analysis.

For citation: Nemov R. S. System-historical analysis of concepts used in the motivation psychology // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 77–86. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.07

Nemov Robert Semenovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: NemovRS@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-8193-9719

Введение

Наука начинается с того, что в ней предлагаются точные понятия, касающиеся изучаемых явлений, основанные на достоверно установленных знаниях о них. Данный процесс в первую очередь характерен для сравнительно новых областей научного знания, к которым можно отнести психологию мотивации. Она возникла и стала активно разрабатываться в начале XX в., причем в разных направлениях, возникших после общего кризиса психологии. К ним можно отнести психоанализ, бихевиоризм, гештальт-психологию, гуманистическую и когнитивную психологию. Для описания и изучения мотивации и мотивационных процессов, характерных для людей и животных, в них стали использоваться многочисленные термины, порой не имеющие точных, однозначных определений и не согласованные между собой. Систематизация имеющихся знаний в этой области является актуальной задачей настоящей статьи. В ней рассматриваются и сравниваются между собой определения основных терминов, используемых в психологических исследованиях и теориях мотивации, объясняющих поведение людей и животных, обсуждается этимология этих понятий, а также изменения в их содержании, если они имели место быть.

К специальным терминам, связанным с психологией мотивации поведения людей и животных, обсуждаемым в статье, можно отнести такие понятия, как «потребность», «мотив», «драйв», «инстинкт», «цель», «стимул», «интерес», «желание», «побуждение», «влечение», а также англоязычные разновидности мотивационных терминов, включая *purpose, goal, wish, desire, inducement, inclination, attraction*¹.

В настоящее время эти термины используются не только в психологических исследованиях и теориях мотивации. Практически все перечисленные выше понятия употребляются в объяснениях поведения человека, и некоторые из них также используются в объяснениях поведения животных. Применительно к человеку существуют определенные отличия «мотивационных» понятий (так можно назвать термины, которые чаще всего используются в психологических теориях мотивации) от «личностных» (подобное название относится к терминам, которые преимущественно употребляются в психологических теориях личности).

¹ В настоящей работе не используются те английские слова, которые на русском и английском языках произносятся одинаково, имеют приблизительно одни и те же значения при различном написании. Это, например: потребность, мотив, инстинкт, стимул и некоторые другие.

Основные различия в содержании и употреблении этих понятий заключаются в следующем. Для «мотивационных» понятий характерно то, что с их помощью чаще всего объясняется поведение, т. е. ищутся и находятся ответы на следующие частные вопросы: Что делает человека или животное активным? Что поддерживает их активность на определенном уровне в течение определенного времени? От чего зависит динамика этой активности, ее изменения со временем? Что превращает поведение человека или животного в организованное и целенаправленное?

Специфика собственно «личностных» понятий заключается в том, что с их помощью в психологии человека ставятся и решаются следующие задачи: 1) представление и описание человека как личности; 2) установление индивидуальных различий, существующих между людьми; 3) постановка и решение вопросов, связанных с формированием и развитием людей как личностей.

Вместе с тем в содержании «мотивационных» и «личностных» понятий в современной психологической науке имеется общее. Оно, в частности, проявляется в следующем:

– как «личностные», так и «мотивационные» понятия употребляются для описания психологических особенностей людей и животных;

– с помощью «личностных» и «мотивационных» понятий ставятся и решаются вопросы, касающиеся изменений, которые со временем происходят в психологии и поведении людей;

– те и другие понятия время от времени используются для объяснения поведения;

– «личностные» и «мотивационные» могут употребляться как в психологических теориях мотивации, так и в теориях личности.

В настоящее время мотивационные и личностные теории в психологии по их содержанию трудно отделить друг от друга, поскольку в них нередко ставятся и решаются одни и те же вопросы с использованием одних и тех же понятий. В книгах, представляющих современные психологические теории мотивации и личности, нередко используются одинаковые понятия, а в качестве их авторов называются одни и те же ученые. Это, например,

можно отнести к теориям К. Левина, Г. Оллпорта, А. Маслоу и многим другим.

Сравнительный анализ основных мотивационных терминов

Обратимся к обсуждению и содержательному анализу перечисленных выше понятий. Термин «потребность» в современной психологии мотивации связан с обеспечением благополучных условий для развития и сохранения человека как индивида и как личности. В этом смысле потребность может иметь биологическую или социальную направленность [10: с. 140].

Некоторые популярные психологические словари и энциклопедии определяют понятие «потребность» следующим образом: «общее понятие, время от времени используемое как синоним других терминов, в том числе мотива, цели, инстинкта, интереса, побуждения и влечения» [13: с. 468]; «состояние организма, личности, социальной группы, общества в целом, выражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития...» [9: с. 270]; «потребность (драйв)... это острая нужда или недостаток в чем-либо, необходимом для поддержания жизнедеятельности организма» [12: с. 1527].

Потребность — это также междисциплинарное понятие, которое в настоящее время используется в разных гуманитарных и социальных науках, а также отчасти в естественных и технических науках. В первом случае оно относится к живым организмам, растениям, животным и людям, а во втором — к неживым объектам, но всегда означает примерно одно и то же — нужду или необходимость того или иного объекта в чем-либо, что обеспечивает его нормальное существование и функционирование.

Что касается этимологии слова «потребность», его происхождения и практики использования в русскоязычной культуре, то в четырехтомном «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, написанном и изданном еще в XIX в., это слово отсутствует, но представлено близкое к нему слово «потреблять», из определения которого

можно сделать выводы о происхождении термина «потребность» в литературе на русском языке. В словарной статье «потреблять» В. Даль пишет о том, что в русском языке этот термин связан со словом «потреба», которое, в свою очередь, означает нужду, надобность или необходимость кого-либо или чего-либо в чем-либо². Такое обобщенное понимание потребности сохранилось до ее современного, научного и вненаучного понимания термина: потребность — это необходимость, надобность, нужда в чем-либо³.

Обратимся ко второму по частоте использования в психологии мотивации термину — понятию мотива. Прежде всего, отметим многозначность этого термина, на которую в свое время обратил внимание известный российский психолог Е. П. Ильин в книге «Мотивация и мотивы» [5: с. 46–64]. Автор пишет, что в различных психологических исследованиях понятие мотива может означать потребность, цель, побуждение, влечение, намерение, состояние, способ объяснения поведения с использованием термина «мотивировка». Во всех этих случаях общим для понимания термина «мотив» является внутреннее, описываемое в психологических понятиях свойство или состояние человека, которое побуждает к достижению определенной цели или решению какой-либо задачи в данной конкретной жизненной ситуации или обстановке.

Отличие так понимаемого мотива от потребности заключается в следующем. У человека или другого живого организма имеется множество потребностей, которые ему необходимо время от времени удовлетворять для своего благополучного, нормального существования. Все потребности регулярно актуализируются и удовлетворяются. Но в каждый конкретный момент времени активность или поведение организма связаны с удовлетворением не всех, а лишь некоторых его потребностей. Актуализируясь и удовлетворяясь, потребности становятся

мотивами поведения в настоящий момент времени и в данной ситуации. В этом случае можно говорить о возникновении и существовании мотива поведения. На это различие между потребностью и мотивом в свое время указал А. Н. Леонтьев⁴, автор психологической теории деятельности. В своих работах он рассматривает мотив как предмет деятельности. При этом в его теории выделяется два вида мотивов: смыслообразующие и мотивы-стимулы.

В психологическом словаре под редакцией В. В. Давыдова и других, изданном в 1983 г., термина «мотив», употребляемого в единственном числе, почему-то не оказалось, но встречается это слово во множественном числе — «мотивы». Из содержания соответствующей статьи следует, что под мотивами понимается то, что «побуждает деятельность человека, ради чего она совершается» [9: с. 198].

В «Большом психологическом словаре», изданном в 2003 г. под редакцией Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко, термин «мотив» уже присутствует в единственном числе, но здесь он почему-то отождествляется с английским словом *incentive*, что, как будет показано далее, не вполне правильно. В данном словаре мотив определяется следующим образом: «1) материальный или идеальный “предмет”, который побуждает или направляет на себя деятельность или поступок, смысл которых состоит в том, что с помощью мотивов удовлетворяются определенные потребности субъекта; 2) психический образ данного предмета» [2: с. 305–306].

В популярном английском психологическом словаре А. С. Ребера представлены следующие два определения мотива: «1. Состояние возбуждения, которое побуждает живой организм к действиям. 2. Рациональное или разумное оправдание (объяснение) человеком своих действий или поступков других людей» [13: р. 385].

В соответствии с данными «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера термин «мотив» берет свое начало в немецком

² Значение слова «потреблять» в словаре В. Даля // Словари, энциклопедии и справочники: [сайт]. URL: <https://slovar.cc/rus/dal/569355.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Потребность, нужда // Глоссарий.ru: [сайт]. URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RPuywlhtuxu (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 92–100.

языке или происходит от французского *motif*, что означает «подвижный»⁵. Мотив побуждает, стимулирует и направляет активность человека на достижение определенной цели, связанной с удовлетворением некоторой потребности. В русском языке слово «мотив» использовалось уже в XIX в. и нашло отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля. Там мы находим следующее определение термина: «мотив м. франц. побудительная причина... Мотивировать что, подкрепить доказательствами, подтвердить и объяснить доводами» [4: с. 352]. Происхождение собственно психологического значения слова «мотив» в русском языке в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных объясняется следующим образом: мотив — это «повод, побудительная причина какого-либо действия» [11: с. 545]. Кроме того, отмечается, что в русском языке это слово используется начиная как минимум с 1804 г.

Понятие «драйв» (*англ.* *drive*) сравнительно редко использовалось раньше и используется сейчас в русскоязычной психологической литературе, но широко применялось в англоязычной, прежде всего американской, литературе по психологии мотивации, опубликованной в первой половине XX в., в период популярности в США классического бихевиоризма Д. Уотсона и необихевиоризма Э. Толмена и К. Халла, которые не усматривали принципиальных различий между мотивацией поведения человека и животных. Соответственно, термин *drive* был введен в научный оборот и долгое время использовался для обозначения общих для людей и животных психофизиологических побуждений.

В словаре А. С. Ребера драйв — это «мотивационное состояние, порождаемое депривацией или неудовлетворенностью какой-либо биологически значимой жизненной потребности человека или животного, присутствием неприятных, раздражающих стимулов типа громкого шума, сильного холода или жары, а также других угрожающих жизни

или благополучию организма стимулов» [13: р. 97]. При этом драйв как психическое состояние необходимо отличать от состояния, связанного с актуализацией какой-либо потребности. Поскольку потребность — это состояние, вызванное недостатком чего-либо, которое необязательно включает в себя готовность к совершению действий, направленных на получение недостающего, в то время как с помощью термина «драйв» представляется мотивационное состояние готовности к совершению соответствующих действий. Между этими понятиями и связанными с ними состояниями существует следующая зависимость: возникновение потребности порождает драйв как состояние готовности к совершению действий, направленных на ее удовлетворение. Сама по себе потребность не мотивирует поведение, а драйв является тем, что реально им управляет.

Сравнивая между собой понятия мотива и драйва, можно отметить общее и различное в их содержании. Общее между ними заключается в том, что как мотив, так и драйв непосредственно предшествуют поведению, порождают, регулируют и направляют его на достижение определенной цели, а различное касается того, что термин «драйв» характеризует преимущественно то, что касается мотивации неосознаваемого, инстинктивного поведения (понятие «инстинкт» раскрывается далее), а понятие «мотив» в основном используется только в объяснениях сознательного поведения человека. Примечательно, что в общеупотребительном английском языке слово *drive* давно используется в разных значениях и относится к энергичным движениям, совершаемым машинами и людьми, и управлению ими. Например, слово *driver* переводится на русский язык как «водитель машины».

Заметим также, что в психологических словарях, написанных и опубликованных российскими психологами, этот термин долгое время отсутствовал и появился сравнительно недавно, например, в «Большом психологическом словаре» Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко, причем в этом словаре приведена еще его неполная и неточная интерпретация по сравнению с раскрытием содержания данного термина в англоязычной справочной

⁵ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BC/%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2> (дата обращения: 25.02.2023).

литературе. В словаре Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко предлагается переводить термин *drive* на русский язык как влечение. Далее предлагается ссылка на словарную статью «влечение» в том же словаре, где оно определяется как «непосредственное эмоциональное переживание потребности... побуждение, еще не опосредованное сознательным целеполаганием» [2: с. 66–67]. Из этих рассуждений следует, что термин «драйв» относится не столько к мотивации поведения животных, сколько к мотивации поведения человека. Это не вполне правильно, так как он раньше начал использоваться в бихевиористических исследованиях поведения животных. И сейчас еще, к сожалению, слово «драйв» отсутствует или неверно интерпретируется в современных русскоязычных словарях. Например, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина, опубликованном в 2010 г., предлагается такой перевод на русский язык: «драйв (жарг.) — состояние приятного возбуждения, удовольствия (первонач. — от употребления наркотиков)» [6: с. 272]. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных данного слова нет вообще. Это означает, что в русском языке термин «драйв» стал использоваться сравнительно недавно и пока не получил полного определения, характерного для бихевиоризма, а также широкого распространения и признания.

Термин «инстинкт», как пишет в своей книге «Мотивация и мотивы» Е. П. Ильин, был введен в научный оборот еще древнегреческими философами-стоиками для объяснения поведения животных, в отличие от поведения людей [5: с. 14]. В «Современном этимологическом словаре» утверждается, что существительное «инстинкт» в свое время было заимствовано из немецкого языка и это произошло в последней четверти XVIII в.⁶ Раньше и сейчас под инстинктом понималось «естественное побуждение, бессознательное действие в ответ на происходящее»⁷. Такое

определение соответствует современному психологическому пониманию этого термина. Приведем несколько его определений, представленных в современных психологических словарях.

В «Большом психологическом словаре» Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко само понятие «инстинкт» в виде отдельно словарной статьи также оказалось почему-то не представленным, но имеется определение словосочетания «инстинкты животных», из которого вытекает следующее понимание инстинктов: «это генетически закрепленные формы поведения и психического отражения, общие для всех представителей данного вида» [2: с. 202].

В «Психологическом словаре» А. С. Ребера отмечается, что «инстинкт» представляет собой термин со сложной, запутанной историей, наполняемый разным содержанием в различных психологических теориях. Чаще всего в них встречаются следующие три определения инстинкта: 1) невыученный, не приобретенный в результате научения ответ живого организма на какое-либо воздействие; 2) тенденция или предрасположенность организма определенным образом реагировать на те или иные воздействия; 3) в психоанализе — это гипотетическая внутренняя, врожденная и неосознаваемая сила, которая побуждает человека определенным образом действовать в тех или иных ситуациях. Предполагается, что поведение животных исключительно или в основном мотивируется инстинктами. У человека они также существуют и действуют, но поведение людей преимущественно управляется теми мотивационными образованиями, которые связаны с разумом, сознанием и волей, а они, в свою очередь, несовместимы с инстинктами [13: с. 139].

Понятие «цель» представляется не менее многозначным и не более определенным, чем понятие «инстинкт». Оно используется в разных значениях в различных науках, а также в повседневном, ненаучном языке. В психологии чаще всего встречаются следующие определения цели: 1) то, что инициирует, порождает и поддерживает последовательность действий или реакций, подкрепляет эти действия до тех пор, пока не будет достигнут соответствующий результат, понимаемый

⁶ Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. (Русский язык от А до Я). URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/556-инстинкт> (дата обращения: 29.03.2023).

⁷ Там же.

в качестве цели. Это наиболее широкое общепсихологическое понимание цели; 2) бихевиористическое понимание цели относится к конечному результату определенной последовательности внешних, поведенческих действий, при достижении которого эти действия прекращаются; 3) когнитивно-психологическое понимание цели предполагает ее отраженность в сознании человека, а психоаналитическая интерпретация — представленность в бессознательной части психики [1].

Приведем несколько частных определений цели, встречающихся в психологических словарях. А. С. Ребер пишет о том, что в английском языке встречаются два различных по своему содержанию термина, близкие к пониманию цели, — *purpose* и *goal*. Оба переводятся на русский язык как цель, но в первом случае под целью понимается некоторое внутреннее, субъективное, психологическое образование, а во втором случае — нечто внешнее, объективно существующее.

В «Большом психологическом словаре» Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко определение цели как психологического термина также почему-то отсутствует. Это же относится и к ранее опубликованному на русском языке «Психологическому словарю» под редакцией В. В. Давыдова и других. Данный факт отчасти можно объяснить тем, что эти словари были написаны и напечатаны в тот период развития отечественной психологической науки, когда психологическая проблематика исследований, связанных с мотивацией, еще не была актуальной, а понятие «цель» относится именно к ней.

Этимология слова «цель» в его психологическом понимании, согласно «Историко-этимологическому словарю» П. Я. Черных, представляется не вполне определенной. Отмечается лишь, что в словарях русского языка данное слово встречается начиная с 1731 г., но вместе с тем в словаре не предлагается каких-либо конкретных, связанных с психологией определений.

Если в дефинициях мотивационных терминов «потребность», «мотив», «драйв», «инстинкт» и «цель» при наличии некоторых расхождений между ними имеется все же определенная степень единства, то в дефинициях

понятий «стимул», «интерес», «желание», «влечение», «побуждение» и других этого уже не наблюдается.

Стимулом в психологии мотивации могут называться самые разные вещи, в том числе 1) физический агент (раздражитель), воздействующий на орган чувств (рецептор) [2: с. 529]; 2) общее название для всего, что оказывает воздействие и производит эффект [8: с. 865].

В «Психологическом словаре» А. С. Ребера приводятся несколько различных определений понятия «стимул», в том числе следующие: «1) то, что оказывает влияние на организм; 2) любое событие или изменение в нем, которое способно оказать на живой организм активизирующее его влияние; 3) изменение или событие, которое способно перевести рецептор или рецептивную систему из состояния покоя в состояние возбуждения; 4) сигнал к началу действия; 5) некоторое внутреннее, психологическое или физиологическое событие, которое активизирует процессы, происходящие в организме; 6) некоторое внешнее событие, периодически возникающее и относящееся к окружающей среде, которое способно вызывать определенные изменения в активности находящегося в этой среде организма» [13: с. 712].

В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина термин «стимул» определяется как «побудительная причина, заинтересованность в совершении чего-либо» [6: с. 740].

Заметим, что еще одно слово — *incentive*, — часто встречающееся в англоязычной литературе по психологии мотивации, переводится на русский язык как «стимул». Поисковая программа «Яндекс» предлагает ему определение, равнозначное определению стимула. Однако в «Психологическом словаре» А. С. Ребера представлено более развернутое определение, связанное уже с мотивационной психологической проблематикой. В этом определении прежде всего подчеркивается, что самое общее содержание этого термина передается словами «мотиватор поведения». В этой связи в психологии мотивации содержание данного термина близко к содержанию понятий «потребность» и «драйв» [13: р. 131].

Отмечается вместе с тем, что некоторые специалисты по бихевиористически ориентированной теории научения могут вкладывать

в словосочетание «инсентивная мотивация» следующее содержание: 1) побуждение к реагированию на определенный стимул или ситуацию. В этом случае под инсентивом понимается некоторый объект, который, по мнению любого живого существа, способен удовлетворить его актуальную потребность; 2) дополнительная награда (подкрепление), которая поддерживает поведение, направленное на достижение определенной цели; 3) синоним понятия «ценность». Чем более ценен тот или иной объект для живого организма, тем большей для него является его «воспринимаемая инсентивность».

Заканчивая представление и обсуждение научных, «мотивационных» определений понятия «стимул», хотелось бы обратить внимание на то, что большая часть существующих определений не включает в себя те процессы, которые происходят в психике или сознании человека. Данный факт можно объяснить тем, что этот термин вошел в научный оборот и стал широко использоваться в психологии в связи с возникновением и развитием именно бихевиоризма, главной методологической основой которого стала известная формула, предложенная Д. Уотсоном: « $S - R$ », где S — это стимулы, воздействующие на организм, порождающие и управляющие его поведением в окружающей среде. Специальное направление в психологии под названием «мотивация», относящееся к человеку, возникло и стало разрабатываться позднее, во второй половине XX в., и в нем термин «стимул» не получил дополнительного определения, отличного от его бихевиористического понимания.

Содержание мотивационного понятия «интерес» также является многозначным и до сих пор точно не определенным. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой значение слова «интерес» раскрывается следующим образом: «1. Особое внимание к чему-нибудь, желание вникнуть в суть, узнать, понять... 2. Занимательность, значительность... 3. Нужды, потребности... 4. Выгода, корысть...» [7: с. 249]. В этих определениях представлено бытовое, житейское и общелитературное содержание данного слова в русском языке.

В «Большом психологическом словаре» под редакцией Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко интерес — это «потребностное отношение

или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности... <...> Эмоциональный и волевой моменты интереса выступают... как интеллектуальная эмоция... Интерес тесно связан с собственно человеческим уровнем освоения действительности в форме знаний» [2: с. 206].

В «Психологическом словаре» А. С. Ребера подчеркивается, что термин «интерес/interest» схож в написании и произношении на русском и английском языках. С ним время от времени содержательно соотносятся такие понятия, как «внимание», «любопытство», «мотивация», «фокусирование внимания на чем-либо», «заинтересованность», «целенаправленность», «осознанность», «ценностное содержание» и «желание». Вместе с тем точное общепринятое научное определение данного термина отсутствует, и каждый, кто обращается к нему, опирается в его понимании на свою интуицию [13: с. 363].

Желание — это по определению, принятому в русском разговорном и литературном языке, «1) влечение, стремление к осуществлению чего-н., обладанию чем-н. <...> 2) просьба, пожелание» [7: с. 191]. Из этого определения следует, что в ненаучном языке термины «желание» и «влечение» практически не различаются по своему содержанию и зачастую означают одно и то же. С русского языка на английский они, однако, переводятся по-разному. Слово «желание» по-английски передается словами *wish*, *desire*, а слово «влечение» — *inclination*, *attraction*.

В качестве психологических, научных терминов слова *wish* и *desire* в англоязычной литературе нередко определяются друг через друга. Следовательно, психологи, употребляющие их, не видят принципиальных различий между их содержанием. При раскрытии содержания термина *wish* иногда подчеркивается его особая связь с сознанием, а при использовании понятия *desire* — с бессознательным [3].

Термины «побуждение» и «влечение» также не имеют точного определения. С ними чаще всего соотносится следующее мотивационное содержание: побуждение/*inducement* — это готовность, желание, намерение действовать; влечение/*inclination*, *attraction* — стремление, склонность к кому-либо или к чему-либо.

В словаре А. С. Ребера определения терминов *inducement* и *inclination* отсутствуют. Дано только общее определение термина *attraction* (в русскоязычной литературе используется слово-калька — «аттракция»): «характеристика объекта или человека, которая делает его привлекательным для других людей, вызывает желание и стремление сблизиться с ним, овладеть им» [13: с. 64]. Побуждение можно определить как некоторый предмет, факт или событие, которое активизирует человека или животное, но не определяет цель или направленность его поведения. Влечение — это активность, направленная на достижение какой-либо, не вполне осознанной цели.

Заключение

Системно-исторический анализ основных понятий, используемых в современных психологических теоретических и экспериментальных исследованиях мотивации поведения человека, позволяет сделать следующие выводы.

1. Область психологии мотивации поведения человека в настоящее время является достаточно разработанной, о чем свидетельствует множество применяемых в ней понятий, охватывающих разные стороны мотивационного процесса, как внутренние, психологические, так и внешние, социально-средовые.

2. Существующая и применяемая на практике система понятий является достаточно дифференцированной, что говорит о том, что психологами детально изучен и представлен в соответствующих понятиях весь мотивационный процесс.

3. Имеющаяся на данный момент времени система понятий, в отличие от первой половины XX в., четко разделена с точки зрения мотивации поведения людей и животных. В ней выделены и определены три основные группы понятий, характеризующие в отдельности мотивацию поведения человека

в социальной среде, мотивацию поведения животных в природной среде и общие моменты, касающиеся как мотивации человека, так и мотивации животных.

4. Почти по каждому явлению, связанному с психологией мотивации поведения, существуют несколько определений. Они характеризуются тремя основными признаками: а) практически полным совпадением содержания определений, за исключением некоторых синонимических слов; б) расхождением содержания этих определений, которое оказывается различным и несовместимым; в) частичным разделением содержания определений, при котором в них отражаются разные аспекты одного и того же достаточно сложного психологического образования.

5. При наличии расхождений в существующих определениях есть основание утверждать, что внутри этих определений нет значительных противоречий, что психология мотивации поведения человека в настоящее время представляет собой развитую, целостную, системно развивающуюся науку.

6. Единственная проблемная область в современной психологии мотивации поведения человека — это рассмотрение мотивационных проблем в сфере психологии личности. В настоящее время существуют уже более четырех десятков теорий личности и в каждой из них вводится и используется своя система понятий, характеризующих человека как личность. Предполагается, что объяснение поведения человека в рамках той или иной теории личности должно включать собственный понятийный аппарат. Однако понятий достаточно много и они являются разными не только в группах теорий личности — психоаналитических, бихевиористических, гуманистических и когнитивных, — но также в отдельных, авторских теориях личности, входящих в ту или иную группу. Систематизация знаний по проблеме мотивации поведения человека является актуальной задачей современной психологической науки.

Литература

1. Багадирова С. К. Методологические основы понимания категории «Цель» в философии и психологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. № 1 (173). С. 80–89.

2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 666 с.
3. **Воркачева Е. А.** «Сама сущность или природа каждого»: семантика желания и речевое употребление глагола to wish // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (69). С. 68–73.
4. **Даль Владимир.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. СПб.; М.: Издание М. О. Вольфа, 1881. 817 с.
5. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2006. 508 с.
6. **Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2010. 941 с.
7. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. 4-е издание, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. Психологическая энциклопедия: [пер. с англ.] / под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. 1095 с.
9. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. 448 с.
10. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
11. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1994. 622 с.
12. Britannica. Настольная энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М.: АСТ, 2006. 2325 с.
13. The Penguin dictionary of psychology / Arture S. Reber. 3rd edition. London; New York: Penguin Books, 2001. 830 p.

References

1. **Bagadirova S. K.** Metodologicheskie osnovy` ponimaniya kategorii «Cel`» v filosofii i psixologii [Methodological foundations of understanding the category “Purpose” in philosophy and psychology] // Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psixologiya [Bulletin of the Adyge State University. Series 3: Pedagogy and psychology]. 2016. № 1 (173). P. 80–89.
2. Bol`shoj psixologicheskij slovar` [Big psychological dictionary] / pod red. B. G. Meshheryakova, V. P. Zinchenko. SPb.: Prajm-EVROZNAK; M.: OLMA-Press, 2003. 666 p.
3. **Vorkacheva E. A.** «Sama sushhnost` ili priroda kazhdogo»: semantika zhelaniya i rechevoe upotreblenie glagola to wish [“The very essence or nature of everyone”: the semantics of desire and the verbal use of the verb to wish] // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2017. № 3-1 (69). P. 68–73.
4. **Dal` Vladimir.** Tolkovy`j slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]: v 4 t. T. 2. SPb.; M.: Izdanie M. O. Vol`fa, 1881. 817 p.
5. **Il`in E. P.** Motivaciya i motivy` [Motivation and motives]. SPb.: Piter, 2006. 508 s.
6. **Kry`sin L. P.** Tolkovy`j slovar` inoyazy`chny`x slov [Explanatory dictionary of foreign words]. M.: E`KSMO, 2010. 941 p.
7. **Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4-e izdanie, dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.
8. Psixologicheskaya e`nciklopediya [Psychological encyclopedia]: [per. s angl.] / pod red. R. Korsini i A. Aue`rbaxa. SPb.: Piter, 2006. 1095 p.
9. Psixologicheskij slovar` [Psychological dictionary] / pod red. V. V. Davy`dova, A. V. Zaporozhczha, B. F. Lomova i dr. M.: Pedagogika, 1983. 448 p.
10. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel`skie Texnologii, 2017. 356 p.
11. **Cherny`x P. Ya.** Istoriko-e`timologicheskij slovar` sovremennogo russkogo yazy`ka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]: v 2 t. T. 1. M.: Russkij yazyk, 1994. 622 p.
12. Britannica. Nastol`naya e`nciklopediya [Britannica desktop encyclopedia]: v 2 t. T. 2. M.: AST, 2006. 2325 p.
13. The Penguin dictionary of psychology / Arture S. Reber. 3rd edition. London; New York: Penguin Books, 2001. 830 p.

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.08

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ (XVII–XVIII вв.)

Е. А. Круглова,
ИвГУ, Иваново,
kruglo-e@mail.ru

В статье системно анализируется исторический период XVII–XVIII вв., сыгравший ключевую роль в становлении отечественной психологии как самостоятельной науки. Представлен анализ научной деятельности наиболее выдающихся представителей российской психологической мысли. Показано, что отечественная психология в XVII в. развивалась как оригинальное направление общественной мысли, не была закрытой для идей, которые существовали в Западной Европе. Само XVII столетие стало ключевым в плане появления психологических теорий, которые еще продолжали оставаться умозрительными, но предполагали описание эмпирического характера, что запустило механизм обретения психологией самостоятельности. Активно продуцируются материалистические идеи об особенностях восприятия и познания окружающего мира человеком на основе органов чувств. Показательно формирование основ высшего образования с углубленными курсами психологии в ведущих учебных заведениях страны. В XVIII столетии в России появляются работы, которые содержат взаимосвязанные вопросы и раскрывающиеся здесь понятия психологического характера. Психологические понятия рассматриваются системно, возникает основание для последующего обсуждения предметной области психологии. В работах отечественных просветителей присутствует самостоятельность суждений и критичность по отношению к психологическим изысканиям западноевропейских авторов.

Ключевые слова: система; системный анализ; психологическая мысль; психология; просветители; душа; человек; профессиональный тезаурус.

Для цитаты: Круглова Е. А. Системный анализ российской психологической мысли на этапе становления психологии как самостоятельной науки (XVII–XVIII вв.) // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 87–99. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.08

Круглова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново.

E-mail: kruglo-e@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7933-4921

**SYSTEM ANALYSIS OF RUSSIAN PSYCHOLOGICAL THOUGHT
AT THE STAGE OF FORMATION OF PSYCHOLOGY
AS AN INDEPENDENT SCIENCE (XVII–XVIII CENTURIES)**

E. A. Kruglova,
ISU, Ivanovo,
kruglo-e@mail.ru

The article systemically analyzes the historical period of the XVII–XVIII centuries, which played a key role in the formation of Russian psychology as an independent science. The analysis of the scientific activity of the most prominent representatives of Russian psychological thought is presented. It is shown that Russian psychology in the XVII century developed as an original direction of social thought, and was opened to ideas existed in Western Europe. The XVII century itself has become the key in terms of the emergence of psychological theories that though still remained speculative, but assumed descriptions of an empirical nature, which launched the mechanism of gaining independence by psychology. Materialistic ideas about the peculiarities of perception and cognition of the surrounding world by a person on the basis of sensory organs are actively produced. The formation of the foundations of higher education with advanced psychology courses in the leading educational institutions of the country is indicative. In the XVIII century, there appeared works containing interrelated issues and revealing concepts of a psychological nature. Psychological concepts are considered systematically, the basis for further discussion of psychology subjects arises. In the works of Russian educators, there is independence of judgment and criticality in relation to the psychological research of Western European authors.

Keywords: system; system analysis; psychological thought; psychology; educators; soul; person; professional thesaurus.

For citation: Kruglova E. A. System analysis of Russian psychological thought at the stage of formation of psychology as an independent science (XVII–XVIII centuries) // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 87–99. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.08

Kruglova Elena Aleksandrovna, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: *kruglo-e@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7933-4921

Введение

Современная история психологии испытывает недостаток работ по систематизации и обобщению психологических идей, которые разрабатывались в России; исследователи отдают явное предпочтение анализу достижений зарубежной психологии. Между тем развитие психологических знаний в России имеет свою долгую историю. Отечественная психологическая мысль существовала на протяжении многих веков, она заметна как в средневековой Руси, так и в России Нового времени. В качестве самостоятельной науки она предстанет

в середине XIX в. Однако это стало возможным благодаря ряду предпосылок и условий. Считается, что психология шла к своей самостоятельности начиная с XVII в., но ее выход за рамки философии и естественных наук был постепенным. Признается, что путь, пройденный отечественной психологией, представлял собой «оригинальную часть развития мировой психологической науки» и в то же время отразил «особенности национального исторического пути» [25: с. 238].

В настоящее время стали появляться историко-психологические исследования, посвященные вкладу конкретных отечественных ученых XVII–XVIII вв. в психологическую

науку. Однако для общей систематизации развития российской психологии в контексте мировой психологической науки этого явно недостаточно. В данной статье сделана попытка обобщения психологических знаний в России на пути обретения психологией своей самостоятельности и вклада отечественных ученых в этот исторически длительный процесс.

Психологическая мысль XVII века: основные идеи и достижения

Многовековая мировая психологическая мысль строилась на проблеме соотношения души и тела. По верному замечанию М. Г. Ярошевского, французский мыслитель XVII в. Рене Декарт (1596–1650) их противопоставил [32: с. 128]. Он предложил идею дуализма (картезианский дуализм), утверждая присутствие двух видов существенных оснований — психического и физического, благодаря чему тело и душа приобрели новое содержание, неведомое прежним исследователям, они воспринимались отдельно друг от друга. Декарт полагал основным объектом интроспекции человека его собственную мысль. Роль самого Декарта-Картезия в истории мировой психологии определяется, во-первых, его указанием на рефлекторную природу человеческого поведения, хотя сам термин «рефлекс» у него еще не появляется, и, во-вторых, преобразованием трактатного понятия «душа» в понятие «сознание», в результате чего была четко обозначена дальнейшая научная рефлексия в этом плане.

Многие известные последователи Декарта (Т. Гоббс, Б. Спиноза, Д. Локк, Г. В. Лейбниц) делали многочисленные попытки опровергнуть его дуализм. Их поиски были направлены на то, чтобы утвердить единство мироздания, покончить с разрывом телесного и духовного, природы и сознания. Это составило целый пласт научной рефлексии и рассмотрения жизненных психологических проблем. Так, английский мыслитель, определявший в свое время умонастроение интеллектуальной молодежи, Томас Гоббс (1588–1679) стремился подчинить действительность, включая человеческий мир, единым механическим законам. Как писала

А. Н. Ждан, для него «человек — это тело в ряду бесчисленного множества природных тел. Его движения — это реальность. Сознание — параллельно возникающие проявления этих движений. Ощущения — это проявление движений в наших органах чувств, которые возникают под влиянием внешних предметов» [8: с. 93]. По мнению М. Г. Ярошевского, от Гоббса берет начало «психология без души» и связанное с ней учение об ассоциациях [32: с. 140]. Гоббс начинает говорить в психологии о «естественном человеке», предполагая, что последний стремится к собственной выгоде и, самое главное, к самосохранению. Как отмечает У. М. Хейстад, голландский ученый Бенедикт Спиноза (1632–1677) предлагал считать единственной субстанцией природу (материю), восстановив тем самым пантеизм [31: с. 139], а душу рассматривать как слагаемое из многих отдельных вещей. Психическая реальность для Спинозы состоит из материи.

Благодаря усилиям Гоббса и Спинозы произошли изменения в представлениях об объекте и методе психологических исследований в мировой общественной мысли. В Англии Джон Локк (1632–1704) обращает пристальное внимание на опыт как основу понимания психического для человека. «Белая бумага без всяких знаков и идей»¹ — именно так определяет человека Дж. Локк, утверждая, что все знания приобретаются в процессе жизни посредством опыта. Локк утверждал, что наряду с работой органов чувств, которая вызвана внешними воздействиями, способствующими появлению идей, присутствуют и внутренние силы сознания человека, что предстает как локковская сенсуалистическая теория. Появляются ассоциации, объясняющие связь и движение идей. Из простых идей образуются более сложные, они составляют богатство человеческого ума. По мнению М. Г. Ярошевского, в характеристике человеческого разума у Локка соединились интроспективизм Декарта и сенсуализм Гоббса [32: с. 146]. Ассоциативная психология будет активно развиваться в последующее время

¹ Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 1: [Опыт о человеческом разуме]. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 128.

(Д. Гартли, Д. Юм и др.). Вильгельм Готфрид Лейбниц (1646–1716) рассматривал психику как нечто, интегрирующее бессознательное и сознание, ввел понятие «перцепция» (от *лат.* *perceptio* — представление, восприятие). Разработанная Лейбницем система представлений помогала понимать психическое как активное и непрерывное, выявлять динамическую сущность, включать его во всеобщую связь жизненных явлений. Однако, по замечанию Д. Н. Робинсона, «упор на деятельность и единство, два постоянных свойства всей и всякой простой субстанции (включая сознание), будет появляться снова и снова в психологиях Brenta-но, Джемса, в школе гештальт-психологии и даже в раннем бихевиоризме» [24: с. 316].

Идеи Р. Декарта, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Д. Локка, Г. В. Лейбница и др. вместе с заезжими лекторами, сведущими в текущих западноевропейских достижениях интеллектуалами, а позже — с профессорами, обучавшимися за рубежом, попадут на интеллектуальную почву в России и найдут здесь развитие.

В России XVII в. — это время тяжких испытаний для власти и народа, время смут и социальных потрясений: полный паралич власти в начале века, страшный голод, польско-шведская интервенция, захват столицы, разорение значительной части территории страны. Это «бунташный век» — период серьезных волнений народных масс, самыми крупными и значительными из которых были крестьянские войны под руководством Ивана Болотникова и Степана Разина [6: с. 168–176]. Вместе с тем XVII в. — это время величайших достижений. Объединение российского народа с целью избавления от польско-шведской интервенции, последовавшее за этим формирование единой русской нации, политическое и экономическое развитие России, преодоление кризиса власти, освоение новых земель — все это привело к превращению нашего отечества в мощное централизованное государство с огромной территорией.

Необходимо также признать, что XVII в. — это период развития системы высшего образования России [6: с. 184]. В 1687 г. в Москве правительством царевны Софьи была открыта Славяно-греко-латинская академия

как реализация идей ее брата Федора III. Поддержанное их отцом — царем Алексеем Михайловичем Тишайшим — Киево-Могилянское училище получило в 1633 г. статус коллегии. Позже, в 1701 г., благодаря грамоте Петра I Киево-Могилянская коллегия стала называться академией. Эти два учебных заведения стали центрами российского высшего образования пока не были открыты Московский (1755) и Харьковский (1805) университеты.

Необходимо признать, что именно общественно-политические, социально-экономические и культурные изменения в России неизбежно повлияли на отечественную психологическую мысль, в которой акцент всегда ставился на человеке, его жизни и месте в природе и людском сообществе. Мыслители постепенно приходят практически к современному пониманию необходимости психологически обоснованных данных для описания и изучения человека, необходимости единого профессионального тезауруса, описывающего его [26: с. 72].

Историк отечественной психологии М. В. Соколов прямо пишет, что в XVII в. «психология в нашей стране вступает в существенно новую фазу своего развития» [28: с. 249]. Психологической мысли того времени присущи практическая направленность, осмысление проблем на социальном материале, историческое видение мира, нравственное переживание бытия, художественная форма воплощения идей, внимание к внутреннему миру человека, патриотическая направленность [7: с. 62]. Психологическая мысль представлена различными подходами, среди которых О. В. Клыпа выделила следующие: 1) органический (душа понимается как материальное явление); 2) рационалистический (душа видится в рамках сознания); 3) магический, основанный на теологической причинности существования души; 4) глубинный, объясняющий присутствие бессознательной сферы; 5) экзистенциальный, определявший душу как реальный и самостоятельный элемент внутреннего мира человека [14: с. 230]. Исследователи отмечали, что сквозь фантастическое, выдуманное о душе начинает просматриваться реалистическое понимание психики, которое основывается на жизненном опыте и наблюдении [19: с. 101].

Среди мыслителей и просветителей того времени следует отметить Иннокентия Гизеля (1600–1683), философа и историка, профессора, а с 1645 по 1650 г. — ректора Киево-Могилянской коллегии. Сам Гизель живо интересовался достижениями европейской науки, в частности гелиоцентрическим учением выдающегося деятеля эпохи Возрождения Николая Коперника, и стал первым, кто знакомил с ними студентов.

Человек, по мнению Гизеля, не является слепым орудием Бога, но живым творцом своей судьбы и хозяином своих поступков. Руководителем жизни и деятельности человека, согласно критериям добра и зла, является совесть. Гизель признавал способность человека к саморегуляции своего поведения. В обширный курс «Opus totius philosophiae» («Сочинение о всей философии»), читавшийся им в Киево-Могилянской коллегии на протяжении 1645–1647 гг., входил специальный психологический трактат «Tractatus de anima» («Трактат о душе»), который ученые считали одним из ранних отечественных учебников по психологии [20: с. 2]. П. М. Пелех указывал на такие концепты во взглядах Гизеля: 1) психология должна изучать сущность (essentiam) возникающих психических явлений [20: с. 5]; сама душа показывает наличие жизни в органическом теле, а ее субстратом, самым началом всех как внешних, так и внутренних чувств выступает мозг — определенной образом организованная материя [20: с. 7]. Гизель анализировал эмоции и волю, считая их проявлением разумной души; отмечал обусловленность склонностей человека индивидуальными особенностями его темперамента; связывал мыслительный компонент психики с мотивацией как его движущей силой; указывал на необходимость внутреннего разума в человеческих поступках.

В целом Гизель стоял на позициях сенсуализма, в котором чувственное восприятие считалось исходным пунктом познания. Для европейской философской и психологической мысли яркими представителями сенсуализма были современники Гизеля — Гоббс и Локк.

Впервые термин «психология» в значении учения о душе появился в рукописи философского курса «*Agonium philosophicum*»

(«Философское соревнование»), автором которого предположительно является Стефан Яворский (1658–1722), крупный церковный деятель, просветитель. Он был профессором, руководил Киевской, а затем и Московской академиями, преподавал риторику, философию, психологию, поэтику и богословие, играл существенную роль в истории России петровских времен, хотя и имел сложные взаимоотношения с Петром I и его правительством.

В состав указанного философского курса входил специальный психологический трактат «*Psychologia seu tractatus de anima*» («Психология, или Трактат о душе»), в котором системно излагались психологические понятия. Идеи Яворского были созвучны и современным ему европейским ученым, прежде всего Декарту и Локку. Следуя господствующей в то время теологической концепции о сотворении мира Богом, он отождествлял Бога и природу, признавая в то же время ее материальность. Курс психологии Яворского считался наиболее значимым в Киево-Могилянской академии. Опираясь на учение Аристотеля, предметом психологии Яворский считал понятие «душа», трактовал ее как форму органического тела и выделял в ней три субстанции, а именно: вегетативную — для растений, чувственную — для животных, разумную — для человека. Особую роль в системе душевных явлений он придавал ощущениям, выделяя как внешние, так и внутренние. Внешние ощущения продуцируются органами зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. При этом Яворский довольно детально, в соответствии с данными анатомии своего времени, описал эти органы. Функции их заключаются в том, чтобы принимать сигналы внешних тел и передавать их по нервам в мозг, где они запечатлеваются и превращаются в идеальные образы вещей. Внутренними ощущениями, непосредственными проявлениями души, Яворский предлагал считать общее ощущение, представление, образ, память, а также сны и фантазии. Органом внутренних ощущений определял мозг, а объектами — все то, что воспринимается внешними чувствами [20: с. 11–13]. Это во многом совпадало с учением Локка о первичных и вторичных качествах и соответствовало господствующему в то время духу сенсуализма. По настоянию Петра I Яворский

перебрался в Московскую славяно-греко-латинскую академию, где на правах руководителя и куратора продолжал свою научную и общественно значимую деятельность.

В Славяно-греко-латинской академии первыми преподавателями были греческие православные монахи, братья Иоанникий и Софроний Лихуды [4: с. 261]. Лекции по психологии читались Иоанникием Лихудом, который сделал попытку синтезировать элементы западно-европейской психологической мысли (основой был трактат Аристотеля «О душе» с комментариями Фомы Аквинского [28: с. 398]) и те знания, которые существовали еще в Древней Руси и содержались в таких сборниках, как образец премудростно-гностической книжности «Пчела» (XII в.) и «Толковая Палея» (XIII в.), относящаяся к скриптурному жанру [11: с. 29–35].

В целом XVII столетие стало ключевым в плане появления психологических теорий, которые еще умозрительны и не имеют экспериментальной базы, но уже располагают описаниями эмпирического характера, что запустило механизм отделения психологии от философии и обретения ею самостоятельности. Отечественная психологическая мысль в XVII столетии развивалась как оригинальное направление общественной мысли, не будучи закрытой для тех идей и взглядов, которые существовали в Западной Европе. Однако в это время все чаще начинают звучать материалистические идеи об особенностях восприятия и познания окружающего мира человеком на основе органов чувств.

Психологическая мысль XVIII в.: особое звучание материалистических идей

Как отмечают Д. В. Иванов и Н. А. Галюк, духовно-нравственное и интеллектуальное развитие общества XVIII столетия стало следствием распространения идей гуманизма и рационализма, сформулированных еще в XVII в. [11: с. 50–56]. Для этого периода характерен отказ от религиозного понимания окружающего мира и обращение к материалистическим методам познания человека и общества. Основным критерием познания

становится разум. По мнению А. А. Смирнова, вопросы философского и психологического характера оказываются в фокусе интересов светских авторов, что явилось качественно новым шагом в развитии психологической мысли в России [27: с. 11–18].

Интенсивное развитие науки, образования и просветительского движения в России привело к появлению целостных психологических представлений, по своей значимости и содержанию не уступавших ведущим европейским концепциям, которые традиционно связывают с идеями о душе французских материалистов XVIII в. Французский материализм объединил в себе, как было отмечено в учебном пособии Е. С. Кузьмина и В. А. Якунина, объективное направление Декарта и сенсуалистические идеи Локка [16: с. 75]. Французских мыслителей (Ш. Монтескьё, Э. Кондильяк, П. Гольбах, Д. Дидро, К. Гельвеций, Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо и др.) в России XVIII в. ценили, их работы переводились, они были в центре обсуждений, критиковались. По мнению А. Н. Ждан, отличительной особенностью французской эмпирической психологии стало ее внимание к активности человеческого сознания, что было обусловлено возрастающей ролью общества, новых социальных слоев в историко-политических обстоятельствах того времени [8: с. 108].

По мнению Д. В. Иванова, особенностью отечественной психологической мысли на данном этапе развития науки является то, что российские мыслители, занимаясь философскими, педагогическими, естественно-научными, политическими и другими проблемами, разрабатывали сопутствующие им психологические вопросы. Такие вопросы содержали оригинальные идеи и взгляды на причины существования человека, а также условия достижения полноты бытия и природного равенства людей [9].

Так, выдающийся деятель Петровской эпохи, историк, философ, дипломат, администратор В. Н. Татищев (1686–1750) в своих сочинениях рассматривал широкий круг проблем, связанных с психологией человека. Его главная работа, представлявшая психологические воззрения автора, — «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733). Она была написана в жанре

диалога и содержала 120 вопросов и соответствующих им ответов. До публикации этого сочинения в 1887 г. оно имело широкое хождение в списках по России весь XVIII в. и большую часть XIX столетия [11: с. 58].

По мнению Татищева, человек должен стать важнейшим объектом познания, что в конечном итоге приведет к полноценному пониманию основ мироздания. При этом самого человека Татищев представлял телесно-духовным существом в противовес тем взглядам, которые господствовали в психологической мысли XVII–XVIII вв. и описывали душу и тело как отдельные субстанции, часто противоположные и ведущие внутреннюю борьбу [29: с. 76].

Татищев отмечал, что человек может познавать (ощущать и воспринимать) окружающий мир благодаря наличию у тела пяти чувств, а именно: зрения, «слышания», «вкушения», обоняния и ощущения. При этом благополучие физических сил и телесных органов благоприятно сказывается на человеческой душе, которая на основе указанных чувств способна получать ясные представления об окружающем мире. Татищев указал, что душа, так же как и тело, имеет свои «орудия» или «силы», к которым относил ум и волю (хотение). От этих орудий зависит человеческое поведение, его отношение к миру, как позитивное, так и негативное. В понимание воли просветитель включил также чувства (страсти), что фактически указывает на существование эмоционально-волевой сферы человека. При этом Татищев сделал акцент на том, что воля должна контролироваться разумом человека. В своем трактате он уведомляет, что «человеку о спокойствии души паче всего прилежать, дабы в жизни непотребными и вредительными от необузданной воли попечениями не отягочать...» [29: с. 78]. Человек может прилежным познанием себя достигать необходимого ему в жизни «спокойствия души».

Говоря о когнитивной сфере человека, ученый предложил различные трактовки понятий «ум» и «разум». Татищев не первый, кто отличал эти два понятия друг от друга. В западноевропейской традиции, восходящей еще к Фоме Аквинскому, ум определяется как совокупность всех духовных компонентов человека, а разум — как способность

формировать рассуждения, сравнивать их и делать выводы [29: с. 9]. Татищев в основу различия этих понятий положил природный и социальный компоненты: ум определялся им как природная основа души, присущая любому человеку, а разум — это качественно исправленный и хорошо образованный ум. Другими словами, разумом обладает человек, получивший качественное образование. Татищев указывал также на взаимосвязь познавательных процессов, в частности памяти, мышления и воображения, благодаря чему ум человека и «действие ума» приобретают творческий характер и влияют на развитие литературных, математических и других способностей [29: с. 10]. Представитель петровской «ученой дружины» обратил внимание на индивидуальные различия в способностях людей, основой которых, по его мнению, являются наследственные факторы, состояние здоровья, традиции и особенности воспитания. Эти и многие другие психологические взгляды и идеи Татищева перекликаются с современными представлениями о природе и деятельности психических процессов, об индивидуальных различиях между людьми и носят, в отличие от предшественников, светский характер.

Российские просветители XVIII в. вступили в полемику с известными и авторитетными европейскими мыслителями, в частности по проблеме взаимоотношений души и тела. Достаточно полно данный вопрос раскрыт в работах московского профессора Д. С. Аничкова (1733–1788), которого интересовала взаимосвязь природных и психических компонентов жизни человека. Данная проблема стала ключевой в следующих работах просветителя: «Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений» (1770), «Слово о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого» (1774), «Слово о невещественности души и из одного происходящем ее бессмертии» (1777), «Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих» (1783) [12: с. 134–184].

Как отмечал А. М. Болдырев, в своих сочинениях Аничков полемизирует с картезианским

дуализмом, критикует идеи Г. В. Лейбница, находя в его взглядах немало логических противоречий [5: с. 31–37]. По мнению русского мыслителя, человек — это целостное существо, в котором взаимодействуют важнейшие и тесно связанные между собой компоненты — душа и тело. Так, он пишет, что «взаимное соединение души и тела человеческого есть не что иное, как зависимость понятий, которыми мы вещи, вне нас находящиеся, себе представляем, от перемен, собывающихся в теле нашем, а особливо в чувственных наших органах» [12: с. 163–164]. Связь эта вполне естественна и происходит без участия Бога. Кроме того, субстанции мышления и протяжения также не могут быть изолированы друг от друга, обе они участвуют в процессе человеческой жизнедеятельности, и границы между ними весьма условны.

В первой половине XVIII в. эту мысль отстаивал просветитель, участник Петровской «ученой дружины» А. Д. Кантемир (1708–1744), которому принадлежит следующее, сделанное в категоричной форме высказывание: «Я в своей натуре двойного существа не знаю... человек один оба существа (душу и тело. — *Е. К.*) сии в себе имеет...» [13: т. 2, с. 51]. По мнению Д. В. Иванова, кантемировский, вполне психологический, взгляд на человека стал основой для возникновения термина «кантемировский человек», который представляет собой целостное, телесно-духовное существо, живущее в гармонии с природой и окружающим миром, имеющий существенные возможности памяти, воображения, воли, эмоций и чувств, с уникальными возможностями мышления [10: с. 89]. Научный трактат Кантемира «Письма о природе и человеке» (1744) можно с полной уверенностью назвать психологическим произведением, содержащим анализ особенностей психических процессов, их роли в жизнедеятельности человека и возможностей развития. Особый акцент просветитель делает на стремлении человека к самопознанию, которое ведет к гармонии души и тела, внешней и внутренней природы человека и достижению добродетели. Кантемир высказывал веру в улучшение человека с помощью воспитания, чтобы укрепить слабого по природе человека, направить его на путь общей пользы [13: т. 1, с. 151].

Родоначальником материалистического направления в отечественной психологии по праву считается великий русский ученый М. В. Ломоносов (1711–1765). С точки зрения современных исследователей, опираясь на теории Декарта, Спинозы, Локка, Лейбница, своего научного руководителя и ректора университета Марбурга Хр. Вольфа, который был почетным зарубежным профессором Петровской академии наук, а также других европейских мыслителей, Ломоносов впервые выстроил системную материалистическую концепцию психической жизни человека, которая охватывает все ее значимые стороны: от элементарных ощущений до сложных эмоций и чувств [16: с. 87–89; 15: с. 318].

Основой возникновения ощущений Ломоносов считал воздействие физического мира на нервные окончания в органах чувств, а возникающие при этом движения, согласно законам механики, передаются по нервам к головному мозгу. Именно так он описал ощущения разных модальностей (зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные, вкусовые), указал на их связь между собой, заложив тем самым основы психофизиологии. Русский мыслитель отвергал вольфианскую теорию о врожденных идеях, вместо локковских первичных и вторичных качеств, предлагал общие и частные, которые могут быть заметны всем и не определяемы, поскольку недоступны открытому взору.

По мнению Д. В. Иванова и Н. А. Галюк, психологические воззрения Ломоносова являются необходимой составляющей естественно-научного мировоззрения, поскольку они складывались в ходе его собственной научной и практической деятельности, соответственно его личностным запросам и установкам [11: с. 64].

Ряд современных исследователей отмечают особый вклад Ломоносова в риторiku с обоснованием необходимости учета индивидуальных и возрастных особенностей людей в процессе общения с ними [22: с. 174]. В «Кратком руководстве к красноречию» (1748) Ломоносов составил памятку для наблюдения за проявлениями эмоций в психологии человека. Он считал, что необходимо учитывать пол, возраст, воспитание человека, «ибо кто к чему

привык, от того отвратить трудно» [17: с. 168], общее развитие и индивидуальные различия.

В своих психологических размышлениях по поводу слова оратора Ломоносов особо подчеркивал эмоциональный контекст и указывал на необходимость изучения страстей. Он выделил в страстях три компонента: эмоциональный (удовольствие или неудовольствие), волевой (желание или отвращение) и физиологический (движение крови). Ломоносов представил тщательное описание отдельных страстей, среди которых радость, печаль, удовлетворение, раскаяние, стыд, гнев, любовь, ненависть и другие. Важнейшими характеристиками страстей Ломоносов назвал противоречивость и динамизм, возможность одновременного переживания противоположных страстей, например ярости и отчаяния. Главным средством воздействия на страсть, по мнению ученого, является ум. В истории отечественной психологической мысли отмечается, что ломоносовское преодоление дуализма разума и страстей как мотивов человеческих поступков положило начало традиции русской материалистической мысли, а именно «борьбе за единство человеческой личности» [19: с. 163]. Единству человеческого существа служит и теснейшая взаимосвязь его мышления и речи.

Показательными для развития психологических представлений XVIII столетия в России могут служить ломоносовские правила творческого воображения, согласно которым создание новых вымыслов (образов) происходит путем переработки имеющихся в предшествующем опыте (сочетание двух образов, изъятие отдельных частей из целостного представления о предмете, увеличение их, превращение одного в другой, переложение из одного времени в другое) [17: с. 225–232]. Представления о сущности и роли воображения являются важной составной частью ломоносовского системного учения о человеке в процессе познания.

Во многих своих трудах (письмах, официальных записках, отчетах) Ломоносов выступал как составитель психологических портретов знакомых ему ученых, литераторов, общественных деятелей, которым давал яркие характеристики. Таким образом, его по праву

можно назвать психологом, который подверг научному анализу многие психологические явления, идеи которого не потеряли актуальности до сих пор.

Идеи и взгляды Ломоносова развивал русский мыслитель Я. П. Козельский (1728 – ок. 1794), который представил в своих трактатах практически всю проблематику психологии XVIII в. Считается, что именно Козельский впервые ввел в литературу термин «психология» [28: с. 346]. В своих «Философических предложениях» (1768) он делил философию на онтологию (учение о бытие и его законах) и психологию, которую определял как науку о душе [12: с. 453]. Сочинение Козельского продолжает традиционный жанр диалога просвещающегося и просветителя, как и ранее у Татищева, поскольку перед автором стоит важная задача — представить в конкретике знания основные научные понятия [11: с. 77]. Основами человеческой души, ее тремя силами, Козельский считал «чувствие, рассуждение и умствование». Как и многие его современники, он был материалистом (и сенсуалистом), считающим, что все человеческое познание начинается с органов чувств.

Ученый обращался к индивидуальным особенностям человека, в частности к проблеме темперамента [12: с. 504–508], поскольку, по мнению Р. С. Апенюк (Черкасовой), считал, что человек раскрывается в общественной деятельности с помощью тех качеств, которые полезны обществу [3: с. 119].

Огромную роль в развитии психологических знаний в России сыграл выдающийся отечественный просветитель А. Н. Радищев (1749–1802), в сочинениях которого, как верно отметил А. В. Петровский, «русская материалистическая психология достигла высшей степени своего развития» [21: с. 4]. Радищев, будучи европейски образованным человеком, уже пользуется понятием «психология», рассматривая ее как науку о душе в своем сочинении «Филарет Милостливый» (1790) [23: с. 253]. Он был хорошо знаком с трудами Декарта, Гоббса, Спинозы, Локка, Лейбница и многих других европейских мыслителей, он ссылался на них в своих произведениях. По замечанию историков психологии, его научные позиции близки взглядам Татищева,

Кантемира и Ломоносова [1: с. 54]. С точки зрения А. И. Болдырева, «эта близость выразилась не столько в схожести конечных теоретических выводов, сколько в общности направления философских интересов, в способе постановки проблем» [5: с. 47].

Как материалист, Радищев отрицал существование души как самостоятельной и независимой от тела субстанции. Данной проблеме посвящен его философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанный им в Илимске во время сибирской ссылки в 1792–1796 гг., сердцевину которого, по меткому определению М. В. Соколова, «составляет его материалистическое содержание» [28: с. 363]. В объяснении природы душевных явлений ярко проявилась материалистическая позиция Радищева. Рассуждая о проблеме существования души после смерти, просветитель указал на то, что душа может существовать только при наличии развитых мозга, нервной системы и органов чувств. Таким образом, неудивительно, что Радищев определял психику как функцию органов человеческого тела — нервов и мозга.

Просветитель указывал на наличие у человека индивидуального сознания и особую роль в его формировании языка и речи, большое внимание уделял проблеме способностей. По мнению Ю. Н. Олейника, он фактически начинает участвовать в решении важной проблемы XVIII в., связанной с выявлением причин индивидуально-психологических различий [22: с. 179]. Радищев особо подчеркивал значимость как природных, так и социальных факторов для развития человека, уверенный, что последний «рожден для общежития» и стремится к совершенствованию себя [23: с. 421]. В целом идеи и мысли Радищева, как считают некоторые ученые, оставили глубокий след в умах его современников и потомков, обращавшихся к этим страницам истории отечественной психологии [19: с. 250].

В самом конце XVIII столетия, в 1796 г. появляется сочинение И. М. Кандорского (ум. 1826 г.) «Наука о душе, или Ясное изображение ее совершенств, способностей и бессмертия»² [18: с. 168–219], в котором

автор обстоятельно излагает накопившиеся к этому времени научные знания в определенной системной последовательности, вносит свой вклад в формирование профессионального психологического тезауруса. Взгляды Кандорского были сформированы под влиянием английского эмпиризма (Локк и др.). Психическое выступает у него в зависимости от внешнего мира, от ощущений и мышления [18: с. 174; 176]. Важную роль, по мнению Кандорского, играет воображение, от которого происходит память, существенная составляющая психической жизни человека. Он отмечает существенное значение борьбы чувственных и разумных желаний, указывая на приоритетность человеческой воли [18: с. 191–192]; особо останавливается на проблеме способностей человека, его склонностях и навыках [18: с. 194–209]. В них он видит возможности для совершенства человеческого естества, условия для самораскрытия, достижения полноты бытия и благополучия. Обращает внимание на типы темперамента, присущие индивидам, но основным показателем в их различиях и характеристиках видит кровь и ее основные качества [18: с. 199]. Сочинение Кандорского показывает, что психология становится эмпирической, подготавливается основание для последующих шагов к выделению ее как самостоятельной науки, хотя до этого остается более чем полвека.

В целом можно отметить, что в XVIII столетии в России появляются работы, которые содержат взаимосвязанные вопросы и раскрывающиеся здесь понятия психологического характера. Психологические понятия рассматриваются системно, возникает определенная база для последующего обсуждения предметной области психологии. В работах отечественных просветителей присутствует самостоятельность суждений и критичность по отношению к психологическим изысканиям западноевропейских авторов.

И. М. Кандорский долгое время был известен как Иван Михайлов, пагкратиевский диакон [1: с. 52–54]. В ряде лекционных курсов он до сих пор упоминается под указанным псевдонимом [30: с. 26].

² Б. Г. Ананьев назвал это сочинение первой русской книгой по психологии. В истории науки

Заключение

Для России XVII–XVIII вв. — период превращения страны в великую державу. Это время сыграло особую роль в становлении отечественной психологической мысли. Как верно писал Б. Г. Ананьев, российские мыслители с их постоянным интересом к проблемам сознания, мышлению и способностям человека подготовили почву к выделению психологии из философского знания [2: с. 47]. Мыслители, просветители, ученые XVII–XVIII вв. понимали необходимость психологически обоснованных данных для описания и изучения человека, единого профессионального

тезауруса. Русская научная психология, благодаря своей оригинальности, самостоятельности и критичности, стала заметной на фоне общественной мысли, привлекала все более устойчивое внимание со стороны мыслителей, ученых, просветителей. Без всякого сомнения можно констатировать сложившуюся в течение столетий преемственность психологических взглядов, ставших основой дальнейшего развития отечественной психологической мысли. Общей тенденцией стал переход к материалистическому обоснованию психологических проблем, понимание реально присутствующих индивидуальных особенностей человека и вопросов его развития.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков: монография. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Ананьев Б. Г.** Русская научная психология и ее роль в мировой психологической науке // Советская педагогика. 1945. № 3. С. 47–56.
3. **Апенюк (Черкасова) Р. С.** Проблема души в русской философии XVIII века // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 6. С. 119–126.
4. **Апенюк (Черкасова) Р. С.** Развитие отечественной философско-психологической мысли в XVII в. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 260–263.
5. **Болдырев А. И.** Проблема человека в русской философии XVIII века: монография. М.: МГУ, 1986. 120 с.
6. Всемирная история: в 10 т. Т. 5. / [отв. ред. Я. Я. Зутис]. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 782 с.
7. **Гуменская О. М.** Очерки по истории отечественной психологии: учеб. пособие. Вып. 1. История психологической мысли на Руси (X–XVII вв.). Саратов: Научная книга, 2006. 68 с.
8. **Ждан А. Н.** История психологии: от Античности до наших дней. М.: МГУ, 1990. 367 с.
9. **Иванов Д. В.** Естественное право как основа профессионального образования и становления человека // Профессиональное образование в современном мире. 2014. № 1 (2). С. 27–32.
10. **Иванов Д. В.** Психологическая мысль в России в начале XVIII в. // Системная психология и социология. 2015. № 1 (13). С. 83–93.
11. **Иванов Д. В., Галюк Н. А.** Введение в историю психологии профессионального образования: учеб. пособие. Новосибирск: НГПУ, 2020. 160 с.
12. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. Т. 1 / [под общ. ред. и вступ. ст. И. Я. Щипанова]. М.: Госполитиздат, 1952. 711 с.
13. **Кантемир А. Д.** Сочинения, письма и избранные переводы: в 2 т. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1867–1868.
14. **Клыпа О. В.** Психологические воззрения в культуре Древней Руси: монография. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. 272 с.
15. **Кольцова В. А.** История психологии: проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
16. **Кузьмин Е. С., Якунин В. А.** Развитие психологии в XVII–XIX веках: учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1982. 112 с.
17. **Ломоносов М. В.** Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.: АН СССР, 1952. 996 с.
18. Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века: сб. / подгот. текстов, вступ. ст. Т. В. Артемьевой. СПб.: Наука, 1996. 316 с.
19. Очерки по истории русской психологии: сб. трудов / [под ред. М. В. Соколова]. М.: МГУ, 1957. 368 с.

20. **Пелех П. М.** Психология в Киево-Могилянской Коллегии XVII века: автореф. ... канд. психол. наук. Киев, 1949. 18 с.
21. **Петровский А. В.** Психологические воззрения А. Н. Радищева: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1950. 13 с.
22. Психологическая мысль России: век Просвещения: монография / [отв. ред. В. А. Кольцова]. СПб.: Алетей, 2001. 376 с.
23. **Радищев А. Н.** Избранные сочинения / [вступ. ст. Г. П. Макогоненко]. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. LXIII, 856 с.
24. **Робинсон Д. Н.** Интеллектуальная история психологии: монография. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.
25. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
26. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии, 2017. 356 с.
27. **Смирнов А. А.** Развитие и современное состояние психологической науки в СССР: монография. М.: Педагогика, 1976. 352 с.
28. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография. М.: АП РСФСР, 1963. 420 с.
29. **Татищев В. Н.** Разговор о пользе наук и училищ / с предисловием и указателями Нила Попова. М.: Унив. тип., 1887. 171 с.
30. **Фоминых Е. К., Пучкова И. М.** История психологии: Развитие отечественной психологии: учеб. пособие. Казань: КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 150 с.
31. **Хёйстад У. М.** История души: от Античности до современности: монография. М.: Текст, 2019. 447 с.
32. **Ярошевский М. Г.** История психологии: монография. М.: Мысль, 1966. 565 с.

References

1. **Anan'ev V. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov: monografiya [Essays on the history of Russian psychology in the XVIIIth and XIXth centuries: monograph]. M.: OGIZ, 1947. 168 p.
2. **Anan'ev V. G.** Russkaya nauchnaya psixologiya i ee rol' v mirovoj psixologicheskoy nauke [Russian scientific psychology and its role in world psychological science] // Sovetskaya pedagogika [Soviet Pedagogy]. 1945. № 3. P. 47–56.
3. **Apenok (Cherkasova) R. S.** Problema dushi v russkoj filosofii XVIII veka [The problem of the soul in Russian philosophy of the XVIII century] // Social'no-e'konomicheskie yavleniya i processy' [Social-Economic Phenomena and Processes]. 2015. Vol. 10. № 6. P. 119–126.
4. **Apenok (Cherkasova) R. S.** Razvitie otechestvennoj filosofsko-psixologicheskoy my'sli v XVII v. [The development of Russian philosophical and psychological thought in the XVIIth century] // Social'no-e'konomicheskie yavleniya i processy' [Social-Economic Phenomena and Processes]. 2014. Vol. 9. № 11. P. 260–263.
5. **Boldy'rev A. I.** Problema cheloveka v russkoj filosofii XVIII veka: monografiya [The problem of man in Russian philosophy of the XVIII century: monograph]. M.: MGU, 1986. 120 p.
6. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 5. [World history: in 10 volumes. Vol. 5] / [otv. red. Ya. Ya. Zutis]. M.: Izd-vo social'no-e'konomicheskoy literatury', 1958. 782 p.
7. **Gumenskaya O. M.** Ocherki po istorii otechestvennoj psixologii: ucheb. posob. Vy'p.1. Istoriya psixologicheskoy my'sli na Rusi (X–XVII vv.) [Essays on the history of domestic psychology: a textbook. Issue 1. History of psychological thought in Russia (X–XVII centuries)]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. 68 p.
8. **Zhdan A. N.** Istoriya psixologii: ot Antichnosti do nashix dnei [History of psychology: from Antiquity to the present day: textbook]. M.: MGU, 1990. 367 p.
9. **Ivanov D. V.** Estestvennoe pravo kak osnova professional'nogo obrazovaniya i stanovleniya cheloveka [Natural law as a basis for professional education and human development] // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire [Professional Education in the Modern World]. 2014. № 1 (2). P. 27–32.
10. **Ivanov D. V.** Psixologicheskaya my'sl' v Rossii v nachale XVIII v. [Psychological thought in Russia at the beginning of the XVIIIth century] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems Psychology and Sociology]. 2015. № 1 (13). P. 83–93.

11. **Ivanov D. V., Galyuk N. A.** Vvedenie v istoriyu psixologii professional'nogo obrazovaniya: ucheb. posob. [Introduction to the history of the psychology of vocational education: textbook]. Novosibirsk: NGPU, 2020. 160 p.
12. Izbranny'e proizvedeniya russkix my'slitelej vtoroj poloviny' XVIII veka: v 2 t. T. 1 [Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century: in 2 vols. Vol. 1] / [pod obshh. red. i vstup. st. I. Ya. Shhipanova]. M.: Gospolitizdat, 1952. 711 p.
13. **Kantemir A. D.** Sochineniya, pis'ma i izbranny'e perevody': v 2 t. T. 2 [Works, letters and selected translations: in 2 volumes. Vol. 2]. SPb.: Tip. I. I. Glazunova, 1868. 460 p.
14. **Kly'pa O. V.** Psixologicheskie vozzreniya v kul'ture Drevney Rusi: monografiya [Psychological views in the culture of Ancient Russia: monograph]. Petrozavodsk: PetrGU, 2015. 272 p.
15. **Kol'czova V. A.** Istoriya psixologii: problemy' metodologii: monografiya [History of psychology: problems of methodology: monograph]. M.: IP RAN, 2008. 512 p.
16. **Kuz'min E. S., Yakunin V. A.** Razvitie psixologii v XVII–XIX vekax: ucheb. posobie [The development of psychology in the XVIIth–XIXth centuries: textbook]. L.: LGU, 1982. 112 p.
17. **Lomonosov M. V.** Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t. T. 7. Trudy' po filologii, 1739–1758 gg. [Complete works: in 11 volumes. Vol. 7. Works on philology, 1739–1758]. M.: AN SSSR, 1952. 996 p.
18. My'sli o dushe. Russkaya metafizika XVIII veka: sb. [Thoughts about the soul. Russian metaphysics of the 18th century: collection] / podgot. tekstov, vstup. st. T. V. Artem'evoy. SPb.: Nauka, 1996. 316 p.
19. Ocherki po istorii russkoj psixologii: sb. trudov [Essays on the history of Russian psychology: a collection of works] / [pod red. M. V. Sokolova]. M.: MGU, 1957. 368 p.
20. **Pelex P. M.** Psixologiya v Kievo-Mogilyanskoj Kollegii XVII veka: avtoref. ... kand. psixol. nauk [Psychology in the Kiev-Mohyla Collegium of the XVIIth century: abstract of the dissertation ... candidate of psychological sciences]. Kiev, 1949. 18 p.
21. **Petrovskij A. V.** Psixologicheskie vozzreniya A. N. Radishheva: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Psychological views of A. N. Radishchev: abstract of the dissertation ... candidate of pedagogical sciences]. M., 1950. 13 p.
22. Psixologicheskaya my'sl' Rossii: vek Prosveshheniya: monografiya [Psychological thought in Russia: the age of Enlightenment: monograph] / [otv. red. V. A. Kol'czova]. SPb.: Aletejya, 2001. 376 p.
23. **Radishhev A. N.** Izbranny'e sochineniya [Selected works] / [vstup. st. G. P. Makogonenko]. M.; L.: Goslitizdat, 1949. LXIII, 856 p.
24. **Robinson D. N.** Intellektual'naya istoriya psixologii: monografiya [Intellectual history of psychology: monograph]. M.: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy', 2005. 568 p.
25. **Ry'zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my'sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Ways and patterns]. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
26. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie tekhnologii, 2017. 356 p.
27. **Smirnov A. A.** Razvitie i sovremennoe sostoyanie psixologicheskoy nauki v SSSR: monografiya [Development and current state of psychological science in the USSR: monograph]. M.: Pedagogika, 1976. 352 p.
28. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskix vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekax: monografiya [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries: monograph]. M.: AP RSFSR, 1963. 420 p.
29. **Tatishhev V. N.** Razgovor o pol'ze nauk i uchilishh [A conversation between two friends about the benefits of schools] / s predisloviem i ukazatelyami Nila Popova. M.: Univ. tip., 1887. 171 p.
30. **Fominy'x E. K., Puchkova I. M.** Istoriya psixologii: Razvitie otechestvennoj psixologii: ucheb. posobie [History of psychology: Development of domestic psychology: textbook]. Kazan': KGU im. V. I. Ul'yanova-Lenina, 2007. 150 p.
31. **Xyojstad U. M.** Istoriya dushi: ot Antichnosti do sovremennosti: monografiya [History of the soul: from Antiquity to the present: monograph]. M.: Tekst, 2019. 447 p.
32. **Yaroshevskij M. G.** Istoriya psixologii: monografiya [History of psychology: monograph]. M.: My'sl', 1966. 565 p.

УДК 159.9.01

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.09

**ПРОБЛЕМА СПОСОБНОСТЕЙ
В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ)**

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье показано, что отечественная психологическая мысль первой половины XVIII в. фокусировала внимание на потенциальных возможностях человека петровского времени, который обнаруживал готовность трудиться на благо отечества. Предлагается учитывать в качестве исторических источников, представляющих рефлексивное знание в истории отечественной психологической мысли воинские и исторические песни, сказки, позволяющие увидеть востребованные обществом способности человека. Отмечается, что актуальными становятся общие способности, среди которых готовность к борьбе, событийному обучению, ручная умелость, владение искусством и профессиональным мастерством. Показано, что одним из истинных подвижников просвещения того времени явился Феофан Прокопович, организовавший свой кружок, вошедший в историю как «Ученая дружина Петра». Подчеркивается, что прогрессивно ориентированный мыслитель, имевший опыт прочтения систематического курса лекций по психологии, выдвинул ряд идей и теорий, системно взаимосвязанных между собой, признавая достижения естествознания и выделяя в качестве основной обязанности человека занятия благородными искусствами — философией и поэзией. Прокопович различает способности, одаренность и образование человека, но рассматривает их как единство нравственного и деятельного начала. Видит необходимость в морально-нравственном воспитании способного человека, стремящегося стать благополучным. В статье показано, что в первой половине XVIII столетия в отечественной психологической мысли обозначились определенные пути рассмотрения и решения проблемы человеческих способностей.

Ключевые слова: системные идеи; просветительство; «дарования природные»; человеческие способности; ручная умелость; борцовскость; юнак; воинские и исторические песни; сказки, архетипическая ситуация; человек петровского времени; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Проблема способностей в работах российских просветителей первой половины XVIII в. Феофан Прокопович (системный анализ) // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 100–110. DOI: 10.25688/2223-6872. 2023.45.1.09

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

**THE PROBLEM OF ABILITIES
IN THE WORKS OF RUSSIAN ENLIGHTENERS
OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY. FEOFAN PROKOPOVICH
(SYSTEM ANALYSIS)**

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article shows that the domestic psychological thought of the first half of the XVIII century focused attention on the potential capabilities of a person of Peter the Great's time, who showed a willingness to work for the "good of the Fatherland". "Military" and historical songs and fairy tales are proposed to take into account as historical sources representing reflexive knowledge in the history of Russian psychological thought, which make it possible to see the need to identify the abilities required by society in a person. It is noted that general abilities, including readiness to fight, event-based learning, manual skills, desire to master art and professional skills are becoming relevant. Feofan Prokopovich, who organized his circle, which made history as the "Scientific Squad of Peter" is shown to be one of the true ascetics of the enlightenment of that time. It is emphasized that a progressively oriented thinker, who had experience of reading a systematic course of lectures on psychology, put forward a number of ideas and theories that are systemically interconnected, recognizing the achievements of natural science and highlighting as the main duty of a person — the pursuit of noble arts — philosophy and poetry. Prokopovich distinguishes between the abilities, giftedness and education of a person, but considers them as a unity of moral and activity principles. He sees the need for moral education of a capable person who aspires to become "prosperous". The article shows that in the first half of the XVIII century, certain ways of considering and solving the problem of human abilities were outlined in Russian psychological thought.

Keywords: systemic ideas; enlightenment; "natural gifts"; "human abilities"; manual skill; wrestling; yunak; "military" and historical songs; fairy tales, archetypal situation; a man of Peter's time; a man fighting.

For citation: Ivanov D. V. The problem of abilities in the works of Russian enlighteners of the first half of the XVIII century Feofan Prokopovich (system analysis) // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 100–110. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.09

Ivanov Denis Vasilyevich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*
ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Проблема человека и его предельных возможностей всегда интересовала мыслителей различных исторических времен. Особый интерес к человеку возникал на сломе эпох, когда появлялась необходимость в рефлексии и обосновании характеристик человека, готового к широкомасштабным изменениям. Россия на рубеже XVII–XVIII столетий, а также в самом начале философского века (А. С. Пушкин) ощутила необходимость в выяснении тех характеристик

человека, которые могли быть востребованы в ходе возникших широкомасштабных социальных, политических и экономических изменений.

В настоящий момент, несмотря на некоторую представленность в научных изысканиях исторических аспектов проблемы способностей [25: с. 3; 28], история отечественной психологической мысли испытывает потребность в рассмотрении существовавших в начале философского века системных идей, которые касались потенциальных человеческих возможностей. Это позволяет в конечном итоге обосновывать значимый для современности

«синтез разносторонних знаний о человеке», благодаря чему сам человек открывается для науки разными гранями [23: с. 72], что также отражает пройденный отечественной психологией национальный, исторический путь [22: с. 238].

Историческое своеобразие петровского времени

В начале XVIII в. ставилась грандиозная задача — изменить жизненный уклад страны как в политическом, экономическом, так и в социальном плане. Преобразования должны были коснуться экономики, управления, военной организации, общества, его культуры и, что важно в конкретике самого философского века, просвещения. Царь-труженик Петр I решал серьезные геополитические задачи, связанные с кардинальными изменениями границ государства, выходом к морям и созданием из вчерашнего Московского царства Российской империи. Петровским «флотилиям мыслей и действий» необходим был простор для последующей их реализации. Требовалось развитие судостроения, оружейного дела и машиностроения, горно-металлургического производства, легкой промышленности и др. Назрела необходимость в изменении аппарата управления государством, создании всех новых связующих этот аппарат систем; появляется чиновничество. Возникает новая историческая реальность: создаются заводы, растет мануфактурное производство, активизируется торговля, появляются новые дороги и укрепляются города. Происходит слом вчерашнего быта, и меняется общая эстетика мировосприятия. Активно привлекаются сотни тысяч рук, как правило, крестьянских, к решению практических каждодневных задач. Усиливается эксплуатация населения, крепостная зависимость, приводящая к социальным волнениям, восстаниям [5: с. 371–373]. Уравниваются в правах бояре, владеющие вотчиной, и дворяне, получившие надель за службу. Поместье и вотчина стали именоваться недвижимой собственностью [5: с. 364]. Растет население страны, особенно в городах, как «прослойка рабочих людей», там, где создавалось мануфактурное

производство [5: с. 369]. Появляется морской порт, окно в Европу, культурно-промышленный центр — Санкт-Петербург, ставший в 1712 г. столицей русского государства. Активно развивается культура, тесно связанная с ростом в экономической жизни, социальными изменениями.

На фоне происходящих повсеместных изменений, открываются Навигационная (1701) и Артиллерийская (1701), Инженерная (1712) школы, Медицинское училище (1707), провинциальные школы, среди которых горные (мастера-металлурги), цифирные (горожане), гарнизонные (солдаты), епархиальные (духовные чины). На базе Навигационной школы в 1712 г. открывается Морская академия [5: с. 387]. Развивается типографское дело, переводятся и печатаются новые оригинальные книги различного назначения, азбуки и буквари, просветительская литература. В 1724 г. открывается Петербургская академия наук, объединившая в себе одновременно и научное сообщество, и высший учебный центр, функции которых дифференцировались [20: с. 21]. Ведется научная работа в области естествознания, юриспруденции, инженерного дела, истории и литературы, сельского хозяйства и экономики.

В глазах царя церковь утрачивает авторитет, он перестает считаться с ней при решении многих вопросов. Церковные иерархи, духовенство и их деятельность подпадают под контроль государства.

Историки психологии отмечают положительную взаимосвязь реформ Петра I и передовой общественно-философской и научной мысли [1: с. 34; 30: с. 190].

Рефлексия о душе человека становится доступной и светским мыслителям. Философская мысль освобождается от теологических оков средневековой ортодоксии. Геоцентрический принцип структурирования психологического знания постепенно, но все более явно уступает место антропоцентрическим представлениям в психологии.

Исследователи прямо говорят, что культурные изменения, произошедшие в первой половине XVIII в., оказались так велики, что «это время можно считать эпохой своеобразного русского Возрождения, в ходе которого

страна была вырвана из душного и темного, к тому же затянувшегося и потому еще более уродливого средневековья» [6: с. 74].

Однако, несмотря на значимые преобразования и Петровские реформы, когда у части свободного населения были востребованы естественно-научные представления о мире и новое миропонимание, оставались и те, кто придерживался старых идеологических и религиозных норм. Требовались усилия тех, кто возлагал особую надежду на активное продвижение идей образования, приводящих к глобальным изменениям в обществе и психологии человека, который с этим обществом связан. Появляется такой феномен, как просветительство — «философско-политическое течение, которое видело единственно возможное средство улучшения жизни общества в распространении образования и пропаганде знаний и в вытекающих из этого постепенных изменениях, реформах всех сторон социально-экономического и государственного уклада» [19: с. 8–9]. В отечественной истории осталась веха, написанная силами «Ученой дружины Петра» [6: с. 75; 8: с. 38].

В целом необходимо признать, что историческое своеобразие петровского времени, широкомасштабные изменения, происходившие в России, способствовали изменению общественной мысли, фокусированию внимания на потенциальных возможностях человека, который обнаруживал готовность трудиться на благо отечества, с которым связывали дальнейшее социально-экономическое развитие государства.

Способности человека петровского времени и их отражение в различных источниках

В новых исторических преобразованиях, происходивших в России Петру I был необходим человек нового типа с рационалистическим мировидением, открытым поведением, стремящийся ко всему новому, легко обучающийся, быстро перемещающийся по социальной лестнице, с авторским самосознанием, создатель и творец. Царю требовался человек, имеющий пригодность к конкретным

видам деятельности. О нем можно было судить по его способностям. Сам царь-труженик был склонен к реформаторству, просветительству, научному отношению к миру, к синтезу наук, ремесла и искусства [27: с. 173].

Историк В. О. Ключевский в свое время описывал таланты и способности царя, подчеркивал его интерес к новым занятиям и делам, приобретенную «необъятную массу технических познаний», знание до четырнадцати ремесел, петровскую гордость своим искусством [12: с. 29–30]. Русский историк отмечал, что весь свой век царь прожил «в постоянной и напряженной физической деятельности, вечно вращаясь в потоке внешних впечатлений», «развил в себе внешнюю восприимчивость, удивительную наблюдательность и практическую сноровку», «чувство царственного долга до самоотверженного служения» [12: с. 42; 43]. Важной способностью русского самодержца была его борцовскость — способность к борьбе, как к армейско-военной, общественно-полезной, так и к личностно-ценностной. Умение бороться являлось важным показателем присутствующих у русского человека общих способностей, отразившихся в истории народа, его литературе [10: с. 9–28]. Царь придавал большое значение воинской подготовке, готовности человека к борьбе и психологическим качествам, развиваемых у него благодаря ей (инициативность, активность, сообразительность, товарищество) [7: с. 19]. Сам, имевший различные дарования и способности, Петр I искал их проявления и у других: он лично проводил военные игры, устраивал смотры, испытания тем, с кем встречался на своем жизненном пути [3: с. 238], привлекая их к движению своих «флотилий мыслей и действий». Сохранились многочисленные исторические и литературные источники, отразившие поиск «природных возможностей», «пригодностей» индивида, его борцовскости на жизненном пути, и заслуженный успех по результатам раскрытия человеком петровского времени своих способностей.

Системный анализ источников, которые имеют значение для отечественной истории психологической мысли, помогает обнаруживать смыслогенетическую ценность армейско-военной, личностно-ценностной,

общественно-полезной борьбы человека борющегося и показывает наличие архетипичности ситуации противоборства в российской ментальности.

Так, среди исторических источников, инсигнирующих борьбу и воспевающих образы героев-борцов, выделяются воинские песни, возникшие в XVIII столетии и дошедшие до наших дней. Хотя исследователи предполагают, что их истоки лежат в древности, когда княжеские дружины, совершавшие многочисленные военные походы, имели своих певцов, слагавших песни — «славы» в честь победителей, восхваляя князя и его храбрых воинов [14: с. 30].

Потребность в отражении успешной борьбы в песнях характерна для народа, испытавшего много трудностей в своей истории. Данный тип источников представляет собой повествовательные, мемуарные песни-воспоминания о походах, боях, взятии крепостей, а также о знаменитых полководцах и героях сражений [2: с. 404]. В воинских песнях прославляются хитроумные и смелые борцы — православный царь Петр Алексеевич и его успешно боровшиеся с неприятелем генералы, — походы «сильна армия», а также позже и А. В. Суворов, М. И. Кутузов, предводители казаков М. И. Платов, И. В. Падуров и др. [11: с. 375, 401, 434, 449].

Воинские песни по сюжету перекликаются с историческими, где более широко в своих элементах, сравнениях представлена армейско-военная, личностно-ценностная, общественно-полезная борьба в различных периодах жизни человека и общества.

В плане поиска царем человека нового типа — потенциального борца — развивается повествование в исторической песне, посвященной Петру I [21: с. 304]. Царь, «юный богатырь и телом и духом, каким он предстает перед нами в описаниях современников, на портретах живописцев, расправляет плечи и принимается за “настоящее дело”, тем более что “семена великих дел” начинают уже прорастать, давать всходы» [3: с. 243]. Поэтому неудивительно, что царь проявляет активный интерес к борьбе, ставя ее в основание собственного пути, не различая при этом личное и общественное.

По сюжету исторической песни царь лично проверяет «живость» борьбы в народе, осуществляет поиск народного таланта. Сама общественно-ценностная борьба с участием царя становится праздником, а «царя потешить» находится «молодой драгун лет пятнадцати». Здесь можно заметить, что юность в борьбе архетипична по своему участию, если обращать внимание, к примеру, на юнака-борца XIII в. Даниила Романовича из текстов Галицкой летописи или образ Егория Храброго, способных к борьбе и почитаемых героев, идеалов самой юношеской борьбы. Юнак — номинация молодого человека, борца в истории русского (древнерусского) языка, сохранившаяся ко времени создания летописных хроник. Юнак связывается с движением, желанием, борьбой. В произведении XV в. «Галеново из Гиппократа» специально подчеркивается скорость действий и воинственность юношей [15: с. 82; 16: с. 266]. Нужно признать, что человек выделялся в истории культуры и психологической мысли человеком борющимся. В данной же исторической песне исход борьбы царя с юнаком определяет грань существования последнего. «А я поборю, — предупреждает Петр, — казнить буду тебя» [11: с. 388].

Песня воспевает победу вечной юности в борьбе. Однако молодой драгун только обозначает свою победу, он не дает Петру упасть, и тот предлагает потешившему его молодцу сёла, деревни, золотую казну, но отпускает юнака, желающего вечной юности, на волю [11: с. 389].

Обращает на себя внимание ручная умелость как выражение способности молодого драгуна, которая подчеркивается искусным использованием его правой руки, подхватившей царя. Рука есть средство приближения к себе отдаленных объектов, действия с ними, а также символ власти, мера выраженности ее. Жесты руки могут быть прочитаны как тексты, как целые послания другим. Историк Д. О. Шеппинг в свое время особо подчеркивал значение рук в борьбе. В его представлении в славянском языке рука выражает заключающееся в этом слове древнейшее значение физической силы и власти над «сдержанным в руке предметом», поэтому древнерусское

выражение «быть под рукою» может быть понятно в смысле «быть под властью» [29: с. 253]. Подхваченный «правильной», «верной» рукой царь — это обозначенная мимолетность власти над предопределенностью, сиюминутная победа над судьбой, успешное претворение ручной умелости в жизнь.

Архетипическая ситуация в этом источнике предопределена все же фундаментальной потребностью вечной юности в борьбе, а образ человека борющегося восходит к идеалам древности, закрепившимся в народной памяти. Юнацкая борьба — это молодецкое, успешное по цели достижения, но часто также драматическое по характеру происходящего противоборство. Психологически значимой оказывается и сама юность борца («молодой драгун лет пятнадцати»), проявившего способность к ней, и его настрой на борьбу, готовность бороться, что явилось наличием искомой царем способности у «человека нового типа».

В другом источнике, представляющем интерес для оценки отечественного рефлексивного знания, — сказке, созданной в петровское время, «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли» [4: с. 517–530] показано, что особое внимание обращается на природные способности человека, таланты, проявляемые им в обучении, на его ручную умелость в борьбе и профессиональном деле, а не на его происхождение. Известно, что, осуществляя поиск человека нового типа, Петр I не обращал особого внимания на происхождение человека, его родовитость, поскольку в фокусе интересов самого царя была готовность к борьбе и служению на благо отчизны. Эта позиция находит свое отражение в литературе и искусстве того времени [5: с. 389].

Главный герой — галантный кавалер — выбирает путь моряка, овладевая необходимыми знаниями. Благодаря своему добродетельному характеру («нраву доброму»), способностям к обучению и профессиональному мастерству он заслуживает уважение австрийского цесаря, богатого купца и флорентийского короля. В результате реализации своих способностей Василий Кориотский обретает счастье и прекрасную королеву.

Герой проявляет себя в конкретике сложившихся обстоятельств, в ходе событийного обучения и воспитания, достигая профессионального мастерства. Очевидно, что запрос общества к обнаружению и выявлению способностей, а не к аристократическому происхождению человека совпадает с освоенным им ремесленным искусством, профессиональными и социальными навыками, благодаря которым он становится полезным своей отчизне. У слушателя появляется надежда на изменение своей судьбы и достижение успеха в жизни с помощью собственных способностей, как это получилось у главного героя повествования, добившегося человеческого счастья, которое отечественные просветители будут называть благополучием (В. Н. Татищев), философией истинного блаженства (А. Д. Кантемир, И. А. Крылов).

Современная история психологии показывает, что в плане понимания и изучения основ формирования психологической мысли прошлого ценными становятся сказки, воссоздающие идеи, интересовавшие человечество на протяжении столетий [13: с. 142]. К подобному роду исторических источников, представляющих рефлексивное знание в истории отечественной психологической мысли, могут быть отнесены также воинские и исторические песни. В них наглядно показано, как стоящие перед государством новые задачи проникают в народное творчество, осмысливаются и предстают в виде алгоритма действий для достижения жизненного успеха, в качестве самого прообраза жизни. Для человека петровского времени — человека нового типа — актуальными становятся общие природные способности, среди которых готовность к борьбе, событийному обучению, ручная умелость, овладение искусством и профессиональным мастерством.

Феофан Прокопович о человеке и его способностях

Знаковая в историческом плане, судьбоносная для страны деятельность Петра I обеспечила активный подъем общественной мысли, способствовала развитию интереса

к психологическим идеям о человеке, его душе и характере (норове), возможностях его совершенствования и воспитания.

Особый интерес представляет сподвижник Петра I, доктор богословия, профессор, псковский архиепископ Феофан (Елеазар) Прокопович (1681–1736), «человек высокой образованности и таланта» [9: с. 183], активно защищавший петровские преобразования, как, например, преобладание государственной власти над церковной [5: с. 387], что открывало путь для развития светской психологической мысли. Прокопович занимался вопросами воспитания юношества [20: с. 203]. Он ввел термин «общая польза», поднимавший значение и роль личностных качеств человека, как и хотел царь, вне зависимости от сословного происхождения. Как верно отмечает историк отечественной психологии Ю. Н. Олейник, общая польза становится мерилем ценности человека, его «индивидуальных свойств и особенностей поведения» [20: с. 169].

Прокопович как истинный подвижник просвещения имел свой кружок, который он назвал «Ученой дружиной Петра» [6: с. 75; 8: с. 38], что позволяло консолидировать силы заинтересованных в петровских преобразованиях мыслителей. Это нашло отклик среди передового дворянства — государственных деятелей, ученых и поэтов [6: с. 75].

Прокопович сформулировал ряд психологических идей и теорий, системно взаимосвязанных между собой. Еще в Киево-Могилянской академии, будучи профессором и ректором, он читал курс лекций по психологии [17: с. 88]. Исследователи отмечают, что курсы по психологии, которые читались профессорами в Киево-Могилянской академии, в том числе и Прокоповичем, «представляли собой определенную систему сведений и положений, охватывавшую почти все основные вопросы современной им психологии» [17: с. 88; 18: с. 14].

Сам Прокопович знал как традиционные схоластические, так и новейшие западноевропейские философские теории, подчеркивал, что психология должна изучать сущность возникающих психических явлений. Он обращал серьезное внимание на достижения

современного естествознания, полагая, что материальным субстратом души является определенным образом организованная материя — мозг человека, который имеет ряд функций (чувство, память, воображение, «оценочную силу», мышление). Человеческую душу Прокопович представлял как саму возможность живого тела быть жизнедеятельным [18: с. 5]. Душа способствует жизни, чувствам, движению и существованию человека. Здесь проявляются его душевные способности. Разумная человеческая душа есть сама возможность целенаправленной деятельности человека. Наблюдая отдельные операции, психология должна в последующем их обобщать, описывать эссенциальность (*essentiam*) самого начала (*principium*) — источник всех жизненных операций живых тел. Психология и определялась киевскими профессорами как наука о жизненных операциях живых тел [24: с. 255], что делало ее понятной для многих слушателей, уставших от средневековой ортодоксии.

В своих психологических изысканиях относительно потенциальных возможностей человека, которого, однако, он находил суетным, далеко бродящим «мечтанми» своими [26: с. 225], Прокопович использует понятия «дарования природные» и «человеческие способности» [26: с. 71, 345], которые должны быть у каждого человека и позволять по их присутствию определять степень их проявления. Он выделяет телесные блага для человека, среди которых статность, подвижность, быстрота и красота. В качестве душевных благ называет следующие: сметливость, память, способность суждения. Такие душевные качества, как храбрость, мудрость, справедливость в действиях, также служат характеристиками способностей человека в представлениях русского просветителя. Его человек способен к борьбе как армейско-военной, общественно полезной, так и лично значимой — геройской. Важной особенностью психологической системы представлений у Прокоповича является понимание им ценности («дары судьбы») воспитывающей среды, условий и окружения человека, заинтересованного в проявлении им своих лучших способностей [26: с. 376].

Особое внимание Прокоповича привлекают литературные способности человека,

и здесь он, европейски образованный ученый, идет вслед мыслителям-возрожденцам, первым гуманистам — Ф. Петрарке и К. Салютати, которые призвали человека на пути становления человеческого в нем заниматься философией и поэзией.

Прокопович признает, что философия рождена поэзией [26: с. 343] и она развивает способности «разумной» души человека. Обязанность при этом самого человека — заниматься благородными искусствами [26: с. 375], которые ранее гуманисты определяли как *studia humanitatis*.

Прокопович различает одаренность литературными способностями и отсутствие искусства в поэзии. Можно отметить, что Прокопович не отождествляет способности и одаренность человека со знаниями и образованием, видит их различия. Обращает внимание на необходимость соответствующего обучения человека для развития его способностей. Понимает, что степень дарования может лишь способствовать более успешному и быстрому получению необходимого знания.

Интересными для истории психологической мысли считаются и представления Прокоповича об эмоционально-волевой сфере личности — аффектах, которые он понимает как «волнения чувственной души, возникающей из мысли о добре и зле» (цит. по: [17: с. 89]), — и необходимых для их регулирования действиях, о влиянии слов на переживания человека. Историки психологии отмечают преемственность этих идей в психологических изысканиях у М. В. Ломоносова, его риторике [17: с. 89].

Прокопович, как и полагается просветителю, заботящемуся о распространении философско-психологических знаний, видит и необходимость в воспитании способного человека. Воспитание, с его точки зрения, должно быть морально-нравственным, соответствующим нравственным нормам, которые складывались на протяжении длительного исторического времени. Он усиленно напоминает о чувстве морального долга перед Богом, родителями и отечеством, выполнение которого создает у человека чувство бодрости и жизнерадостности («благополучия»).

В целом можно отметить, что сочинения Прокоповича, прогрессивные по своему

характеру и представленным проблемам, выполнили важную для своего времени задачу, связанную с систематизацией психологического знания, с распространением психологически значимых идей, учитывая потребности в них. Прокопович различает способности, одаренность и образование человека, но рассматривает их как единство нравственного и деятельностного начал в человеке. В его идеях и теориях присутствует описательность и определение понятий, что также способствовало в конкретике исторического времени развитию психологического знания о человеческих способностях.

Заключение

История психологической мысли первой половины XVIII в. показывает, что знаковая и судьбоносная для страны деятельность Петра I обеспечила активный подъем общественной мысли, способствовала развитию интереса к психологическим идеям о человеке, его душе, возможностям его совершенствования и воспитания. Рефлексия о душе человека в петровское время становится доступной и светским мыслителям.

Психологическая мысль фокусировала внимание на потенциальных возможностях человека, который обнаруживал готовность трудиться на благо отечества, с которым связывали дальнейшее социально-экономическое развитие государства. Для него актуальными становятся общие способности, среди которых готовность к борьбе, событийному обучению, ручная умелость, овладение искусством и профессиональным мастерством.

В качестве исторических источников, представляющих рефлексивное знание в истории отечественной психологической мысли, необходимо учитывать воинские и исторические песни, сказки, позволяющие видеть востребованные обществом способности человека.

Одним из истинных подвижников просвещения первой половины XVIII в. явился Феофан Прокопович, имевший свой кружок, вошедший в историю как «Ученая дружина Петра». Прокопович, имевший опыт прочтения систематического курса лекций по психологии,

выдвинул ряд психологических идей и теорий, системно взаимосвязанных между собой. Признавал достижения современного естествознания и выделял обязанность человека заниматься благородными искусствами — философией и поэзией.

В своих психологических изысканиях Прокопович использует понятия «дарования природные» и «человеческие способности», которые позволяют определять степень их проявления у человека по их присутствию. Прокопович различает способности, одаренность и образование, но при этом еще рассматривает

их как единство нравственного и деятельностного начал в человеке. Видит необходимость в морально-нравственном воспитании способного человека, формирующем в нем чувство морального долга перед Богом, родителями и отечеством, выполнение которого создает чувство бодрости и жизнерадостности («благополучия»).

В целом необходимо признать, что в первой половине XVIII в. в отечественной психологической мысли проблема человеческих способностей возникла благодаря широкому к ней интересу и обозначились определенные пути ее рассмотрения и решения.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Аникин В. П.** Русское устное народное творчество: учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. М.: Высш. шк., 2004. 735 с.
3. **Буганов В. И.** Мир истории: Россия в XVII столетии: монография. М.: Молодая гвардия, 1989. 320 с.
4. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести: сб. / авторы вступ. статей, сост. и коммент. В. П. Аникин, Д. С. Лихачев и Т. М. Михельсон; худож. И. Д. Архипов. М.: Детская литература, 1989. 638 с. (Б-ка мировой литературы для детей в 58 т. Т. 1.).
5. Всемирная история: в 10 т. Т. 5 [Новая история. (Середина XVII в. – конец XVIII в.)] / отв. ред. Я. Я. Зутис. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 783 с.
6. **Галактионов А. А., Никандров П. Ф.** Русская философия XI–XIX веков: монография. Л.: Наука, 1970. 652 с.
7. **Дьяченко М. И., Кандыбович С. Л., Караяни А. Г.** История отечественной военной психологии: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 488 с.
8. **Епифанов П. П.** «Ученая дружина» и просветительство XVIII века // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 37–53.
9. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в России XI–XX веков: монография. СПб.: Петрополис, 2015. 480 с.
10. **Иванов Д. В.** Представление о феномене борьбы в российской философско-психологической мысли (XIX – начало XX в.): монография. Иркутск: Изд-во ИРГСХА, 2006. 88 с.
11. Исторические песни. Баллады / [сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева]. М.: Современник, 1986. 622 с.
12. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. 4 / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. В. А. Александров, В. Г. Зимин. М.: Мысль, 1989. 398 с.
13. **Кольцова В. А.** История психологии. Проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
14. **Кусков В. В.** История древнерусской литературы. 6-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1998. 336 с.
15. Очерки по истории русской психологии: сб. / под ред. М. В. Соколова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. 368 с.
16. Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3 т. Т. 3. Московская Русь: сб. / [сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.
17. **Пелех П. М.** Переводные идеи в отечественной психологии в XVII и начале XVIII века // Известия АПН РСФСР. 1955. № 65. С. 81–89.
18. **Пелех П. М.** Психология в Киево-Могилянской Коллегии XVII века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1949. 18 с.
19. Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века: сб. / [отв. ред. П. М. Берков]. М.: АН СССР, 1961. 272 с.

20. Психологическая мысль России: век Просвещения: монография / под ред. В. А. Кольцовой. СПб.: Алетейя, 2001. 376 с.
21. Русские народные картинки: в 5 кн. Кн. 4. Примечания и дополнения / [собрал и описал Д. А. Ровинский]. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1881. 788 с.
22. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности: учеб. пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
23. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии, 2017. 356 с.
24. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография / предисл. Б. М. Теплов. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 420 с.
25. **Субботина Л. Ю.** Развитие предмета и метода психологии способностей (в отечественной науке с XVIII по XX век): дис. ... канд. психол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1986. 201 с.
26. **Феофан (Прокопович).** Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.: АП СССР, 1961. 502 с.
27. **Черная Л. А.** Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени: монография. М.: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
28. **Шадриков В. Д.** Эволюция взглядов на природу и сущность способностей // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 58–64.
29. **Шеппинг Д. О.** Мифы славянского язычества. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2008. 301 с.
30. **Ярошевский М. Г.** История психологии. М.: Мысль, 1966. 565 с.

References

1. **Anan'ev B. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov [Essays on the history of Russian psychology in the XVIIIth and XIXth centuries]. М.: OGIZ, 1947. 168 p.
2. **Anikin V. P.** Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo: ucheb. posobie [Russian oral folk art: textbook]. 2-е изд., ispr., dop. М.: Vy'sshaya shkola, 2004. 735 p.
3. **Buganov V. I.** Mir istorii: Rossiya v XVII stoletii: monografiya [World of history: Russia in the XVII century: monograph]. М.: Molodaya gvardiya, 1989. 320 p.
4. By'liny'. Russkie narodny'e skazki. Drevnerusskie povesti: sb. [Epics. Russian folk tales. Old Russian stories: collection] / avtory` vstup. statej, sost. i komment. V. P. Anikin, D. S. Lixachev i T. M. Mixel'son; xudozh. I. D. Arxipov. М.: Detskaya literatura, 1989. 638 p. (B-ka mirovoj literatury` dlya detej v 58 t. T. 1. [Library of world literature for children in 58 volumes. Vol. 1]).
5. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 5 [Novaya istoriya. (Seredina XVII v. – konec XVIII v.)] [World history: in 10 volumes. Vol. 5 [New history. (The middle of the XVII century – the end of the XVIII century)]] / otv. red. Ya. Ya. Zutis. М.: Izd-vo social'no-e'konomicheskoy literatury`, 1958. 783 p.
6. **Galaktionov A. A., Nikandrov P. F.** Russkaya filosofiya XI–XIX vekov: monografiya [Russian philosophy of the XI–XIX centuries: monograph]. L.: Nauka, 1970. 652 p.
7. **D'yachenko M. I., Kandy'bovich S. L., Karayani A. G.** Istoriya otechestvennoj voennoj psixologii: ucheb. posobie [History of domestic military psychology: textbook]. М.: Prospekt, 2021. 488 p.
8. **Epifanov P. P.** «Uchenaya družhina» i prosvetitel'stvo XVIII veka [“Scientific squad” and enlightenment of the XVIII century] // Voprosy` istorii [Questions of history]. 1963. № 3. P. 37–53.
9. **Zamaleev A. F.** Filosofskaya my'sl' v Rossii XI–XX vekov: monografiya [Philosophical thought in Russia XI–XX centuries: monograph]. SPb.: Petropolis, 2015. 480 p.
10. **Ivanov D. V.** Predstavlenie o fenomene bor'by` v rossijskoj filosofsko-psixologicheskoj my'sli (XIX – nachalo XX v.): monografiya [The idea of the phenomenon of struggle in Russian philosophical and psychological thought (XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk: Izd-vo IrGSXA, 2006. 88 p.
11. Istoricheskie pesni. Ballady` [Historical songs. Ballads] / [sost., podgot. tekstov, vstup. st. i primech. S. N. Azbeleva]. М.: Sovremennik, 1986. 622 p.
12. **Kol'czova V. A.** Istoriya psixologii. Problemy` metodologii: monografiya [History of psychology. Problems of methodology: monograph]. М.: IP RAN, 2008. 512 p.
13. **Kuskov V. V.** Istoriya drevnerusskoj literatury` [History of ancient Russian literature]. 6-е изд., ispr. i dop. М.: Vy'sshaya shkola, 1998. 336 p.
14. **Klyuchevskij V. O.** Sochineniya: v 9 t. T. 4 [Works: in 9 volumes. Vol. 4] / pod red. V. L. Yanina; poslesl. i komment. V. A. Aleksandrov, V. G. Zimin. М.: My'sl', 1989. 398 p.

15. Ocherki po istorii russkoj psixologii: sb. [Essays on the history of Russian psychology: collection] / pod red. M. V. Sokolova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1957. 368 p.
16. Pamyatniki obshhestvennoj my'sli Drevnej Rusi: v 3 t. T. 3. Moskovskaya Rus': sb. [Monuments of social thought of Ancient Rus': in 3 volumes. Vol. 3. Moscow Rus': collection] / [sost., avt. vstup. st. i komment. I. N. Danilevskij]. M.: ROSSPE'N, 2010. 720 p.
17. **Pelex P. M.** Perevodny'e idei v otechestvennoj psixologii v XVII i nachale XVIII veka [Translation ideas in Russian psychology in the XVIIth and early XVIIIth centuries] // Izvestiya APN RSFSR [News of the APN of the RSFSR]. 1955. № 65. P. 81–89.
18. **Pelex P. M.** Psixologiya v Kievo-Mogilyanskoj Kollegii XVII veka: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Psychology in the Kiev-Mohyla Collegium of the XVII century: author. dis. ... candidate of pedagogical sciences]. Kiev, 1949. 18 p.
19. Problemy` russkogo prosveshheniya v literature XVIII veka: sb. [Problems of Russian education in the literature of the XVIII century: collection] / [otv. red. P. M. Berkov]. M.: AN SSSR, 1961. 272 p.
20. Psixologicheskaya my'sl' Rossii: vek Prosveshheniya: monografiya [Psychological thought in Russia: the age of Enlightenment: monograph] / pod red. V. A. Kol'czovoj. SPb.: Aletejya, 2001. 376 p.
21. Russkie narodny'e kartinki: v 5 kn. Kn. 4. Primechaniya i dopolneniya [Russian folk pictures: in 5 books. Book. 4. Notes and additions] / [sobral i opisal D. A. Rovinskij]. SPb.: Tip. Imper. Akad. Nauk, 1881. 788 p.
22. **Ry'zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my'sli. Puti i zakonomernosti: ucheb. posobie dlya vy'sshix uchebny'x zavedenij [History of psychological thought. Ways and patterns: a textbook for higher educational institutions]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
23. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie texnologii, 2017. 356 p.
24. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskix vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekax: monografiya [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries: monograph] / predisl. B. M. Teplov. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 420 p.
25. **Subbotina L. Yu.** Razvitie predmeta i metoda psixologii sposobnostej (v otechestvennoj nauke s XVIII po XX vek): dis. ... kand. psixol. nauk [Development of the subject and method of the psychology of abilities (in domestic science from the XVIIIth to the XXth century): dis. ... candidate of psychological sciences] / LGU im. A. A. Zhdanova. L., 1986. 201 p.
26. **Feofan (Prokopovich).** Sochineniya [Works] / pod red. I. P. Eremina. M.: AP SSSR, 1961. 502 p.
27. **Chernaya L. A.** Russkaya kul'tura perexodnogo perioda ot Srednevekov`ya k Novomu vremeni: monografiya [Russian culture of the transitional period from the Middle Ages to the New Age: monograph]. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury`, 1999. 288 p.
28. **Shadrikov V. D.** E'voljuciya vzglyadov na prirodu i sushhnost` sposobnostej [Evolution of views on the nature and essence of abilities] // Nacional'ny'j psixologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. 2007. № 1 (2). P. 58–64.
29. **Shepping D. O.** Mify` slavyanskogo yazy`chestva [Myths of Slavic paganism]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: AST, 2008. 301 p.
30. **Yaroshevskij M. G.** Istoriya psixologii [History of psychology]. M.: My'sl', 1966. 565 p.

Информация

УДК 159.922.76+376-056.26

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.10

НАУЧНЫЙ ВКЛАД В. Г. ПЕТРОВОЙ В РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

В. В. Ткачева,
МПГУ, Москва,
vikt-tkacheva@yandex.ru

Информационная статья посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося советского, российского ученого, доктора психологических наук Веры Георгиевны Петровой. Представлены направления влияния научного наследия В. Г. Петровой на развитие специальной психологии и педагогики за рубежом.

Ключевые слова: В. Г. Петрова; специальная психология и педагогика; дети с интеллектуальными нарушениями; теоретико-методологические основы; диагностический инструментарий; коррекционные приемы.

Для цитаты: Ткачева В. В. Научный вклад В. Г. Петровой в развитие специальной психологии и педагогики // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 111–113. DOI: 10.25688/2223-6872. 2023.45.1.10

Ткачева Виктория Валентиновна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии Института детства Московского педагогического государственного университета, Москва.

E-mail: *vikt-tkacheva@yandex.ru*

UDC 159.922.76+376-056.26

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.10

V. G. PETROVA'S SCIENTIFIC CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF SPECIAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

V. V. Tkacheva,
MSPU, Moscow,
vikt-tkacheva@yandex.ru

The informational article is dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding Soviet, Russian scientist, Doctor of Psychological Sciences, Vera Georgievna Petrova. The directions of the influence of V. G. Petrova's scientific heritage on the development of special psychology and pedagogy abroad are presented.

Keywords: V. G. Petrova; special psychology and pedagogy; children with intellectual disabilities; theoretical and methodological foundations; diagnostic tools; correctional techniques.

For citation: Tkacheva V. V. V. G. Petrova's scientific contribution to the development of special psychology and pedagogy // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 111–113. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.10

Tkacheva Victoria Valentinovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogics and Clinical Foundations of Defectology at the Institute of Childhood at the Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

E-mail: *vikt-tkacheva@yandex.ru*

© Ткачева В. В., 2023

В декабре 2021 года отечественная дефектологическая общественность отметила 100-летие со дня рождения (8 декабря) талантливого педагога и психолога, популяризатора психологических знаний о детях с особенностями развития, доктора психологических наук Веры Георгиевны Петровой, автора многочисленных работ о проблемах развития детей с интеллектуальными нарушениями.

В течение многих лет Вера Георгиевна возглавляла лабораторию олигофренопедагогики Научно-исследовательского института дефектологии (Институт коррекционной педагогики Российской академии образования). Она читала лекции студентам московских вузов (МГПУ, Педагогической академии, МГОПУ им. М. А. Шолохова и др.). Вера Георгиевна была членом нескольких диссертационных советов: в НИИ дефектологии, Московском городском педагогическом университете, Нижегородском государственном педагогическом университете.

Из-под ее пера вышло более 140 научных статей и публикаций. Среди них популярные учебные пособия и книги «Практическая и умственная деятельность детей-олигофренов» (1968), «Психология умственно отсталых школьников» (2004), «Кто они, дети с отклонениями в развитии?» (2000), выполненные под ее редакцией и в соавторстве с ученицей и последователем — И. В. Беляковой. Идеи и научные положения, изложенные в этих книгах, а также в разделах неоднократно переиздававшихся учебников «Специальная психология» (2006), «Основы специальной психологии» (2008), формировали научные взгляды нескольких поколений отечественных дефектологов.

Коллеги В. Г. Петровой высоко ценили ее вклад в развитие отечественной олигофренопедагогики. Так, В. И. Лубовский, доктор психологических наук, академик Российской академии образования, считал В. Г. Петрову крупнейшим специалистом в области психологии умственно отсталых детей, особенно в сфере изучения проблем речевого развития данной нозологической группы лиц. Он писал: «В ее работах и в исследованиях учеников-аспирантов и соискателей были изучены

различные аспекты речевого развития умственно отсталых, особенности запоминания различного словесного материала и другие вопросы, при этом не только применительно к русским, но и другим национальностям Советского Союза»¹.

Вера Георгиевна за свой долгий путь в отечественной науке и практике подготовила множество аспирантов и докторантов, которые защитили под ее руководством диссертационные исследования. Среди них представители бывших советских республик (Литвы, Латвии, Белоруссии, Украины, Киргизии, Казахстана) и зарубежных стран (Сирии, Вьетнама, Перу).

Вера Георгиевна обладала удивительным просветительским даром. Она не только обучала профессии и раскрывала секреты психолого-педагогического мастерства, но и уделяла особое внимание формированию у своих учеников мировоззренческих взглядов и научных позиций отечественной дефектологической школы. Читая лекции, Вера Георгиевна рассказывала о том, как возникла и развивалась наша отечественная психологическая наука. Будучи современницей прошедшей эпохи, связующим звеном между прошлым и настоящим, Вера Георгиевна была знакома с многими отечественными учеными. Более того, советская, российская психологическая наука развивалась при ее деятельном участии.

¹ Памяти Веры Георгиевны Петровой. Сборник статей в память о В. Г. Петровой / сост. В. В. Воронкова; отв. ред. Г. В. Васенков, В. В. Воронкова. М.: Федоровец, 2011. С. 7–8.

Имя Веры Георгиевны было хорошо известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Уезжая на родину, ее ученики несли свои знания детям с особенностями развития. Ее научные идеи и труды оказали большое влияние на становление национальной психологической школы в Перу. Так, ее ученица Л. Арройо, вернувшись в родную Лиму, начала активно претворять в жизнь идеи своего наставника. В этой связи именно Вере Георгиевне Петровой принадлежит заслуга в том, что в Лиме так хорошо знают представителей отечественной психологической науки. Безусловно, эта международная просветительская деятельность не была конкретной целью Веры Георгиевны, но она считала своим долгом всегда делиться своими знаниями и передавать их своим ученикам.

В качестве путей влияния научного наследия В. Г. Петровой на развитие национальных психологических школ за рубежом, необходимо назвать следующие:

- популяризация теоретико-методологических основ отечественной российской психологической, педагогической и дефектологической науки за рубежом;
- использование организационных форм и приемов проведения процедуры исследования на основе опыта и результатов исследований российских ученых с помощью разработанного ими диагностического инструментария;
- применение коррекционных приемов, разработанных отечественными учеными, в практике оказания помощи детям с особенностями развития.

Вера Георгиевна всегда очаровывала людей своим удивительным обаянием, тонкостью ума, энциклопедическими знаниями, удивительной памятью, цитировала много стихов. С огромной теплотой говорила она об умственно отсталых детях, о том, что необходимо их еще более тщательно и глубоко изучать, чтобы помочь каждому из них. В доме Веры Георгиевны всегда было тепло, душевно. Каждое ее слово было наполнено искренностью, благородством, глубочайшей убежденностью и преданностью делу, которому она посвятила всю свою жизнь.

Вера Георгиевна обладала удивительным даром — воспитывать и объединять вокруг себя людей, делая их единомышленниками и соратниками. Она подготовила целую плеяду учеников и последователей, включая автора данной статьи, которые передают ее творческое наследие уже своим ученикам. Идеи В. Г. Петровой продолжают развиваться в научных исследованиях отечественных и зарубежных ученых и практиков.

Оценивая вклад В. Г. Петровой в развитие зарубежных национальных психологических школ, важно подчеркнуть следующее. Транслирование идей и положений отечественной психологической, дефектологической школы в образовательное поле зарубежных стран, передача этих знаний через подготовленную плеяду учеников имеет большое государственное значение, поскольку укрепляет позиции российской науки, позволяет нести в мир достижения отечественной научной мысли, расширяет культурное влияние России за рубежом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА

«СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2023, № 1 (45)

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2023, № 1 (45)

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Москва (Россия).

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University. Laureate of the Russian Federation Government Education Award, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow (Russia).

E-mail: RyzhovBN@mgpu.ru

БОНКАЛО Татьяна Ивановна — доктор психологических наук, доцент, начальник отдела комплексной экспертизы и координации научно-исследовательских проектов и разработок Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва (Россия).

BONKALO Tatyana Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Comprehensive Expertise and Coordination of Research Projects and Development of the Research Institute for Health Organization and Medical Management of the Department of Health of the City of Moscow, Moscow (Russia).

E-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

ДЕВИЦЫН Антон Сергеевич — старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования Белорусского государственного университета, Минск (Республика Беларусь).

DEVITSYN Anton Sergeevich — Senior Lecturer, Department of Web Technologies and Computer Modeling, Belarusian State University, Minsk (The Republic of Belarus).

E-mail: a.dziavitsyn@gmail.com

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск (Россия).

IVANOV Denis Vasilievich — PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of general psychology and history of psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk (Russia).

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

КИБАЛЬЧЕНКО Ирина Александровна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Института компьютерных технологий и информационной безопасности Южного федерального университета, Таганрог (Россия).

KIBALCHENKO Irina Aleksandrovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Psychology and Life Safety at the Institute of Computer Technologies and Information Security of the Southern Federal University, Taganrog (Russia).

E-mail: kibal-irina@mail.ru

КОЗЛОВ Алексей Владимирович — преподаватель, Международный технологический колледж, Российский биотехнологический университет, Москва (Россия).

KOZLOV Alexey Vladimirovich — lecturer, International Technological College of the Russian Biotechnological University, Moscow (Russia).

E-mail: 19880588@bk.ru

КОЗЛОВА Мария Александровна — кандидат педагогических наук, педагог-психолог, Международный технологический колледж, Российский биотехнологический университет, Москва (Россия).

KOZLOVA Maria Aleksandrovna — PhD in Pedagogical Sciences, teacher-psychologist, International Technological College of the Russian Biotechnological University, Moscow (Russia).

E-mail: 7012946@bk.ru

КРУГЛОВА Елена Александровна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, Иваново (Россия).

KRUGLOVA Elena Aleksandrovna — PhD in Psychology, Associate Professor. Associate Professor of the Department of Continuous Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo (Russia).

E-mail: kruglo-e@mail.ru

НЕМОВ Роберт Семенович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия).

NEMOV Robert Semyonovich — Doctor of Psychological Sciences, Professor. Professor of the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City University, Moscow (Russia).

E-mail: NemovRS@mgpu.ru

ПЕРЕВЕРЗЕВА Марина Викторовна — доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры искусства и народного творчества Российского государственного социального университета, Москва (Россия).

PEREVERZEVA Marina Viktorovna — Doctor of Arts, Associate Professor, Professor of the Department of Art and Folk Art, Russian State Social University, Moscow (Russia).

E-mail: melissasea@mail.ru

ПОЛЯКОВА Ольга Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики факультета политических и социальных наук Российского государственного социального университета, Москва (Россия).

POLYAKOVA Olga Borisovna — PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Conflictology and Behavioral Studies, Faculty of Political and Social Sciences of the Russian State Social University, Moscow (Russia).

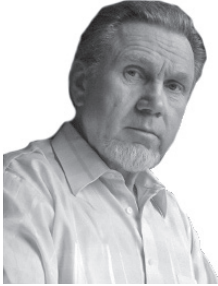
E-mail: pob-70@mail.ru

ТКАЧЕВА Виктория Валентиновна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии Института детства Московского педагогического государственного университета, Москва (Россия).

TKACHEVA Victoria Valentinovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Foundations of Defectology, Institute of Childhood at the Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia).

E-mail: vikt-tkacheva@yandex.ru

ШЕЙНОВ Виктор Павлович — доктор социологических наук, профессор, академик Международной академии информационных технологий, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы БГУ, Минск (Республика Беларусь).

SHEINOV Viktor Pavlovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor at the Department of psychology and pedagogical proficiency at the Institute of higher education under the auspices of the BSU, Minsk (The Republic of Belarus).

E-mail: sheinov1@mail.ru

ЭЖСАКУСТО Татьяна Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Института компьютерных технологий и информационной безопасности Южного федерального университета, Таганрог (Россия).

EHKSAKUSTO Tatiana Valentinovna — PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Psychology and Life Safety at the Institute of Computer Technologies and Information Security of the Southern Federal University, Taganrog (Russia).

E-mail: etv01@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «Системная психология и социология» публикует оригинальные теоретические работы и исследования по проблемам системных описаний в психологии и социологии.

В научном журнале размещаются следующие виды работ:

- методологические и теоретические статьи;
- статьи, описывающие новый метод, тест, опросник и т. д.;
- эмпирические исследования;
- информационно-аналитические материалы;
- рецензирование статей, книг и т. д.

В зависимости от жанра статья должна иметь определенную структуру. Если статья описывает эмпирические исследования, новые методические приемы, тесты, опросники и т. д., то структура статьи включает следующие разделы: «Введение», «Методика», «Результаты и их обсуждение», «Выводы», «Заключение», «Литература».

Информационно-аналитические статьи, методические и теоретические статьи предполагают наличие таких разделов, как «Введение», «Результаты», «Выводы», «Заключение», «Литература».

В редакцию принимаются материалы объемом до одного авторского листа (не более 40 тыс. знаков с пробелами). Объем статей, подготовленных по заказу редакции, не ограничивается. Текст должен быть набран шрифтом *Times New Roman*, 14-м кеглем, через 1,5 интервала с выравниванием по ширине. Поля: слева — 2 см, справа — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см соответственно. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Заголовки разделов статьи печатаются шрифтом *Times New Roman*, полужирным, 14-м кеглем, без курсива, по центру столбца. В конце заголовков разделов точка не ставится (например, Результаты).

Заголовок статьи оформляется по образцу: название (по центру страницы, заглавными буквами, полужирным шрифтом, 14-й кегль, не более 7 слов, без точки в конце названия).

Ниже — инициалы и фамилия автора. Например: И. И. Иванов.

Укажите также, пожалуйста, **уникальный номер ORCID каждого из авторов**.

Статья должна начинаться с расширенной аннотации (не менее 200 и не более 250 слов, или 1600–1850 знаков с пробелами), в которой полностью раскрывается структурная логика статьи, включая разделы «Введение», «Методология и методика исследования», «Результаты исследования», «Заключение».

После аннотации указывается перечень ключевых слов (5–10 слов). Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. Текст аннотации набирается прямым (без курсива) шрифтом с точкой в конце.

Название статьи, равно как и аннотация, ключевые слова, обязательно предоставляется с переводом на английский язык.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи в алфавитном порядке на русском и английском языках. Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках (например: [15: с. 140]), где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, а вторая — номер страницы источника (если это цитата)).

Упоминание всех персоналий в тексте статьи обязательно с инициалами.

В списке литературы желательно указывать **не менее 20 источников**. Из них, желательно, чтобы **половина была на английском языке**, при этом **цитируемые источники** (как русскоязычные, так и англоязычные, индексируемые в РИНЦ, Scopus и WoS) — это издания **за последние 5 лет**. Также следует указывать DOI для тех источников, у которых он есть (о наличии DOI можно узнать по ссылке: <http://search.crossref.org/>) и на которые есть ссылки

в тексте статьи. При упоминании (ссылке) на источники более раннего года выпуска эти источники указываются в постраничной сноске (внизу листа со сквозной нумерацией) и в список литературы эти ссылки не включаются. Количество ссылок на работы автора статьи должно быть ограничено одним-двумя источниками, при ссылке на работы других авторов допускается упоминание двух-трех источников.

Рисунки, графики, схемы нельзя сканировать, они должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. К статье отдельно прилагаются файлы с рисунками, графиками в таком формате, чтобы легко можно было внести правки согласно требованиям публикации.

К статье необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень и звание; место работы и должность; контактный телефон и адрес электронной почты, подписанное фото каждого автора 3 × 4 (в формате *.jpg). Сведения об авторе (кроме контактных данных) должны быть представлены на русском и английском языках.

Рецензирование проходит в период от одного до трех месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация происходит в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Материалы предоставляются как по электронной почте журнала: systempsychology@mgpu.ru, так и в распечатанном виде (+ копия статьи на диске в электронном формате *.doc. Word 2000, 2003 (и выше)) в Институте психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

Адрес редакции журнала: 127287, Москва, Петровско-Разумовский пр., д. 27.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Телефон: 8 (495) 612-67-16

AUTHOR GUIDELINES

An article should ordinarily not exceed 40 000 of signs, including references and tabular material. It should be typed in standard Times New Roman 11 print, with 1 line spacing in MS Office files (Word 2000, 2003 and etc.). Exceptions may be made with prior approval of the Editor in Chief.

It is authors' responsibility to ensure their reviews are comprehensive and as up to date as possible so the data are still current at the time of publication.

Article Structure

Abstract

A concise and factual abstract is required (**not exceeding 200–250 words**). The abstract should state briefly the introduction, purpose of the research, research methods, the principal results and major conclusions. References here should be avoided.

Keywords

Immediately after the abstract, provide a maximum of **5–10 keywords**. Be careful with abbreviations: only abbreviations firmly established in the field may be eligible.

Introduction

Research methods

Results and discussion

Conclusion

Literature (**at least 20 references or more and over the last 5 years predominantly**). As the author of your research article, you should refer to your own works not more than twice, but in so doing every other authors of the works you need to refer should be cited not more than twice or three times.

Graphical Abstract and Tables

A graphical abstract is optional, its use is encouraged as it draws more attention to the article. The graphical abstract should summarize the contents of the article in a concise, pictorial form designed to capture the attention of a wide readership. Graphical abstracts should be submitted as a separate file via email. The image should be readable using a regular screen resolution. Preferred file types: *tiff, *pdf or MS Office files. Please submit tables as editable text and not as images. Tables can be placed either next to the relevant text in the article, or on separate page(s) at the end. Number tables consecutively in accordance with their appearance in the text and place any table notes below the table body.

Every author should send the following information: his full surname, name, his academic status and degree; his unique **ORCID identifier**, the place of his work and information about the post he takes; contact information, including e-mail and his photo 3 × 4 (Preferred file types: *tiff, *jpg).

Contact Details for Submission

Authors are requested to submit their articles and contact details electronically via e-mail: systempsychology@mgpu.ru. Authors also should remember to supply the names and contact details of all co-authors, mentioned in the article.

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Tel.: 8 (495) 612-67-16

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2023

№ 1 (45)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: +7 (499) 181–50–36

Подписано в печать: 00.05.2023 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 7,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.